

**БЕЛАЯ АРМИЯ
БЕЛОЕ ДЕЛО**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
А Л Ь М А Н А Х**

№ 5

ЕКАТЕРИНБУРГ

98

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Двадцать лет назад в самом сердце индустриального Урала рядом с корпусами Уралмашзавода был создан первый в стране инженерно-педагогический институт. Тысячи его выпускников во всех уголках необъятной России поставили «на крыло» и дали путевку в жизнь не одному поколению молодежи. Институт рос, развивал свою материально-техническую базу, становился все более значимым и своеобразным профессионально-образовательным, научно-исследовательским и культурно-просветительским центром Уральского региона и России. Сегодня он преобразован и аккредитован в статусе Уральского государственного профессионально-педагогического университета. Его студенческую аудиторию ежедневно наполняют более 8000 обучающихся по трем десяткам специальностей и специализаций. Преподавание ведут 35 профессоров и докторов наук, более 160 доцентов и кандидатов наук.

Экономическое, социальное и духовное возрождение России требует надежного и упреждающего кадрового сопровождения, профессионалов высокого уровня с основательным гуманитарным знанием и запасом духовной прочности. Для решения этих задач в УГППУ был создан факультет гуманитарного образования. На факультете развернута творческая и полнокровная учебная и научная деятельность семи гуманитарных кафедр: истории России, экономики и управления, философии, педагогики, декоративно-прикладного искусства и народных художественных промыслов, физиологии и безопасности жизнедеятельности, иностранных языков. Большинство из них возглавляют профессорами и докторами наук. Студентам читается 75 курсов базового, факультативного и элективного характера, предоставляется большой объем дополнительных образовательных услуг по свободному выбору студентов. В этом году будет осуществлен первый выпуск художников-педагогов по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные художественные промыслы».

Факультет гуманитарного образования впервые в России приступил к подготовке экономистов-педагогов широкого профиля со специализацией по такому остродефицитному направлению как государственное и муниципальное управление. Будущие специалисты изучают продвинутые курсы бухгалтерского учета, аудита, экономического анализа и финансового менеджмента, основы государственного строительства и местного самоуправления.

В рамках факультета ведется подготовительная работа по открытию богословско-философской специализации, подготовке культуроведов и религиоведов.

Наши выпускники получают диплом государственного образца, который позволяет вести профессиональное обучение в училищах, лицеях, колледжах, общеобразовательных школах. Высококвалифицированные специалисты найдут свое достойное применение на предприятиях различных форм собственности, экономической и управленческой деятельности, в различных сферах социально-гуманитарного профиля, где происходит становление самого человека.

Обучение осуществляется как на бюджетной основе, так и на условиях полного или частичного возмещения затрат самими студентами. Для тех, кто делает свой профессиональный, а значит и жизненный выбор, надежный и выверенный путь пролегает через Уральский государственный профессионально-педагогический университет.

**Наш адрес: Екатеринбург, 620012, пр. Машиностроителей 11,
2-й учебный корпус УГППУ.
Телефоны: (343) 31-84-26, (343) 31-65-55.**

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БЕЛАЯ РОССИЯ»

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ

№5

ЕКАТЕРИНБУРГ

1998

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе предпринимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Специальный раздел альманаха посвящен раскрытию малоизученных страниц белоэмиграции. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

© НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
© Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 1998
© Сакнынь Ю.П. Оформление. 1995

Уважаемые читатели! Настоящий номер выходит в год знаменательных, подчас печальных исторических дат, самым непосредственным образом связанных с братоубийственной Гражданской войной в России. Наверное каждая из них достойна отдельного пристального внимания. Однако не имея возможности это сделать, если учесть периодичность выхода альманаха в свет, редакция решила уделить определенное место наиболее значимым.

Восемьдесят лет прошло с момента начала Белого движения, сплотившего вокруг себя многих истинных патриотов, по-своему веривших в возможность спасения истерзанной Родины. Но что предшествовало этому движению, были ли предпосылки для его возникновения? На эти вопросы, думается, отвечает в своей статье «К предыстории Белого движения: «Добровольческая революционная армия» 1917 года» молодой орловский историк Р.М.Абинякин.

Минуло также восемьдесят лет и со времени Кубанского («Ледяного») похода, ставшего настоящей легендой Белого движения на Юге России, и того трагического дня. 31 марта, когда осколок большевистского снаряда оборвал жизнь организатора и Главнокомандующего Добровольческой армии, генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова. Вполне естественно, что мы не могли пройти мимо этих событий и предоставить наши страницы для публикации материала, присланного в редакцию авторитетным московским профессором В.Н.Фоминим, изюминкой работы которого «Л.Г.Корнилов: жизнь и судьба кумира русского офицерства» является стремление раскрыть такие неизвестные или плохо изученные стороны характера этого неординарного человека, как жажда к знаниям, путешествиям, языкам и т.д. Пользуясь случаем, редакция поздравляет Романа Михайловича и Владимира Николаевича с успешным дебютом в альманахе и выражает надежду на последующее плодотворное сотрудничество.

Восемь десятков лет отделяют нас от пожара Гражданской войны, в короткий срок охватившего всю страну. Но до сих пор мы слишком мало знаем не только о рядовых, неприметных участниках кровавых событий, но и о незаурядных личностях. С целью внести перемены в сложившуюся практику редакция вводит в альманах новые рубрики «На службе Родине» и «Розыск», в которых отныне будут публиковаться различные материалы (списки, мартирологи, отдельные сведения) по составу лиц, служивших как в военных, так и в гражданских организациях на стороне Белого лагеря.

Наконец, в этом году исполнилось 100 лет со времени основания Харбина - главного города Китайско-Восточной железной дороги, по преимуществу русского, ставшего в двадцатые годы нашего столетия центром Российской Белой эмиграции в Азии. Отмечая эту дату, мы публикуем подборку материалов, подготовленную журналистом Э.П.Молчановым и посвященную выдающемуся поэту русского Зарубежья, харбинцу Арсению Ивановичу Несмелову, и воспоминания эмигранта-репатрианта Г.Б.Зайцева, рассказывающего о своих впечатлениях от проживания в Харбине и Шанхае (другом сосредоточии русских).

Наш постоянный читатель встретится также с некоторыми знакомыми ему авторами (Ю.П.Дорониным, В.Ф.Ершовым, М.В.Таскаевым), вновь предоставившими в распоряжение редакции свои поистине уникальные материалы и ставшими уже нашими добрыми единомышленниками.

Уважаемые читатели! Наш альманах существует исключительно за счет самокупаемости. До недавнего времени мы более-менее успешно справлялись с финансовыми проблемами. Однако в последние месяцы в условиях экономического кризиса, разразившегося в стране, произошел резкий рост цен и на полиграфические услуги. Поэтому мы вынуждены с целью сохранения издания и периодичности его выхода в свет обратиться к

вам за поддержкой. С этой целью мы создаем «Общественный фонд альманаха «Белая армия. Белое дело». Свои добровольные пожертвования вы можете направлять почтовым переводом по нижеуказанному адресу. Позднее мы опубликуем номер специального банковского счета. Редакция заранее благодарит наших добрых друзей-единомышленников и гарантирует опубликование на страницах альманаха ваших славных фамилий. Восстановим вместе имена Героев Белого Дела!

В заключение позвольте, как и прежде, пригласить всех, готовых к сотрудничеству с нами, коллег и читателей выступить со своими исследованиями на страницах будущих номеров альманаха. Требования к предлагаемым к опубликованию работам остаются прежними: наличие печатного текста в двух экземплярах, его литературного изложения, иллюстраций, файла на дискете 3,5 дюйма в редакторе Microsoft Word 7,0 для Windows 95.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать пожертвования и заявки на номера альманаха и публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу.

Мы искренне рады новой возможности общения с Вами, дорогие читатели, и смеем надеяться, что и для Вас оно принесет несколько приятных минут.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Абинякин Р.М.

К ПРЕДЫСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: «ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ» 1917 ГОДА

Зарождение Белого добровольчества в России, весьма мало изученное, ранее связывалось с образованием «очагов контрреволюции» в первой половине 1918 г. или с корниловским выступлением. Между тем и идейно, и организационно его первые ростки проявились в кампании по формированию ударных частей еще весной-летом 1917 г. Последние публикации учитывают это, но касаются отдельных аспектов и подразделений - чаще всего знаменитого Корниловского полка. Однако усиливавшееся падение дисциплины и боеспособности армии заставляло военных выдвигать более масштабные планы ее оздоровления.

Началом добровольческой эпопеи считается рапорт оперативного офицера разведотдела штаба 8-й армии, Генерального Штаба капитана М.О. Неженцева, предлагавшего: «В штабах армий, корпусов, полков надо начать формирование ударных отрядов», которые «бросать в самые трудные участки боя». Несмотря на неохотную реакцию штабных чинов, была разрешена вербовка солдат и офицеров (до прапорщика - то есть только прапорщиков) в запасных полках. В результате к середине июня насчитывалось около 2 тыс. волонтеров, без учета трехтысячного 1-го Ударного, будущего Корниловского отряда¹. Вскоре помимо сотен индивидуальных рапортов некоторые запасные подразделения объявили о переходе в разряд ударных в полном составе: 39-й, 117-й, 229-й, 290-й, 293-й и другие запасные полки, отряды пограничной стражи. Согласно документам, в трех запасных кавалерийских полках осталось после записи всего по два маршевых эскадрона².

Временное правительство в лице премьера князя Г.Е. Львова приветствовало воодушевление армии, приписывая его, правда, исключительно «вере в идеалы революции»³, то есть поддержке собственной власти, которая, напротив, резко критиковалась военными за бездеятельность.

Именно в это время добровольчество стремительно нарастало. Активизировались те, кто оказался невосприимчив и враждебен пораженческой агитации леворадикальных партий. Массово и спонтанно возникали искренние, немного наивные воззвания о «борьбе до последней капли крови», обращенные к «тем, у кого в груди русское сердце и идея борьбы ... за честь, свободу и землю Великой Родины»⁴. Из-за обилия прошений Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии А.А. Брусилов разрешил запись в «батальоны смерти» целых фронтовых частей, потому что ряд командиров отрицательно оценивал выделение самых боевых офицеров и солдат из своих подразделений. В частности, генерал-лейтенант А.И. Деникин не скрывал скепсиса, все же признавая ценность и величину «подвига ударников»⁵.

Панорама добровольческого движения такова. С 12 июля было разрешено формирование ударных батальонов из фронтовых частей; 15 июля такое право получили казаки⁶. Именно тогда энтузиазм достиг пика. На 15 июля записались 3 корпуса, 3 дивизии, 2 бригады, 6 полков, 16 рот, 16 артдивизионов, 6 батальонов, 22 батареи, 11 команд и канонерская лодка «Храбрый» (из них 3 корпуса, 3 дивизии, 4 полка и 4 артдивизиона - на Юго-Западном фронте, о чем военному министру, скрыто демонстрируя силы, телеграфировал командующий фронта генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов)⁷. Конечно, расту-

шая популярность и активность генерала начинала беспокоить правительство, но Корнилов, спасший и упорядочивший едва не рухнувший фронт, проявил себя решительным и полезным организатором. Поэтому он был назначен Верховным главнокомандующим после Брусилова, с одновременным произведением в генералы от инфантерии.

Важно проследить механизм записи в «части смерти», без знания которого внушительные цифры будут малосостоятельны. Решение принималось общим полковым (или иным соответствующим) собранием большинством голосов. Нарушей принципа добровольности не зафиксировано. Резолюция в агитационных целях рассылалась в другие части своей дивизии. Надо учитывать и незаписавшихся солдат, выразивших, тем не менее, «твердое решение идти в наступление». Отказ от официальной регистрации они объясняли отсутствием ее необходимости так как «и без этого готовы умереть за Родину».

Нежелание зафиксировать фамилии возникало и из-за тайной агитации пораженцев против ударных батальонов и запугивания ими солдат⁸.

Наряду с Корниловским сформировался подобный же 1-й Ударный Революционный полк под командованием Генерального штаба капитана В.К. Манакнна. Отчет о его смотре содержит подтверждение очевидной пользы: «Задачи выполнены образцово ... Занятия проходят ежедневно по 8-10 часов ...». Отмечалась и универсальная подготовка солдат - на батальон приходилось по 80 пулеметчиков сверх установленного числа⁹. Сверхштатное число пулеметов стало не только техническим обеспечением боевой мощи, но и потенциальной возможностью второго, «внутреннего» применения ударников.

Между тем практические правила создания добровольческих батальонов заранее совершенно не были разработаны. Поэтому спешно сформулировали «Наставление для формирования и обучения Ударных частей»¹⁰, переведшее их цели и смысл с языка патетики на точный язык военной науки. Из текста видно, что данные войска по сути стали предвестниками штурмовых групп Второй мировой войны, то есть несомненным прогрессом военного дела России.

Личный состав «частей смерти» не мог не соответствовать их специфике. Помимо «Наставления ...» важной для понимания характерных особенностей ударников является «Присяга революционера-волонтера»¹¹. В ней культивировались «крепчайшая спайка части», активная взаимовыручка, высокий моральный настрой (специально оговаривалась недопустимость братаний с врагом) и широкая личная инициатива. Последнее было шагом вперед относительно прежних требований к солдату. Психологический облик ударника - облик смертника: присутствовало обещание обороняться, не отступая, до получения тяжких ран, не сдаваться в плен: осознание и принятие смерти «за Родину и свободу как счастье и оправдания ... присяги».

Не просто выделить самое значимое, стержень этой присяги, так не похожей на обычные своим особым акцентированием многих обязанностей неотъемлимых от солдата вообще: сама необычность служит дополнительным доказательством уровня разложения военного порядка в то время. Думается, что доминировало обязательство «исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою приказания поставленных надо мною начальников». Устранение непрофессионального и разрушительного комитетского или выборного руководства яв-

Неженцев Митрофан Осипович
(1886-1918), полковник, командир
1-го Ударного отряда Корниловского
Ударного полка. Фото 1918 г.

Туркул Антон Васильевич (1892-1957), штабс-капитан 75-го Севастопольского пехотного полка, командир Ударного батальона 19 пехотной дивизии. Впоследствии генерал-майор. *Фото 1921 г.*

лялось залогом эффективности. Подчеркивалось: необходимо «невмешательство комитетов в формирование и управление военной и хозяйственной жизнью Ударных батальонов», ибо «кто из серьезных твердых офицеров возьмет должность, предлагаемую ему матросом или солдатом?»¹². Такая постановка вопроса, безусловно, делала службу в «частях смерти» еще привлекательней. Недаром офицеры составили значительную, если не подавляющую, долю добровольцев. Жалование же назначалось им в стандартном размере соответственно чина, никаких преимуществ не существовало¹³.

В июле Ударные части не только участвовали в боях, но и обеспечивали дисциплину на позициях. Корнилов одно время даже считал необходимым придать каждой номерной армии по «бригаде смерти», веря, что «это принесет пользу для порядка боевых действий»¹⁴. Добровольцы становились закономерными проводниками чрезвычайных мер командования. С первых дней встречая резко отрицательное отношение пораженцев, приводившее к эксцессам, ударники, не выходя из боев, «крутыми мерами останавливали и возвращали в окопы даже славнейшие русские полки»¹⁵. Кажущаяся аналогия с советскими заградотрядами, не выходившими на передовую, неправомерна. Главным для ударников по-прежнему оставалась борьба с противником.

Высокая эффективность Ударных батальонов породила проект выделения из армии наиболее сильного элемента и развертывания на его базе добровольческих полков - так называемой «Добровольческой Революционной армии». Остальные части планировалось свести в рабочие роты с особо строгой дисциплиной, разбив тем самым на мелкие, легко контролируемые отряды (одним из теоретиков проекта был генерал-майор П.Н. Врангель). Хотя в случае реализации такая мера и сокращала строевые войска по меньшей мере вдвое, повышение качественной стороны не подвергалось сомнению¹⁶. Конечно, не вполне учитывалась необходимость колоссальных сил для охраны ненадежных нестроевых команд. В случае же удачи этой кардинальной реформы комплектования, по сути начало профессионализации армии, командование получало боеспособные и повинующиеся войска. Но утвержденная лишь 16 октября эта система опоздала и ничего не смогла изменить.

Для массовых воодушевлений характерно как быстрое воспламенение, так и стремительное угасание. Всего было сформировано и отправлено на фронты 16 Ударных батальонов и 2 роты (кроме Корниловского и 1-го Революционного полков)¹⁷. Приводимые Н.Я. Ивановым данные о 34 батальонах общей численностью около 80 тыс. человек¹⁸ расширяют картину, но фиксируют все возникшие подразделения. Запасные и резервные при этом не дифференцированы от получивших подготовку и попавших на позиции. Не редко начатое формирование затем прекращалось в силу преимущественно хозяйственных нестыковок. Однако учет максимального количества добровольцев необходим для характеристики социального материала, активизированного кампанией.

Выше приводилась численность фронтового добровольчества. Организация Ударных батальонов проводилась созданным 13 июня Всероссийским комитетом для вербовки добровольцев, переименованным 5 августа в Центральный комитет по организации Добровольческой Революционной армии¹⁹. В результате многочисленные мелкие и мельчайшие группы с громкими названиями, разбросанные по стране, присоединялись к ко-

митету. Приведем перечень лишь некоторых из них: Союз чести Родины, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз спасения Родины, Лига личного примера, Союз воинского долга - в Петрограде, Союз «Вперед за свободу!» - в Ялте и другие²⁰. Во многих городах появились отделения Организационного бюро комитета, общим числом - 96.

Единственной относительно крупной организацией, влившейся в состав Добровольческого комитета 9 августа, стал Комитет по формированию отрядов из увечных воинов под председательством солдата Ореловича. Филиалы находились в Павловске, в Царском Селе и Одессе, где, помимо столицы, проходила вербовка в соответствующие полки, по одному на город²¹.

Важно отметить разницу между переименовавшимися «батальонами смерти» и специально сформированными. Если в первых могло присутствовать несогласное меньшинство, то сплоченность вторых, вобравших исключительно добровольцев, была почти идеальной. «Новые» Ударные части, укомплектованные офицерами в избыточном количестве²², стали предвестниками офицерских подразделений Белых армий Юга России.

Активисты движения высказывали свежие идеи, например, отказ от понятия «офицер» в прежнем, худшем смысле. Залогом успеха они считали единодушие личного состава. По определению командира корниловцев капитана М.О. Неженцева, «офицер - человек долга и порядка», который должен «быть рядом с солдатами, отвечать на все их сомнения»²³. Изжив рознь между начальниками и подчиненными, чему у ударников способствовало единство ценностей и взглядов, армия получала более устойчивые и в определенном понимании бессловесные войска. Проектировалась даже выборность командных кадров из числа офицеров²⁴. Подобные перемены являлись началом возникновения специфики внутреннего быта, свойственной затем офицерским ротам, батальонам и полкам Добровольческой армии.

Большую активность при образовании Ударных частей проявили юнкера. Возникло много самочинных юнкерских батальонов, но командование сначала ограничило количество волонтеров пятнадцатью процентами состава по каждому училищу, а затем запретило полностью. Дважды, 26 июля и 6 августа, издавались приказы об их расформировании, так как гибель юнкеров в перспективе угрожала сокращением офицерского корпуса. Несмотря на это, на фронтах оказались 2 батальона, 4 роты и 1 команда юнкеров²⁵.

В меньших и колеблющихся масштабах запись в «части смерти» продолжалась в августе-октябре, когда создавались батальоны пополнения, 2-й Ударный Революционный полк и Славянский добровольческий отряд (из пленных солдат-славян австро-венгерской армии, под началом русских офицеров)²⁶. Число переименовавшихся фронтовых частей, ввиду их обширности, сведены автором в ниже приводимую таблицу.

Таблица.

Общее число войск, записавшихся в «части смерти»²⁷.

Дата Части	17 июля	5 авг.	3 сент.	21 окт.	13 нояб.
Корпус	4	-	-	-	-
Дивизия	5	-	-	-	-
Бригада	11	6	2	-	-
Полк	21	14	6	4	1
Батальон	15	27	3	10	-
Эскадрон	-	1	1	1	-
Дивизион	25	21	3	8	1
Батарея	43	40	20	27	-
Рота	21	22	12	25	3
Команда	19	19	13	11	1
Отряд	4	2	-	3	-
Единица флота	1	1	-	1	-

Скоблин Николай Владимирович (1893-1938?), штабс-капитан, командир 2-го батальона и помощник командира Корниловского Ударного полка. Впоследствии начальник Корниловской Ударной дивизии, генерал-майор. *Фото 1921 г.*

Большинство ударников честно выполняли присягу. Те, кто не мог или не желал продолжать службу беспрепятственно отпускаясь. «Список частей смерти, подлежащих исключению из частей смерти как опозоривших их» и иные документы свидетельствуют об отсутствии таковых на четырех фронтах из пяти²⁸. Наличие же их на Юго-Западном фронте объясняется самым большим количеством там «батальонов смерти» вообще.

После неудачи Корниловского выступления в армии произошел резкий скачок анархии. Поэтому именно в сентябре на позиции отправили даже два отряда из увечных воинов, послуживших надежной опорой в дни Июльского кризиса в Петрограде. В отличие от малоэффективных и почти чисто пропагандистских женских ударных команд (чьё появление на фронте крайне озадачивало командование²⁹), организаторы инвалидных отрядов ставили цели не столько боевого, сколько дисциплинарного жандармского использования. К ним относились: охрана оборонных заводов (истинная сущность которой ясна при учете роста забастовок), «восстановление боеспособности армии» на фронте и в тылу, и прочее «активное содействие временной власти»³⁰. Подчеркнем, что формулировались эти намерения еще в начале июня.

Конечно, «внутреннее» применение ударников не афишировалось, но подразумевалось: мало кто заблуждался насчет перспектив. Напротив, многие полки и батальоны принимали наименование «Корниловские». Отдав свое шефство 1-му Ударному отряду, генерал не возражал против самоназваний, стремясь лишь не привлекать внимания правительства.

Сокращение притока добровольцев вынуждало командование всеми силами сохранять имеющиеся «части смерти». Нередко при расформировании дивизии приданный ей Ударный батальон (по ходатайству личного состава) оставлялся, зачисляясь в распоряжение Ставки наравне со специально образованными. В конце октября-ноябре усилился и отток по собственному желанию ранее записавшихся частей. Причиной было либо шатание из-за недавней записи (Ванская озерная флотилия), либо значительная смена контингента подразделения вследствие тяжелых потерь (35-я пехотная дивизия)³¹.

Ударные батальоны на фронте вместе с другими одиночными частями продолжали бои с противником. В результате они буквально истекали кровью: в ротах оставалось по 20-25 невредимых солдат, и ни пополнения, ни смены не приходило и не могло придти. Враждебность окружающих войск слегка скрывалось паническим страхом даже перед ослабленными ударниками³².

19 ноября по приказу исполнявшего должность Главковерха генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина офицерские ядра семи ударных батальонов, в том числе 4-го, 8-го, 2-го Оренбургского, 1-й Финляндской стрелковой дивизии и 1-го Революционного полка, под командой полковника Л.А. Янковского, подполковников В.К. Манакина и В.В. Бахтина отправились из Могилева на юг. Прорвавшись через заслон под Жлобиным, они оказались перехваченными и после ряда стычек окруженными на Белгородчине отрядами красногвардейцев и матросов А.Ф. Ильина-Женевского и И.П. Павлуновского. Сражаясь до последнего патрона, почти все ударники этой двухтысячной группы погибли, частично попали в плен или рассеялись и пробрались на Дон³³.

Единственным случаем участия в борьбе против установления советской власти, совершенно незамеченным исследователями, стала поддержка чинами 7-го Ударного батальона и неизвестного «батальона смерти» юнкерско-офицерской Белой Гвардии в Москве. Статистический анализ «Списка похороненных на братском военном кладбище 13 ноября 1917 г.» погибших участников боев, при определенной произвольности подобной выборки, показывает 22 процента ударников³⁴.

9 декабря первый советский Главковерх Н.В. Крыленко, мотивируя унификацией войск, издал приказ о расформировании «частей смерти», всех видов «ударных» и «штурмовых» частей³⁵. До сих пор нигде в литературе не отмечено ни единого случая перехода в дальнейшем хотя бы одного офицера-ударника в Красную армию. На Дон же «почти каждый день приезжали офицеры и отдельные бойцы ударных батальонов»³⁶.

Таким образом, проект создания «Добровольческой Революционной армии» непосредственно на традиционной общечармейской базе не реализовался. Однако его значение состоит в активизации и первоначальном сплочении тех социальных сил, которые способствовали идейному и организационному становлению Белого добровольчества.

---

¹ Российский Государственный Военно-Исторический архив (РГВИА). Ф.2003. Оп.2. Д.347. Л.66.

² Там же. Л.40-48; Д.348. Л.116,139,211,230.

³ Там же. Д.348. Л.17-18.

⁴ Там же. Д.347. Л.38,183-185.

⁵ Там же. Л.11-12.

⁶ Там же. Л.136,149.

⁷ Там же. Д.348. Л.150,174-176.

⁸ Там же. Л.284,286,346-347.

⁹ Там же. Д.350. Л.76,77.

¹⁰ Там же. Д.348. Л.27.

¹¹ Там же. Д.347. Л.3.

¹² Там же. Л.266.

¹³ Там же. Д.350. Л.45.

¹⁴ Там же. Д.348. Л.29.

¹⁵ Критский М.А. Корниловский Ударный полк. - Париж,1936. - С.29.

¹⁶ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 - ноябрь 1920 гг.). - М.;1991. - Кн.1. - С.46.

¹⁷ РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.348.Л.301; Д.350. Л.231.

¹⁸ Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. - М.; 1977. -С.47.

¹⁹ РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.351. Л.18.

²⁰ Там же. Л.7; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. - Париж,1937. - Ч.1. - Кн.2. - С.136.

²¹ РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.351. Л.2,26; Ф.69.Оп.1.Д.75. Л.157.

²² Врангель П.Н. Записки ... - Кн.1. - С.32.

²³ Цит. по: Критский М.А. Корниловский Ударный полк. - С.16.

²⁴ РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.347.Л.273.

²⁵ Там же. Д.350. Л.193,230.

²⁶ Там же. Л.81,83.

²⁷ Таблица составлена автором по: РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.347.Л.303-305; Д.352.Л.2-3, 65-67, 68, 88,139-140. Списки не содержат повторений. В таблице отражен количественный прирост «частей смерти».

²⁸ РГВИА. Ф.2003.Оп.2.Д.348.Л.369,371,372,375.

²⁹ Там же. Д.349. Л.54-55.

³⁰ Там же. Д.351. Л.2,7,26.

³¹ Там же. Д.352. Л.91,101,106,114,118.

³² Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. - Берлин,1923. - Т.12. - С.214,245-246.

³³ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. - М.;1995. - С.199,203.

³⁴ Кондратьева А. Они верили в Россию: бои юнкеров в Москве в октябре-ноябре 1917 г. // Военная быль. - 1993. - №1.

³⁵ РГВИА. Ф.2003. Оп.2.Д.352. Л.105.

³⁶ Ларионов В.А. Последние юнкера. - Франкфурт-на-Майне,1984. - С.31.

АВИАЦИЯ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО И БЕЛОЙ КУБАНИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В начальный период антибольшевистской борьбы, несмотря на все усилия своих вождей, казачество держало нейтралитет. Попытка наиболее яркого противника большевизма на Дону - А.М.Каледина поднять казаков на борьбу за вековые вольности потерпела провал именно в силу их нежелания участвовать в Гражданской войне.

Впоследствии главной целью донских казаков стало сохранение автономного управления. Они заявили о непризнании большевиков, но не стремились и к их свержению, думая только о защите своих границ. Однако испытав зимой и весной 1918 г. политику «разказачивания», стали активными участниками контрреволюционного движения. В то же время казачество постоянно пыталось сохранить свою автономию и от Белых правительств. Оно боролось на два фронта: против большевиков и белых, оберегая свои исконные казачьи интересы и не желая признавать претензию белых правительств на доминирующее общегосударственное значение. Для защиты этих интересов в апреле 1918 г. в районе Новочеркасска началось формирование Донской армии¹.

Большое внимание в ней уделялось организации инженерной службы и, особенно, зарождающейся авиации. «Положение о военной службе казаков и калмыков Донского войска» предусматривало иметь в составе своих строевых частей 1 самолетный дивизион в мирное время и 4 аэропланых дивизиона в военное время².

Наиболее важной проблемой, которую необходимо было разрешить донскому командованию, была укомплектация армии. Для этих целей было переработано Положение о всеобщей воинской повинности. Донские власти в условиях Гражданской войны отказались от чисто казачьих войск и, с целью привлечь на службу иногородних, пошли на приравнивание их с казаками в правах. Участие в борьбе с большевиками открывало, таким образом, путь неказачьему населению Дона к казачьим сословным привилегиям³, как раз из лиц неказачьего сословия, в основном, формировался летный состав первых авиачастей.

Испытывая острую нужду в авиационно-техническом имуществе и самолетах, атаман Всевеликого войска Донского П.Н.Краснов, действуя в зоне «германских интересов», установил тесные связи с немецкими интервентами и получил от них существенную помощь. С немцами заключили контракт на поставку аэропланов, оружия, боеприпасов и т.п., было подписано соглашение, что в случае совместного участия германских и донских войск половина военной добычи передавалась Донскому войску безвозмездно⁴.

Все поставки шли из Украины, с оставшихся там громадных складов Российской Юго-Западной армии, контролируемых немцами. Вывозом военного имущества занимался военный летчик подполковник Антонов⁵. Наглядно рост численности аэропланов в Донской армии в 1918 г. виден из таблицы.

Рост численности самолетов Донской армии в 1918 году⁶

МЕСЯЦЫ	Количество самолетов		
	исправных	неисправных	всего
май	-	1	1
июнь	2	1	3
июль	2	2	4
август	6	4	10
сентябрь	10	8	18
октябрь	15	10	25
ноябрь	26	12	38
декабрь	40	16	56

Насколько существенна была эта помощь, свидетельствует белоказачий представитель при германском штабе полковника Измайлова: «... Ни оружия, ни боевых припасов у нас тогда (то есть в мае) не хватало... И мы жили только тем, что нам продавали немцы, да еще кое-какими трофеями, взятыми у противника. Стоило немцам уйти из-под Батайска, как Ростов, а затем Новочеркасск были бы в тот же день задушены лавиной большевиков и песенка Дона была бы, что называется, спета»⁷.

Формирование первого авиационного отряда началось в мае 1918 г. с одного неисправленного самолета. К ноябрю в Донском самолетном дивизионе было 2 отряда и авиационный парк⁸. Возглавлял его военный летчик В.Г. Баранов, бывший инспектор авиации Украинской державы⁹.

Ремонт неисправленных аппаратов был организован в авиапарке и Таганрогских мастерских¹⁰. Из Украины в распоряжении Донского самолетного дивизиона поступил поезд-мастерская. Его доставил заведующий химико-физической лабораторией при донском авиационном парке инженер Чернов¹¹.

Эта пронемецкая ориентация Донского правительства не могла не войти в противоречие с интересами Добровольческой армии, тяготевшей к странам Антанты и выказывавшей к немцам самое непримиримое отношение. Кроме того, к концу 1918 г. изменилось внешне политические условия. В связи с окончанием Первой мировой войны и народной революцией 9 ноября в Германии, немецкие войска вынуждены были оставить свои позиции и прекратить активную помощь П.Н. Некрасову, казачьим вождям пришлось переориентироваться на поддержку стран Антанты, которые, в качестве основ договоров, выдвинули требования «единого командования».

В письме председателя особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией генерала А.М. Драгомирова председателю большого войскового круга Всевеликого войска Донского В.А. Харламову 15 ноября 1918 г. на это откровенно указывалось: «Представителем Донской армии было разъяснено, что союзники приступят к снабжению Донской армии только тогда, когда получат известие, что между Донской армией и Донским атаманом достигнуто соглашение об объединении высшего командования и снабжения»¹².

Отсутствие резервов вынудило атамана уступить, и 8 января 1919 г. П.Н. Краснов признал единое командование. Донская армия вошла в состав вооруженных сил юга России (ВСЮР), возглавляемых А.И. Деникиным. Вслед за этим шагом возобновились поставки, но уже от союзников. Самолетный парк армии к февралю 1919 г. был представлен уже 68 аэропланами¹³.

Несмотря на достигнутое соглашение между главнокомандующим ВСЮР и атаманом П.Н. Красновым, Донская армия, в том числе и ее авиация, продолжала оставаться на положении союзной - иностранной.

Главнокомандующему она подчинялась только в оперативном отношении, на ее организацию, службу и быт влияние А.И. Деникина не распространялось¹⁴.

В то же время находясь в некотором подчинении, Донская авиация обеспечивалась авиационным имуществом и военным обмундированием. Со складов Добровольческой армии подчиняясь в этом вопросе начальнику авиации ВСЮР генералу Кравцевичу. Главными источниками снабжения были запасы, захваченные у большевиков, а также начавшийся в феврале 1919 года подвоз английского снаряжения. Это, по словам А.И. Деникина, позволило несколько пополнить боевой запаси ликвидировать недостатки в боевом снабжении¹⁵.

Управление начальника авиации Донской армии, используя эти возможности:

- открыло авиационную школу мотористов по подготовке кадров для обслуживания всех авиачастей, находящихся на территории Дона¹⁶;

- создало кадровую авиабазу Донского авиационного парка, основное назначение которой состояло в приеме и содержании на складах имущества, необходимого для авиачастей, обеспечения его текущего ремонта, а также контроле за ремонтом самолетов на заводе Ф.Моска¹⁷;

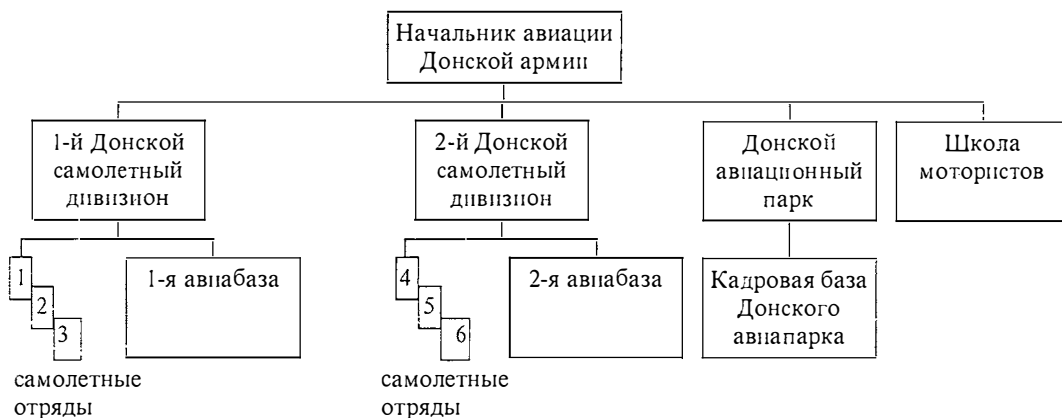
- приступило к формированию нового трехотрядного авиадивизиона¹⁸.

Проведенная работа дала возможность командующему Донской армией и флотом генералу В.И. Сидорину 6 августа 1919 г. издать приказ №307 следующего содержания: «Управление начальника авиации Донских армий, управления 1-го и 2-го Донских самолетных дивизионов, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й самолетные отряды, 1-я и 2-я авиабазы

входят в состав постоянной армии Всевеликого войска Донского и, как выступившие на фронт для фактического участия в борьбе с большевиками включить в состав авиационных войск, действующих на фронте, а Донской авиационный парк, школа мотористов при Управлении начальника авиации и кадровая база Донского авиационного парка - входят в состав постоянной армии, находящейся в тылу»¹⁹.

На основании этого приказа схема организации авиации Донской армии выглядела в следующем варианте (см. схему).

Схема организации авиации Всевеликого войска Донского в 1919 году²⁰

Однако данная организационная структура не могла в полной мере удовлетворить потребности фронта. Этот вывод напрашивается сам по себе после знакомства с воспоминаниями о Гражданской войне А. Кельчевского - начальника штаба Донской армии. В них он пишет: «Приобретенный опыт заставил бы меня внести следующие поправки в схему организации: ... добавить два самолетных отряда, по шесть самолетов в каждом, - по одному на пешие и конные дивизии, 12 самолетный, в непосредственном распоряжении начальника дивизии...»²¹. На материальные возможности авиации войска Донского, ориентированные на внешние поставки в тот период не позволяли этого сделать.

Пытаясь наладить положение и сгладить недостатки в военном обеспечении, командование и Донское правительство проявили заботу о чинах военного звания, а также о семьях военнослужащих. С этой целью весной 1919 года Донским сенатом издается закон о возмещении чинам рядового звания расходов по приобретению предметов обмундирования и снаряжения²². Более того, было установлено пенсионное обеспечение семейств мобилизованных солдат и офицеров²³. Чинам воинского звания полагалось по закону еще и дополнительное обеспечение деньгами и натурой²⁴. Для уравнивания летчиков и наблюдателей Донской армии в получении «залетных» денег с Добровольческой армией было разрешено получать «залетные» деньги не за 12 часов полета²⁵, а за количество фактически налетанных часов в течении месяца²⁶.

Примечательно, что Дон, владевший печатным станком, был в несколько лучшем положении нежели Кубань и Добровольческая армия, ибо по политическим соображениям без согласования с Главным командованием устанавливал содержание своих военнослужащих по нормам выше Добровольческой армии, вызывая тем самым недовольство последней²⁷.

В ходе боев осенью - зимой 1919 г. авиация Донской армии понесла значительные потери, а в январе - феврале 1920 г. была окончательно разгромлена. Ее остатки эвакуировались в Крым, где вошли в состав Русской армии, генерала П.Н. Врангеля.

На базе Севастопольской военно-авиационной школы из 17 офицеров, летчиков и наблюдателей Донской авиации, был сформирован авиационный отряд²⁸, который по приказу Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России ВСЮР N 3149 от 7 июля 1920 г. был включен в состав авиации ВСЮР. Он именовался 2-м авиационным Донского войскового атамана генерала Каледина отрядом²⁹.

На Кубани ситуация развивалась следующим образом. В конце 1918 года вся область была занята войсками А.И. Деникина, с их помощью было образовано краевое правительство, которое, в целом поддерживая борьбу генерала с советской властью, в то же время выступило против его политики воссоединения «единой и неделимой России» и, как и на Дону, отстаивало автономию Кубанского казачества и добивалось организации самостоятельной Кубанской армии.

В поисках материальных средств для ее обеспечения на первых порах была достигнута договоренность с немцами, о чем сообщал уполномоченный Кубанского правительства при правительстве Всевеликого войска Донского П. Макаренко. Он писал: «Германское командование не будет препятствовать покупке оружия Кубанским правительством на Украине»³⁰. В качестве расчета за эту услугу немцев устраивал товарообмен. Но эти планы осуществиться не успели, так как германские войска вскоре покинули пределы России. А Кубанское войско вошло в состав Вооруженных сил Юга России с надеждой на помощь со стороны стран Антанты.

Кубанское краевое правительство приступило к созданию собственной армии. В ее составе предписано было иметь авиационные силы. На заседании своего совета 28 ноября 1918 г. правительство утвердило штаб Кубанского казачьего авиационного отряда (21 офицер, из которых 10 летчиков и 8 летчиков - наблюдателей, и 74 казака обслуживающего персонала)³¹. Его формирование было поручено кубанскому казаку, военному летчику, полковнику В.М. Ткачеву, бывшему руководителю русской авиации и воздухоплавания при Ставке Верховного Главнокомандующего. Имея большой опыт работы еще с Первой мировой войны, он оперативно приступил к выполнению поставленной задачи. Смета составленная В.М. Ткачевым на 1919 г. в Главном техническом управлении Кубанского казачьего войска (ККВ) предусматривала приобретение 40 самолетов. Из общего числа самолетов предполагалось иметь двадцать истребительного типа и двадцать двухместных бомбардировщиков³².

Желание опытного летчика было учтено, Кубанское правительство дало согласие на выделение кредитов на нужды авиаотряда. Все техническое имущество и аэропланы предполагалось получить из авиационного парка Добровольческой армии, а крупный заводской ремонт самолетов проводить на заводе Кубаноль (г. Екатеринодар) по особому соглашению. Таким образом, Кубанская авиация косвенно становилась в зависимость от поставок союзников.

Первые самолеты поступили в отряд из Донской авиации, один был привезен есаулом В.Д. Лобовым с Украины³³. К середине марта 1919 г. в строю было девять разнотипных аппаратов следующего состава: «Ньюпор-17» - 1, «Анасаль» - 4, «Моран-Парасоль» - 2, «Сикорский-16» - 1, «Фарман-20» - 1³⁴.

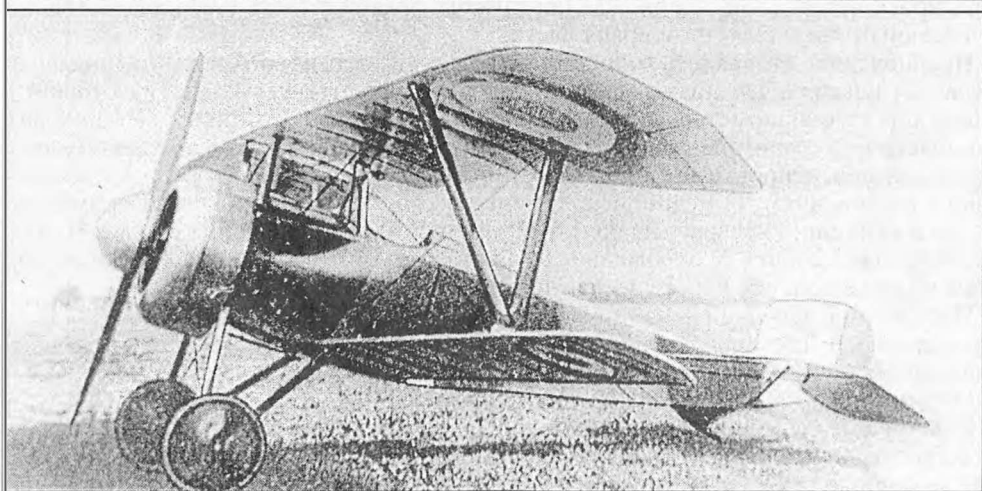
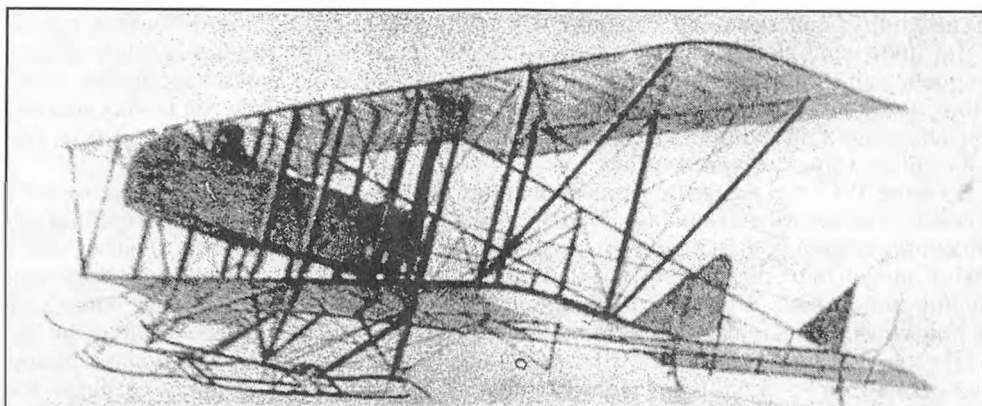
За сравнительно короткий срок формирования отряда было закончено. 3 марта 1919 г. в приказе 1-му Кубанскому авиационному отряду (1-й ККАО) № 60 полковник В.М. Ткачев объявил: «Сего числа формируемый мною отряд считать сформированным. Второго сего марта мною совершен тренировочный полет на аппарате «Анасаль» № 010137 продолжительностью в 10 минут»³⁵.

Боевая работа отряда началась 19 апреля, с момента включения его в со-

Генерал Кутев Александр Павлович, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка, командир 1-го армейского Добровольческого корпуса (1919 г.) Впоследствии один из лидеров Белого движения за рубежом.

Самолеты, находившиеся на вооружении Белой авиации на Дону и Кубани.
Сверху вниз: «Морис Форман» - учебный
«Ньюпор-17»

став группы генерала А.П. Кутепова³⁶. Действуя в составе авиагруппы совместно с 4-м Донским самолетным отрядом и 47-м английским авиаотрядом на Царицынском направлении, кубанские авиаторы способствовали успешному ходу боевых действий группировки белых в мае - сентябре 1919 г. Южном фронте.

Любопытный факт можно было наблюдать в комплектовании технических частей Кубанского войска. Так, Совет краевого правительства в начальный период его формирования ориентировался в этом вопросе на сословно-этническую чистоту личного состава, то есть желание подобрать кадры специалистов из казаков.

По этому принципу был набран личный состав 1-го Кубанского казачьего авиационного отряда (ККАО)³⁷. Сложнее было с мотористами. Их среди казаков недостаточно, поэтому Совет Кубанского краевого правительства принял решение, «разрешить назначение, ввиду временной меры, специалистов военнообязанных не казаков в технические части».

При 1-м ККАО была создана учебная команда из казаков и солдат для подготовки их к должности мотористов. Все теоретические занятия с ними проводились в специально оборудованном для этих целей моторном классе, практические занятия организовывались на Екатеринодарском заводе «Кубаноль»³⁸.

Специалисты другого профиля, необходимые в отряде, заказывались через начальника инженеров Кубанского казачьего войска из Кубанского учебно-кадрового технического полка, Кубанской школы подготовки ружейно-пулеметных мастеров и техничес-

кой школы молодых казаков³⁹. Таким образом укомплектовался техническим персоналом штат двух авиационных отрядов. А в последующем авиационная база и парк.

Летчики и наблюдатели требовали только восстановления навыков после вынужденного перерыва в летной работе. Это они успешно делали на своем аэродроме. Занятия с офицерами по ознакомлению с фотографией, устройством самолетов новых систем и теорией их полета проводили на собственной базе. Стрелковое и пулеметное дело изучали на Кубанских пулеметных курсах.

В конце 1919 г., в связи с формированием новых авиачастей в Кубанском войске и привлечением части летчиков-наблюдателей для этих целей, возникла потребность в пополнении отрядов новым составом наблюдателей. Была предпринята попытка самостоятельно наладить их подготовку в авиаотрядах. Эту инициативу авиаторов поддержал начальник войскового штаба генерал-майор Галушко. Он же утвердил основные условия для поступления на должность летчиков-наблюдателей в Кубанскую казачью авиацию⁴⁰.

Прежде чем попасть в кандидатский список, офицеру надлежало подать рапорт по команде на имя начальника штаба Кубанского войска с приложением согласия командира, краткой запиской о прохождении службы, боевой аттестацией начальства и предварительным свидетельством врача части.

Предпочтение отдавалось холостым, наверное, исходя из соображений повышенного риска в будущей работе хотя на фронте этот риск присутствует везде. Также было желательно хорошее знакомство с пулеметами Льюиса, Максима и Виккерса (сборка разборка и быстрое устранение причин задержки при стрельбе) а также умелое обращение с картами и ориентировка по ним на местности. Кандидат должен был удовлетворять общим требованиям: 1) медицинское свидетельство комиссии врачей о пригодности к службе в авиации; 2) возраст не больше 28-ми лет; 3) не старше чина есаула; 4) служба в строю не менее 2-х лет; 5) пребывание на фронте не менее 6-ти месяцев; 6) общее образование не ниже полного курса средне учебных заведений.

Инспектор Кубанской авиации В.М. Ткачев в годы Первой мировой войны на посту Авиадарма был противником подготовки летного состава в действующих отрядах. Но в создавшейся обстановке он понимал, что помощи ждать неоткуда. И согласился с предпринятыми мерами.

Намного медленнее шло формирование 2-го Кубанского казачьего авиаотряда. Начатое, согласно предписания начальника инженеров Кубанского казачьего войска, 1 апреля, оно продолжалось до конца октября 1919 г.⁴¹. Такая задержка была связана, прежде всего, с отсутствием самолетов. Причин для этого было несколько. Во-первых, не выполняли своих обязательств англичане, без конца задерживая поставки. Во-вторых, начальника авиации ВСЮР, ведавшего снабжением, прежде всего заботило состояние авиаотряда Добровольческой армии, снабжение же Кубанских отрядов шло по остаточному принципу. В-третьих, свои коррективы вносили природные катаклизмы. Так, из Одессы на Кубань были отправлены 8 самолетов, но все они 28 февраля 1919 г. с транспорта «Гайдук» были сброшены бурей в море⁴².

В этих условиях было уже не до научно обоснованных расчетов полковника В. М. Ткачева, требовалось довести самолетный парк хотя бы до штатного отрядного расписания. Такое положение с летательными аппаратами требовало принятия самых спешных мер к достижению нормального функционирования авиационных отрядов, а следовательно и к принятию на должную высоту столь важного в боевом отношении для Кубанской армии дела авиации.

Для выполнения этой задачи представился удобный случай. К командиру авиационного дивизиона, начавшего в этот период свое формирование, поступило предложение от владельца аэроплана завода в России Ф.Моска устроить закупку и вывоз из Италии 20 самолетов с авиаимуществом. Срок доставки определялся 6-7 недель со дня выезда закупочной комиссии.

Идея о снабжении аэропланами и запасными частями к ним, автомобилями, маслом, полотном и прочими предметами авиационного снабжения, которых не имелось в России и на получение которых отсутствовала практически всякая надежда была признана вполне приемлемой. Совет Кубанского краевого правительства на очередном своем заседании 26 августа 1919 г. поддержал это предложение⁴³, а Законодательная Рада утвердила его, постановив выделить кредит на закупку самолетов - 5 500 000 рублей. Всего на закупку авиационного оборудования выделялось 9 991 000 рудлей⁴⁴.

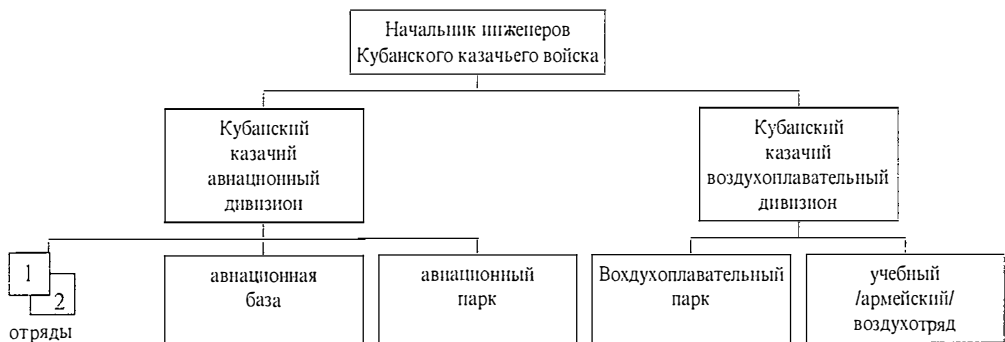
Однако начатое мероприятие было провалено. Бюрократизм и проволочки финансовых органов не позволили своевременно получить кредит. К декабрю 1919 г. курс рубля сильно упал, и командир Кубанского казачьего авиационного дивизиона полковник Е. И. Виташевский вынужден был ходатайствовать о внесении вновь на рассмотрение Советом правительства вопроса о доассигновании 5 млн. рублей на покупку авиационного имущества за границей⁴⁵. На этот раз его усилия были поставлены в зависимость от военно-политической обстановки, которая начала меняться в пользу Красной армии. В конечном итоге они опять не реализовались.

С момента своего создания Кубанская авиация испытывала острую нужду во всем. Командиры авиаторов забрасывали телеграммами отдел заготовок авиации ВСЮР с просьбами помочь в снабжении запасными частями и имуществом, а начальника снабжения Кавказской армии о срочном отпуске денег для технического ремонта самолетов. Для погашения долгов ими использовались даже артельные суммы отрядов⁴⁶. В ответ иногда приходили только советы, как выходить из создавшегося положения. Приведем в качестве примера один документ, разосланный отделом заготовок и подписанный помощником начальника авиации ВСЮР по технической части полковником Шереметьевским, следующего содержания: «Отсутствие новых исправных покрышек и трудности добывания на рынке заставили некоторых автомобилистов прибегнуть к следующему практическому способу - использование старых негодных для езды. Описание этого способа рассылается на случай возможности его использования в верных Вам авиачастях. На поношенную старую покрышку с камерой натягивают еще одну покрышку старую, края надеваемой второй покрышки срезаются - это дает возможность использовать ее как сплошной протектор и бандаж на шине»⁴⁷.

В то же время краевое правительство, невзирая на эти трудности в течении 1919 г. продолжало дальнейшую организационную работу по усилению авиационных частей Кубанского казачьего войска. В ожидании перемен к лучшему оно готовило и утверждало новые штаты авиационных формирований, создавало воздухоплавательный дивизион. На содержание последнего был открыт кредит 280 тысяч рублей, а снабжение его специальным имуществом было предусмотрено осуществить за счет запасов Добровольческой армии: 2 аэростата из Харькова, 7 - из Ростова⁴⁸.

Таким образом, воздушный флот Кубанского казачьего войска в декабре 1919 г. был представлен двумя дивизионами: авиационным (командир полковник Е. И. Виташевский) и воздухоплавательным (командир полковник С. Федоров). В состав первого входили два авиа отряда (командиры - полковник Г. К. Сакрич и есаул В. Д. Лобов) две формирующиеся авиационные части, база и парк. В состав второго входили воздухоплавательный парк и учебный (армейский) воздухоплавательный отряд. Формирование корпусных воздухоотрядов только предполагалось (см. схему).

Схема организации воздушного флота Кубанского казачьего войска в 1919 г.⁴⁹

Данная организационная структура просуществовала сравнительно короткий период. Формирование новых частей, из-за отсутствия материальной базы и средств прекратили, а все боеспособные самолеты 1-го и 2-го авиаотрядов по приказанию начальника

авиации ВСЮР 15 февраля 1920 г. были срочно сведены в авиагруппу для участия в боевой работе в районе Тихорецкая - Торговая⁵⁰.

Спустя месяц, Кубанской авиации не стало. Согласно резолюции командующего Кубанской армией генерала Морозова от 14 марта 1920 г. Кубанский авиа дивизион был свернут в отряд и эвакуирован в Крым, в распоряжение начальника авиации ВСЮР, где весь личный состав перераспределили по авиационным частям: 17 летчиков причислили к резерву, 16 мотористов - в 10-й авиационный отряд Русской армии генерала П.Н. Врангеля, 11 казаков - специалистов в 1-й авиапарк, а 18 человек из обслуживающей команды - в Севастопольскую авиашколу⁵¹. Вся авиационная техника при отступлении из Екатеринодара была сожжена⁵².

В октябре 1920 г. большинство авиаработников Дона и Кубани эвакуировалось с П.Н. Врангелем из Крыма. Многие из них прошли через Константинополь, Галлиполи, Болгарию, но некоторые осели в Югославии. С 1921 года во многих центрах Русского Зарубежья стали возникать организации для объединения военнотружущих по признаку их принадлежности в прошлом к различным воинским частям или соединениям, по роду оружия, по признаку получения специального образования и т.д. К числу подобных организаций принадлежало «Общество русских офицеров Российского Военного Воздушного флота в Королевстве сербов, хорват и словенцев». Его председателем был начальник авиации армии П.Н. Врангеля генерал-майор В.М. Ткачев.

Исход и расделение русских авиаторов по Европе и всему свету были вызваны российской катастрофой 1918-1920 гг. Причины, по которым эти люди покинули Родину, можно объяснить лишь после анализа сложного комплекса социально-экономических, политических, военно-организационных, социально-психологических факторов. Поражение одной из сторон в Гражданской войне вызвало вынужденную эмиграцию не только представителей проигравшей стороны за власть и собственность элиты, но и других представителей Белого Воздушного флота, втянутых в трагедию вопреки их желанию. Многие из авиаторов так и закончили свой жизненный путь в различных уголках земли. Однако не все могли смириться с чужбиной. Перелетел в СССР бывший летчик 1-го ККАО И. Лойко⁵³. Презрев страх перед сталинскими лагерями вернулся на Родину В.М. Ткачев⁵⁴.

Участие в Гражданской войне на стороне Белого движения и последующая иммиграция низвергли заслуги этих людей перед Отечественной авиацией на нет. Научным и нравственным долгом стало сегодня восстановление нашей духовной связи с соотечественниками, которые в результате «Великих потрясений» 1917 г. и беспощадной Гражданской войны вынуждены были искать спасения на чужбине. Долг памяти требует вернуть забытые имена.

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. - М.; 1983. - С.198.

² См.: Казаки России. С.91-92.

³ См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО), Ф.6611. Оп.1. Д.8. Л.48.

⁴ См.: Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. - М., 1991. - Т.5. - С.208.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.39457. Оп. 1. Д.399. Л.37.

⁶ Таблица составлена автором по: РГВА. Ф.39457. Оп. 1. Д.402.

⁷ Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. - М.; 1988. - С.102.

⁸ РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.399. Л.5.

⁹ Там же. Д.413. Л.2.

¹⁰ См.: РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.399. Л.8.

¹¹ Там же. Л.47.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5827. Оп.1. Д.85. Л.2.

¹³ РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.402. Л.1.

¹⁴ Деникин А.И. Поход на Москву. - М.; 1988. - С.110.

¹⁵ Деникин А.И. Вооруженные силы Юга России // Белое дело. - М., 1992. - Т.1. - С.375.

¹⁶ См.: РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.400. Л.20.

¹⁷ Там же. Л.21.

¹⁸ Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919 - 29 авг.

¹⁹ ГАВО. Ф.6611. Оп.1. Д.7. Л.110.

²⁰ Схема составлена автором по: РГВА. Ф.39457.

²¹ ГАРФ. Ф.6051. Оп.1. Д.3. Л.86.

²² Донская речь (Ростов-на-Дону). - 1919. - 28 нояб.

²³ Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани. - Берлин, 1923. - С.234.

²⁴ Федюк В.П. Деникинская диктатура и ее крах. - Ярославль, 1990. - С.59.

- ²⁵ Летчики и летчики-наблюдатели получали по 30 рублей за один час полета, но не более чем за 12 часов в месяц. См.: РГВА. Ф.39457. Оп.1. Д.400. Л.15.
- ²⁶ См.: ГАВО. Ф.6611. Оп.1. Д.7. Л.110.
- ²⁷ См.: Краснов В.М. Из воспоминаний о 1917-1920 гг. // Архив русской революции. - М., 1991. - Т.11. - С.146.
- ²⁸ См.: РГВА. Ф.40052. Оп.1. Д.1. Л.3; Д.15. Л.3.
- ²⁹ См.: РГВА. Ф.39540. Оп.1. Д.242. Л.482.
- ³⁰ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.6р. Оп. 1. Д.94. Л.48.
- ³¹ ГАКК. Ф.28 р. Оп.1. Д.1. Л.42.
- ³² См.: ГАКК. Ф.28р. Оп.1. Д.3. Л.5.
- ³³ ГАКК.Ф.28р. Оп.1. Д.3. Л.64.
- ³⁴ Там же. Л.25.
- ³⁵ Там же. Д.9. Л.9.
- ³⁶ См.: ГАКК. Ф.28р. Оп.1. Д.4. Л.71,110.
- ³⁷ ГАКК. Ф.28. Оп.1. Д.1. Л.2-3.
- ³⁸ Там же. Л.16, 24
- ³⁹ ГАКК. Ф.28. Оп.1. Д.9. Л.5; Ф.6. Оп.1. Д.300. Л.217; Ф.10.Оп.2. Д.18. Л.212.
- ⁴⁰ ГАКК. Ф.59. Оп.1. Д.1. Л.4.
- ⁴¹ См.: ГАКК. Ф.28р. Оп.1. Д.9. Л.70,75; Ф.56р. Оп.1. Д.1. Л.15.
- ⁴² См.: ГАКК. Ф.28р. Д.208. Д.214. Л.195.
- ⁴³ См.: ГАКК. Ф.6р. Оп.1. Д.300. Л.74-75.
- ⁴⁴ См.: ГАКК. Ф.56р. Оп.1. Д.4. Л.99.
- ⁴⁵ См.: ГАКК. Ф.56р. Оп.1. Д.4. Л.17.
- ⁴⁶ См.: ГАКК. Ф.28р. Оп.1. Д.3. Л.68.
- ⁴⁷ ГАКК. Ф.56р. Оп.1. Д.1. Л.68.
- ⁴⁸ ГАКК. Ф.10р. Оп.1. Д.32. Л.385.
- ⁴⁹ Схема составлена автором по: ГАКК. Ф.6р. Оп.1. Д.300. Л.205-206; Ф.10р. Оп.1. Д.727. Л.208.
- ⁵⁰ См.: ГАКК. Ф.56р. Оп.1. Д.1. Л.66.
- ⁵¹ См.: РГВА. Ф.39540. Оп.1. Д.309. Л.9.
- ⁵² См.: Ф.1559р. Оп.1. Д.39. Л.23.
- ⁵³ См.: Вестник воздушного флота. - 1924. - №3. - С.3-4.
- ⁵⁴ См.: ГАКК. Ф.1559р. Оп.1. Д.58,72.
-

**Л.Г.КОРНИЛОВ:
ЖИЗНЬ И СУДЬБА КУМИРА РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА**

Читая сегодня красную и белую летописи Гражданской войны, приходишь к мысли о том, что общую огромную беду нельзя превращать в трагедию лишь одной из сторон, в посмертное ее победительное и грозное торжество. Иначе покаяния и примирения на российской земле не дождаться и приступы ненависти к очередному «внутреннему врагу» снова и снова будут сотрясать наше измученное Отечество.

Хотя победили красные, но немного они оставили воспоминаний о тех событиях, ибо мало жили: или умирали естественной смертью от полученных ран или были репрессированы в годы культа. А те, кто остался в живых вынуждены были молчать или становиться на путь лакировки и приукрашивания истории Гражданской войны.

Читая мемуары руководителей и участников Белого лагеря генералов А.И. Деникина, Н.Н. Головина, К.В. Сахарова, П.Н. Врангеля, Б.В. Савинкова, Р.Б. Гуля и других, также видишь стремление представить себя показать, как крайне далеки они были от политики, отрицать свою причастность к развязыванию братоубийственной Гражданской войны в России.

Поэтому необходимо отказаться от односторонности в изображении красных и белых: у первых - смертельная борьба, самоотверженность, лишения, жертвенность во имя счастья простых людей, у вторых - экзальтированный национал-патриотизм с сильными антисемитскими акцентами, борьба за «единую и неделимую Россию», «за веру, царя и отечество» против «продажных» большевиков и необузданной «черни».

Необходимо дать объективную и нравственную оценку историческим событиям, честно сказать, кто есть кто, за что боролся, чего хотел. К тому же многие страницы Гражданской войны до настоящего времени еще остаются не известными. В частности, мы мало знакомы с жизнью бывших вождей Белого движения: Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, А.В. Колчака, П.Н. Врангеля, С.Л. Маркова и других. Чаще всего их представляли только с негативной стороны, как злейших врагов России, революции и народа. И почти ничего о каждом из них как о человеке, с его плюсами и минусами характера, тем более об их незаурядном таланте и выдающихся военных способностях¹. В отечественной литературе никогда не раскрывалась такая черта этих личностей, как любовь к Родине, понятие долга и чести, жалость и сострадание к нелегкой судьбе русского народа, желание сделать полезное для России. Их военные успехи в годы русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн преуменьшались, а неудачи преувеличивались. Хотя в действительности было и то и другое. При этом вопрос не стоит о том, чтобы оправдывать белых, делать их привлекательными «рыцарями белой мечты», а понять, в чем состояла трагедия этих людей, считавших себя опорой России и оказавшихся большевистской властью отвергнутыми навсегда. И не только ими, но и значительной частью народа, в том числе интеллигенции и даже обывателей, смотревших на Гражданскую войну, как на что-то противоестественное.

Русские офицеры были высоко и разносторонне образованными людьми. Они не только хорошо знали военное дело, но и умели хорошо играть на музыкальных инструментах, в совершенстве владели несколькими иностранными языками, занимались различ-

ного рода исследованиями в области естественных и гуманитарных наук: физики, химии, биологии, географии, истории, археологии и этнографии.

Годы Гражданской войны ярко выявили огромное количество выдающихся полководцев, как в лагере белых, так и красных. И как сильна была бы военная мощь России, если бы эти люди не погибли в братоубийственной войне, а вместе трудились во славу своего Отечества. Сегодня можно только сожалеть о несостоявшемся единении, но и сделать вывод на будущее «о важности и умении находить точки соприкосновения, взаимоприемлемые решения по казалося бы неразрешимым вопросам и проблемам.

За давностью лет мы мало знаем о том, что имя Лавра Георгиевича Корнилова в те годы было широко известно не только среди военных, но и пользовалось популярностью в различных слоях общественности, научных кругах и среди простого народа. И хотя в последнее время появились интересные работы о нем, однако многие имеют очень слабые представления о его детских и юношеских годах, учебе и воспитании, формировании характера этого незаурядного человека, являвшегося по своему социальному происхождению выходцем из Сибирского казачьего войска².

Л.Г. Корнилов родился 18 августа 1870г. в маленьком уездном городке Усть-Каменогорск Семипалатинской области в Западной Сибири в бедной семье казака из станицы Каракали. Отец с большими трудностями, после долгой службы получил звание хорунжего Сибирского казачьего войска. В этом чине Георгий Корнилов вышел в отставку и за неимением средств занял место волостного писаря Каракалинского уезда.

Мать - Мария Ивановна, казачка станицы Кокпектинской, по рождению киргизка, выбивалась из сил, чтобы помочь мужу. Обремененная большой семьей, выполняя всю черновую работу по хозяйству, она с неукротимой энергией выхаживала детей, втягивая их в работу. С малых лет Лаврентий познал тяжелую школу жизни. Работал по хозяйству, нянчил младших братьев и сестер, охотно ездил в ночное пасти лошадей, мок под дождем на сенокосе, дрожал от холода зимой при заготовке дров. Одним словом, с детских лет познал труд, испытал «крестный путь» народа. Жизнь в труде и нужде среди природы закалила его волю, выработала энергию, воспитала мужество, уверенность в себе.

Станица Каракали расположена около красивых Каракалинских гор. По их обрывистым кручам, над безднами провалов, по козьим тропам, среди лесов, по берегам озер глубоких и чистых в свободное время бегали, как горные козлята, ватаги маленьких казачат, которыми верховодил Лавр.

В 9 лет Лаврентий поступил в местную приходскую школу. В 1881г. семья Корниловых переезжает в Зайсан. Много дней ехали, пересекая бесконечную прииртышскую степь, среди девственной прелести природы. Каждый день Лавр со своим старшим братом отставали от повозок, охотясь на уток и прочую дичь, в большом количестве обитавшую в степи.

Среди трудностей кочевой жизни, проходившей в широких бескрайних просторах Сибири росла и мужала душа мальчика, крепла воля и неизгладимыми чертами врезалась в голову жажда далеких, рискованных путешествий.

Часто ночью у потухшего огня мальчик просыпался и слушал. Неясный смутный гул ночной жизни несся над степью, разрастался широкой гармонией под темными небесами. Таинственные тени бежали от костра, свист пробужденных птиц, обрывки долгой песни полусонного киргиза, звук бубенчика, волновали фантазию, звали к подвигу, заставляли с какой-то радостью впитывать в себя неотразимые чары вольной бродячей жизни. Именно в эти темные звездные ночи родилась в нем крепкая отвага бойца и путешественника.

С раннего детства под влиянием рассказов отца Лавр Корнилов пристрастился к военной жизни. С местными детьми казаков ездил на водопой и купание лошадей, был активным участником строевых смотров казачьих полков. Военная служба была его мечтой. Он стал отличным пловцом, одним из лучших среди ребятишек, полоскавших в близ протекавшей речке.

В Зайсане у Лавра твердо окрепла мечта и решимость - во что бы то ни стало учиться. С непреклонной волей, впоследствии его характеризовавшей во всем, он начал самостоятельно готовиться к экзаменам в Сибирский кадетский корпус, располагавшийся в г. Омске.

Сколько тягостных испытаний вынес он в то время: над ним подшучивали, ему не верили, а то и завидовали.

Без всякой помощи со стороны родителей и окружающих, преодолевая недоверие к себе, он, выполняя всю работу, выпадавшую на его долю, каждую свободную минуту уделял подготовке.

Тяжело давалась учеба. Особенно трудны были языки, доставлявшие мальчику много огорчений. Но с удивительным упрямством он перелистывал страницы, подавляя в себе желание провести время в ребячьих играх и неумоимо работал над собой, готовясь к экзаменам.

В 1883г. Лаврентий Корнилов поступил в корпус, хотя экзамен сдал плохо. Экзаменаторы учли не только принадлежность его к казацкому сословию, но и интуитивно почувствовали в ребенке большой запас скрытых необъятных сил, жажду знаний.

И в самом деле, попав в обстановку настоящей учебы, маленький Лаврентий сразу развернулся и показал свои незаурядные способности. Благодаря усидчивости и страстному желанию как можно больше узнать, с первой учебной четверти он стал во главе класса по успеваемости и так шел впереди всех до окончания учебы в корпусе.

Любимым его предметом была история. В ней мальчик искал примеры героической борьбы за свободу и справедливость. Хотя он показывал большие способности в математике, однако именно история с ее движениями масс, скрытыми властными проявлениями действий и противодействий, столкновениями борющихся сил, победами и поражениями личностей всегда волновала и покоряла его.

В 1889г. Лаврентий Корнилов поступил в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. В него, по давней традиции, подбирались наиболее свободные и талантливые кадеты. После детства и юности, проведенных в глухой провинции, жизнь в столице явилась для Корнилова важной ступенькой для всестороннего интеллектуального развития.

С наукой в стенах училища дело обстояло очень хорошо. При огромной склонности к математике Лаврентий Корнилов с увлечением занимался усвоением высших ее разделов и сразу занял ведущее положение среди товарищей. В училище Корнилов понял всю важность знания иностранных языков и усердно занимался ими. Для уплаты учителям за дополнительные часы он брал заказы на чертежные работы, вечерами корпел над их выполнением, а заработанные деньги тратил на плату за практические занятия по французскому и немецкому языкам. Дневного времени не хватало и юноша сидел по ночам, работая сверх всякой меры с полным напряжением сил.

За годы учебы ему не раз пришлось пережить и хорошее и плохое. Горячее сердце, самостоятельный характер и гордая независимость суждений едва не послужили причиной преждевременного конца его военной карьеры. Любовь товарищей и уважение к его широкому познаниям помимо его воли, выдвинули Лаврентия Корнилова на первое место. Во всех общих выступлениях юнкеров против устаревших порядков в училище всегда делегатом к руководству избирался Корнилов. Реакционно настроенная часть преподавателей боялась подобных «возмутительных выходов» юнкеров, а вожак ненавидела и всячески преследовала. Поэтому за Корниловым среди них немедленно установилась кличка «красный». Однако, честность и прямота суждений, нравственная чистота и гордая воля, постоянная готовность к отпору и защите личности, производили впечатление даже на врагов, а среди начальства Корнилова даже уважали и трогать не решались.

Однажды мелочный, назойливый офицер курса позволил резко отозваться о Корнилове во время учебного сбора. На обращенный к нему, крикливый и высокомерный вопрос Корнилов звенящим отчетливо резким тоном оборвал офицера. Последний, уязвленный ответом, взбешенный «неучтивостью» юнкера сделал движение к Корнилову, намереваясь ударить. Тот весь побелел, спокойно положил руку на эфес шашки. В мертвой тишине противники обменялись ненавидящими взглядами. «Капитан, отъезжайте в сторону! - послышался голос начальника училища, присутствовавшего при столкновении. Офицер отъехал, а Корнилов продолжил учебную тренировку с полным самообладанием. В училище этот эпизод быстро превратился в большое событие. О нем говорили, его обсуждали, строили догадки, чем эта стычка кончится. Казалось невероятным, что молодой человек без имени, связей, протекции, посмел дать отпор старшему по званию. Многие из педагогического персонала и товарищи Корнилова по учебе были на его стороне и всячески старались проявить к нему внимание и сочувствие. В этом конфликте проявилась вся несправедливость уставных отношений. Военное начальство всеми способами пыталось замять дело, но так, чтобы не оскандалить, чтобы не попасть в глупое

положение. Корнилову предложили извиниться перед офицером, но юнкер категорически отказался. В этом эпизоде впервые открыто проявились такие черты его характера, как гражданское мужество и твердость. И только блестящий талант, всеми признаваемый за Корниловым, да благородная личность начальника училища ген. Чернявского сохранили молодого офицера для русской армии. Его поступок долго обсуждался среди юнкеров и преподавателей, нажил ему массу почитателей и заклятых врагов среди мелких начальствующих лиц. До окончания училища ему не ставили хороших отметок за поведение и только ген. Чернявский в самом конце добился 11 баллов.

1892-й год был годом окончания училища. Перед офицером-выпускником открывалась блестящая гвардейская карьера в Петербурге, но сердце и ум говорили о другом. Инстинкт исследователя и путешественника, неукротимая энергия и любовь к труду, звали его к службе на окраинах России. Подпоручик Корнилов попросил направить его в Туркестанскую артиллерийскую бригаду.

Служба в Туркестане была напряженной и не давала отдыха.. Корнилов увлекается военным делом, много и усиленно читает, пристально и неотступно изучает геологию и лишь изредка ходит на охоту. Кроме того, Корнилов самостоятельно изучает туркменский язык, что впоследствии принесет ему большую пользу при выполнении боевых заданий командования. Скучным офицерским жалованием он делится с семьей, а в свободное время усиленно готовится к поступлению в Академию Генерального штаба.

В общении он не чуждается простых солдат, горит желанием просвещать их. С этой целью подпоручик Корнилов ищет приемлемые формы и методы сближения и обучения солдат. Для этого Корниловым широко используется постановка солдатских спектаклей и организация различных полезных для них кружков. Это возвышает его в глазах солдат, и они души не чают в молодом офицере. И когда в 1895 г. поручик Корнилов уезжает на учебу в Академию Генерального штаба, он увозит с собой горячую любовь и уважение солдат и дружбу офицеров.

Благодаря основательной подготовке и своим исключительным способностям Корнилов поступил в академию по конкурсному экзамену первым.

Верный своим принципам он, дорожа свободным временем, посещал лекции только выдающихся по таланту профессоров, а в остальное время предпочитал более полезной самостоятельную работу дома или в библиотеках. В результате упорной учебы в 1898 г. Корнилов закончил академию в числе первых отличников³.

По своим духовным запросам и благодаря начитанности Корнилов стоял выше рядового офицерства. Поэтому в компании своих сверстников он был не слишком разговорчив, но пользовался большим авторитетом и всеобщим уважением.

Характеризуя состав русского офицерства этого период, А.И. Деникин писал, что «выросло новое поколение людей, обладавших менее блестящей внешностью, скромными требованиями к жизни, но знающих, трудолюбивых, разделяющих достоинства и недостатки русской интеллигенции»⁴. К этой категории вполне можно отнести и Л.Г. Корнилова.

С А.И. Деникиным Корнилова связывала крепкая дружба. Именно Корнилов, как никто другой, сыграл огромную роль в жизни Деникина. Обаяние его суровой личности навсегда осталось в сердце Деникина, найдя в нем горячий отклик, связав судьбу двух выдающихся русских людей в одном порыве: борьбе за возрождение России.

Годы лишений, упорного труда, приобретенные глубокие знания, широкий кругозор, надежды на будущее - все это было неотъемлемо от имени Л.Г. Корнилова.

Блестящая карьера штабного офицера не прельщала Корнилова. К тому же, за годы учебы у него появилось желание провести самостоятельные исследования в Средней Азии, к которым он чувствовал себя достаточно подготовленным. В силу этих соображений, капитан Корнилов отказывается от места в Генеральном штабе Петербургского округа. До получения назначения в Туркестан, он до глубокой осени 1898 г. проводит все свое время на полевых занятиях в Варшавском военном округе. В суровой, полезной для всякого командира школе Гурко, он совершенствует свое воинское искусство.

В конце 1898 г. Корнилов прибыл на службу в Туркестан и вскоре получил ответственную командировку на афганскую границу. Здесь по-настоящему проявился талант и выдающиеся способности молодого офицера. В этих местах началась та серия блестящих военных разведок-приключений, которые вскоре принесли Корнилову большую известность. Он поступил в распоряжение и близко сошелся с известным исследователем

центральной Азии генералом Михаилом Ефремовичем Ионовым, который был начальником 4-й Туркестанской линейной бригады, расположенной в Бухаре. Под его командованием русскими войсками был занят важный стратегический пункт на берегу Амударьи г. Термез. Против него на другом берегу реки находился г. Мазари-Шариф - столица Афганского Туркестана. Здесь, у выхода из ущелья Гиндукуш, для прикрытия перевалов и путей через Бамьян в Кабул, афганцы буквально в считанные дни соорудили крепость Дейдади.

«Мне, - рассказывал М.Е. Ионов, - страстно хотелось выяснить характер работ, принятых афганцами и, по возможности, воздвигнутых ими укреплений». Однако, крепость стояла в 50 верстах от берега, афганцы были бдительны и нашим разведчикам никак не удавалось добыть необходимые сведения. «Мы не имели никакой информации об укреплении Дейдади, т.к. долгое время достать не могли», - не раз жаловался Ионов. Как-то раз вечером в г. Керках в присутствии Корнилова Ионов вновь высказал сожаление о своей неосведомленности о крепости, ее вооружении, численности людей и т.д. Корнилов спокойно выслушал это признание, а в конце вечера попросил разрешения съездить на 3 дня в отпуск, которое тут же получил. На третий день внезапно в комнату Иопова стремительно входит Корнилов и молча подает ему 5 фотографических снимков с каких-то укреплений.

..«Что это такое? - спросил удивленный Ионов.

- Дейдади, - спокойно и непринужденно ответил Корнилов. Эта безумная по смелости разведка была сделана Корниловым при следующих обстоятельствах. Заранее условившись с двумя верными ему туркменами, опытными и отважными контрабандистами, Корнилов стал готовиться к рискованной операции. Он отлично понимал, что пощады ему не будет, если афганцы схватят его в плен и узнают, с кем имеют дело. Расчет Корнилова строился в надежде на отличное знание местных языков, личное самообладание и удачное перевоплощение под туркмена. При этом не были забыты даже мельчайшие тонкости: голова выбрита, усы подстрижены, полосатый халат, сутуловатые плечи, высоко подобранные стремена у лошади и гортанный говор. Все было сделано с таким знанием и умением, что спутники-туркмены не могли сначала поверить, что в лице приехавшего к ним «земляка» они видят блестящего офицера русского войска.

За 35 верст от Термеза они переправились на другой берег и прибыли в Чушка-Гузар - торговый узел Туркестана. При этом не обошлось без опасного для них момента. Через громадную, двухверстной ширины реку, с неистовой быстротой катящую воды с соседних гор в каспийские равнины, среди ее омутов, глубоких стремнин и кипящих водоворотов, три смельчака начали переправляться на утлом, неповоротливом и хрупком плоту из надувных козых бурдюков. Только видевшие в ту пору грозную Амударью, слышавшие плеск ее стремительных потоков и шорох мощных валов ее вод, могут понять, чем грозила эта переправа. На середине стремнины один из бурдюков вдруг прорвался и послышался тонкий, шипящий свист уходящего воздуха. И если бы в это время не смогли быстро найти отверстие, растерялись хоть на минуту, всех троих ждала неминуемая гибель. Но все было сделано быстро: отверстие найдено и надежно завязано. Вскоре плот коснулся противоположного берега, промокшие и озябшие храбрецы выскочили на землю, переоделись. В ближайшем селении, где заранее были приготовлены лошади, они погрузили необходимые вещи, продукты и тронулись в дорогу. «В эти тревожные и опасные для жизни минуты, - вспоминал позднее Корнилов, - я ясно осознал свое предназначение в этой жизни, важность цели, к которой пошел не колеблясь». Позади осталась спокойная, блестящая служба, впереди труднейшая задача и вероятная, мучительная смерть во славу Отечества. И все-таки Л. Корнилов сделал шаг вперед, доказав этим, что в его жилах течет кровь истинного патриота, а сердце охвачено одним стремлением: во всем видеть величие служения Родине. Видно, именно в такие роковые минуты складываются настоящие личности, которые всей своей последующей жизнью оставляют след в истории.

На рассвете разведчики достигли крепости, но разглядеть ее в сумерках было невозможно. Подъезжая к воротам, Корнилов заметил около стены чайхану, в которой сидели караульные афганские солдаты. Решительно соскочив с коня, он вместе со своими спутниками вошел внутрь ее. Попросив подать еду, они с аппетитом поели и под любопытными взглядами афганцев выехали на дорогу. Решив ждать рассвета, Корнилов с друзьями подъехали к придорожному постоялому двору. Поставив коней покормить, чтобы

всегда иметь их под рукой, сели неподалеку пить чай. Когда совсем рассвело, обстановка вдруг осложнилась. Случилось так, что мимо постоянного двора проезжал афганский капитан, наблюдавший за крепостным районом. Заметив трех всадников, он спросил их, куда они собрались ехать. Корнилов объяснил свой приезд желанием поступить во вновь формируемый эмиром Абрахманом Туркестанский конный полк. Капитан важно выслушал ответ, благосклонно одобрил и поехал дальше. После этого Корнилов проехал вдоль крепости Дейдади. Внимательно изучил ее профиль, сделал 5 фотоснимков, хладнокровно произвел съемку двух дорог от наших переправ к крепости и с тем же невозмутимым спокойствием, какое проявлял в течение всей разведки, среди бела дня проехал 50 верст по афганской территории и затем переправился на другой берег при помощи команды охотников 13-го Туркестанского батальона.

М.Е. Ионов ушам своим не поверил, и рассказ Корнилова показался ему каким-то сном. «Но ведь Вас же могли посадить на кол афганцы», - воскликнул Ионов, горячо обнимая своего подчиненного! «Я это знал, - спокойно сказал Корнилов, - но зато Вы теперь имеете сведения, в которых так нуждались!»

Ионов немедленно написал в Ташкент командующему войсками подробный восторженный рапорт, требуя для Корнилова орден Св. Владимира с мечами. В течение 3-х дней Корнилов и его спутники проехали верхом расстояние более 400 верст в крайне трудных условиях; бездорожье, пыльные бури, постоянное чувство опасности.

Этот случай показал восхищенным казакам-текинцам отвагу, находчивость и смелость русского офицера, сделал имя Корнилова широко известным в русской армии.

Но на этом подвиги Л. Корнилова не закончились. В 1899 г. его командировали в Кашгарию (Китайский Туркестан), где он провел в напряженной и опасной службе полтора года. Все свои силы он отдал трудной и опасной работе исследователя. Для изучения страны Л.Г. Корнилов предпринял ряд дальних и опасных разведывательных экспедиций в неприступные районы Куэнь-Луня и Тянь-Шаня. Двигаясь вдоль малоисследованных границ Ферганы - Семиречья и Тибета, он долгие 18 месяцев, в отдалении от Родины, неутомимо исследовал особенности страны, вписывая русское имя в число отважных ее первооткрывателей, пионеров науки. Вместе с отважными и надежными помощниками подпоручиками Кирилловым и Бабушкиным проделал он эту экспедицию. Неделями и месяцами ехал маленький отряд во главе со своим сухошавым, крепким, словно выкованным из стали, командиром при почти полном отсутствии материальных запасов, скудном снаряжении, нехватке необходимых инструментов. Но через все страдания и преграды вела Корнилова жажда знания, вера в ценность и полезность сделанного в интересах Родины, а больше всего - страстная потребность служения Отчизне. Вспомнивая славные имена Пржевальского, Потанина, Певцева, Северцова, он шел вперед, верный лучшим заветам служения Родине, знаниям и культуре.

В итоге его работы многочисленные запутанные узлы гор, клубки тропинок ложились правильным узором на карту, четко показывающую пути будущего движения из Европы в Азию. Среди опасностей и трудов, капитан Корнилов оставался верен себе во всем. Так, пребывание в Кашгарии дало ему возможность изучить персидский язык, который впоследствии очень пригодился.

Вернувшись в Ташкент, Л.Г. Корнилов изложил результаты экспедиции в книге «Кашгария и Восточный Туркестан», которая была напечатана на средства Туркестанского военного округа в 1901 г.

В 1901 г. он принял участие в экспедиции по исследованию провинций Восточной Персии и Белуджистана. Собрать этнографические материалы, изучить географию страны дать о ней точную и возможно полную характеристику - такова была цель похода по знойным пустыням экспедиция должна была пройти около 4-х тыс. верст. И на все это путешествие было выделено всего 3,5 тыс. рублей. Подобно Пржевальскому в его экспедициях по Тибету и Центральной Азии, капитан Корнилов в 1901 г. с двумя казаками и двумя туркменами двинулся в свое путешествие, продолжавшееся 7 месяцев. Лошадей было крайне мало, припасов почти никаких. Оружие, инструменты, материалы и дневники составляли весь багаж. В раскаленной, песчаной степи Сейстана под знойным, огненным солнцем далекого юга, в атмосфере изнуряющей, давящей мысль и волю духоты, Корнилов неутомимо и настойчиво работал. Обратный путь из Сейстана до Мешада вдоль Афгано-Персидской границы был полон невыразимых страданий. Необъятное пространство пышущей жаром пустыни охватило своим мощным объятием маленькую куч-

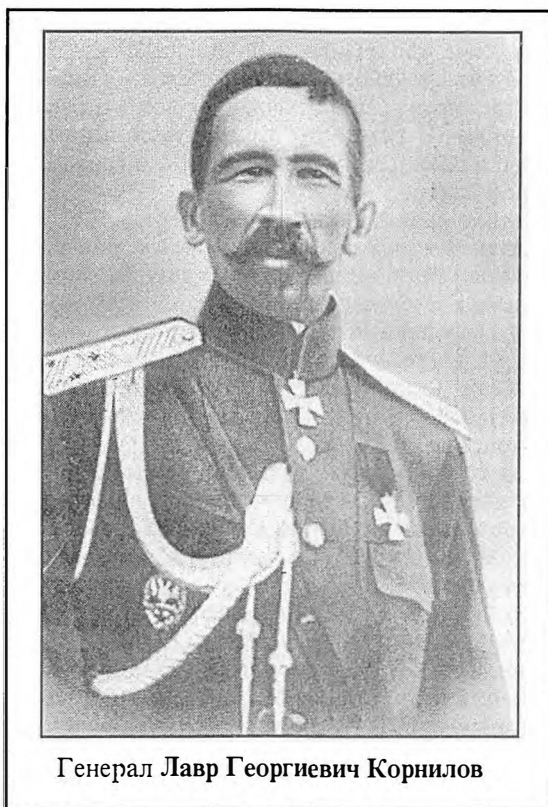
ку людей, объявивших ей смелый вызов. Недаром коренные жители называли это место на своем восточном языке «Дашти-наумед» - «Степь отчаяния». Ни один человек до Корнилова не осмеливался углубиться в эти ужасные места. Немногие английские исследователи проезжали ее только по параллели. А весь центр оставался одним большим белым пятном с надписью «неисследованные земли». Первым человеком, отважившимся пройти пустыню в меридианальном направлении, стал Корнилов. На сотни верст кругом лежали бесконечные пески, над которыми летал лишь один властелин этих мест, свободный ветер. Воду находили с трудом, припасов не хватало. Единственную пищу отряда составляли мучные лепешки, которые пекли на углях костра. Силы лошадей и людей убывали с каждым днем, смерть бродила неподалеку. Для облегчения животных и людей выбросили все скудные вещи, взятые с собой. Походные кровати, палатки, необходимую утварь и др. - все было брошено в пустыне. Только дневники, материалы, оружие Корнилов упрямо вез с собой и, преодолевая ужасные страдания, продолжал выполнять намеченные работы.

В этом суровом, молчаливом человеке действительно обитал дух путешественников, исследователей, героев и бойцов. Корнилов превозмог все страдания и преграды и провел своих людей мимо грозящей могилы необъятной пустыни. Вернувшись в конце 1901 г. на Родину, он привез огромный материал, часть которого вошла в ряд напечатанных им обзорных статей о Персии, по истории отношений России и Персии в тот период и др.

В 1903 г. Л.Г. Корнилов получил командировку в Индию для изучения местных языков. Здесь его и застала русско-японская война. Вернувшись в Россию, торопясь в нее изо всех сил, Корнилов к концу 1904 г. окончил работу по обобщению материалов путешествия и в сентябре сдал их в печать. Благодаря описанным походам Корнилов приобрел широкую известность как путешественник-исследователь, преодолевший и в своих скитаниях невероятно трудные препятствия, безводные пустыни, а также стал знаменит как автор научных статей и работ.

Л.Г. Корнилов очень остро переживал японскую агрессию и считал своим долгом как можно скорее попасть на фронт. Сразу же по возвращении он подал рапорт о командировании его в действующую армию На Дальнем Востоке Л. Корнилов появился на рубеже 1904-1905 гг., в самый разгар русско-японской войны в чине капитана. Целая плеяда молодежи, чьи имена стали неотъемлемой частью русской истории, ехали на далекий край России. Безвестные офицеры-строевики без связей и протекции стремились сюда в поисках славы. Одним из таких и был выходец из казаков, сын мелкого чиновника из сибирской глуши, а в последствии «отец» Белой Добровольческой армии юга России Л.Г. Корнилов.

На фронте боевая деятельность быстро выдвинула его в ряды выдающихся офицеров русской армии, продвинула по службе. Здесь перспективный 34-летний подполковник Генерального штаба получил боевое крещение. После настоятельных просьб, Л.Г. Корнилов был назначен в действующую армию начальником штаба 1-й стрелковой бригады. С ней он участвовал в боях под Сандепу, Мукденом и Телином, где проявил смекалку, находчивость и решимость, что говорит о его незаурядных военных способностях большого полководца. Когда начался отход от Мукдена, штаб-офицер при управлении 1-й стрелковой бригады подполковник Корнилов принял на себя командование бригадой, на которую была возложена важнейшая задача - прикрыть отступление 2-й армии от наседавших японцев. Отбивая на каждом шагу их настойчивые атаки, 1-я бригада вынуждена была задерживаться и вскоре оказалась отрезанной от главных сил. Поздно ночью, когда 2-я армия вышла из-под удара японцев, остатки бригады Корнилова оказались в плотном кольце окружившего со всех сторон противника. 25 февраля 1905г. у деревни Вазье бригада была атакована превосходящими силами японцев. Корнилов принял бой. Он был везде, поспевал в самые трудные места и в нужную минуту, среди плотного пулеметного и шрапнельного огня спокойно руководил боем, воодушевлял солдат драться до последнего патрона. Несмотря на безвыходное положение, Корнилов разработал план спасения и выхода из окружения. Собрав ударный отряд и незаметно сосредоточив его на участке, где враг меньше всего ожидал нападения, в полной темноте он ударил по засевшим в окопах японцам. Находясь в первых рядах с последней ротой и группой знаменосцев 10-го стрелкового полка, стремительной штыковой атакой Корнилов бросил свои части на врага. Не выдержав яростной схватки, японцы побежали. Бригада пробилась путь на север и вынесла все знамена, пулеметы и артиллерию. Но важнее

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов

всего для солдат было спасение раненых. На фоне поражений русской армии на полях и сопках Маньчжурии это был несомненный успех, который прославил до селе неизвестного «сына сибирских степей». К утру отряд Корнилова соединился со 2-й армией, считавшей его погибшим. Этот героический бой и успешный вывод остатков 1, 2 и 3-го стрелковых полков из-под Мукдена принес Л. Корнилову боевую славу и награждение Георгиевским крестом 4-ой степени.

После окончания войны Л.Г.Корнилов назначен в Главное управление Генерального штаба. Несмотря на военную службу в столь ответственном месте, он не забывал страстного увлечения путешествиями. В это время им были совершены новые поездки и походы по Туркестану, Кавказу и Западной Европе.

Спокойная, размеренная служба в Главном управлении тяготила Корнилова. Свое отделение он называл «мертворожденным» и негодным к практической работе. Сердце тянуло к живой работе в армии, куда он и просит о переводе. И вся последующая служба Корнилова в основном проходит на восточных окраинах империи. По его откровенным признаниям, он вообще не любил Европу и лучше себя чувствовал с «азиатами». В январе 1907 г. его назначили военным агентом (атташе) в Китай, где он пробыл до февраля 1911 г. Это была более трудная и ответственная служба, которая пришлась ему по душе. Изучение страны, охваченной потребностью реформирования, ликвидация многочисленных дел о поставках в армию, оставшихся еще от русско-японской войны, знакомство с настроением и бытом китайского народа снова захватили все его время.

В непрерывных поездках он осматривал войска, школы, военные и гражданские учреждения, изучал страну со всем присущим ему любопытством и пониманием важности задач. За эти годы он верхом объехал Китай, Монголию, Тарбогатай, Илийский край и Кашгарию. Его мысли, полные острых наблюдений, оценки и выводы, обстоятельные объективные доклады, написанные простым языком, были незаменимым источником для правительства. В скитаниях по Азии монгольские черты лица и знание туркменского языка позволили ему не привлекать к себе излишнее внимание местного начальства. В 1911 г. полковник Л.Г.Корнилов получил 8-й пехотный Эстляндский полк, распо-

женный близ Варшавы. Но едва успев принять часть, он был переведен в Заамурский округ пограничной стражи, где назначен начальником 2-го Заамурского отряда, в состав которого вошли 3-й и 4-й пехотные и 1-й, 2-й и 3-й конные заамурские полки, получил чин генерал-майора. Этому отряду он отдал все свои знания, богатый, выст, аданный в боях военный опыт. И результаты проделанной работы славно подтвердились позднее в 1915 г.: подготовленные им полки героически сражались в Галиции и на Карпатах, покрыв себя боевой славой.

В 1912г. по приказанию начальника округа генерала Е.И. Мартынова Корнилов произвел дознание о систематическом снабжении войск, расквартированных в Маньчжурии, недоброкачественным продовольствием. В результате к следствию были привлечены в качестве обвиняемых председатель хозяйственного комитета округа генерал Сивецкий и некоторые другие члены интендантства, но чья-то влиятельная рука в Петербурге замяла дело. Вскоре Е.И. Мартынов был изгнан из рядов армии (кстати, в 1927г. военспец Мартынов незадолго до ареста издал лучший на сегодняшний день биографический очерк о Корнилове), а Л.Г. Корнилов оказался в «почетной ссылке» во Владивостоке. Он принял командование на Русском острове 1-й бригадой 9-й Сибирской дивизии. Примечательно, что за то непродолжительное время, когда Корнилов находился здесь (1913-1914 гг.) он был членом Общества изучения Амурского края.

В годы Первой мировой войны Корнилов во главе 1-й бригады 49-й пехотной дивизии, а через месяц уже командир 48-й пехотной Суворовской дивизии, сражается под Галичем и у Городецких позиций, подо Львовом, на перевале Ужок, под Стржельбищем, Устрижниками, Лиско, Балгийородом, на перевалах Росток и Черемен и других местах. Однако первые действия дивизии были неудачны. В конце августа 1914 г. подо Львовом она потеряла 22 орудия, много солдат погибло и оказалось в плену, за что командующий 8-й армией А.А. Брусиллов собирался отстранить Корнилова от должности, но, приняв во внимание его личное мужество, не сделал этого. Будучи его начальником, и непосредственно наблюдая за боевой деятельностью Корнилова, А.А. Брусиллов в эти дни так оценивал его действия: «Это начальник лихого партизанского отряда и больше ничего».

При дальнейшем командовании дивизией в течение восьми месяцев Корнилов неизменно проявлял храбрость и готовность брать на себя ответственность, чем отличался от большинства русских генералов. Интересную характеристику в этом плане ему дал в своих мемуарах А.А. Брусиллов: «Странное дело, генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел: во всех боях она несла ужасающие потери, а меж тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову».

В апреле 1915 г., отступая со всей армией, в районе Дуклинского перевала на Карпатах дивизия была окружена, частично из-за нерешительности командиров соседних частей, оголивших фланги дивизии, частично из-за безрассудности и авантюризма Корнилова. В последний решительный момент генерал растерялся и предпочел вместе со штабом оставить вверенное ему соединение на произвол судьбы. На четвертый день блуждания по горам он сдался австрийцам вместе со своим штабом. Лишь один полк, да еще один батальон с пятью полевыми орудиями вырвались из кольца окружения. Однако по другой версии во время боя Корнилов получил тяжелое ранение и поэтому попал в плен к австрийцам.

Находясь в плену и переживая за исход войны, он неустанно думал о возвращении к боевой деятельности. К тому же его непрерывно точил червь неудовлетворенного честолюбия. Свой вынужденный досуг он заполнял чтением, в основном о Наполеоне. Нервный, измученный неудачными боями, что еще больше раздражало его потому, что он имел обыкновение проводить параллели между различными случаями из жизни великого корсиканца и своей собственной, Л. Корнилов продолжал мечтать о своем «особом предназначении». Весной 1916 г. он решил уйти из крепости Лека в Венгрии (замок венгерских Радзивиллов), где содержались русские офицеры. Он подкупил одного из охранников и бежал из плена.

Существуют различные оценки пленения и бегства Корнилова из плена - одни восхищаются, другие обвиняют. Поэтому они могут быть субъективными в зависимости от взаимоотношений этих людей с Корниловым. Так, генерал Мартынов, под начальством которого Корнилов служил ряд лет в войсках Дальнего Востока и вместе с которым ему пришлось провести около года в плену в Венгрии, дает ему такую характеристику: «От-

личаясь большой самоуверенностью, он по своим умственным способностям был рядным средним человеком, лишенным широкого кругозора. Он никогда не был в состоянии объять всю сложную обстановку современной войны и даже не всегда мог охватить в целом одну стратегическую операцию. К тому же ему не доставало организаторского таланта, а по запальчивости и неуравновешенности своего характера он был вообще мало способен к планомерным действиям. Генерал Иванов - главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта запретил распространять в войсках горькую правду о гибели 48-й дивизии и предательстве Корнилова, которую пытались рассказать участники событий. Более того, Иванов, вместо того, чтобы предать военному суду Корнилова за измену, вышел с ходатайством о награждении его орденом перед главнокомандующим - великим князем Николаем Николаевичем, который представил Корнилова царю и наградил его орденом Св. Георгия 3-й степени. Таким образом, предательство было превращено в «доблесть», а генерал-изменник в «героя».

Позднее осенью 1916 г. все материалы о сдаче дивизии были разысканы и направлены Корнилову с требованием представить объяснения, но генерал промолчал и только спустя девять месяцев назначенный уже главкомверхом (18 июля 1917 г.), прислал отчет, составленный начальником штаба 48-й дивизии. Но теперь о старых ошибках главкомверха никто не осмеливался говорить. По прибытии в Россию Корнилов получил 25-й корпус на Западном фронте, которым и командовал вплоть до Февральской революции 1917 г.

После Февральской революции имя Корнилова, как яркого и бесстрашного патриота, особенно широко стало известно в стране. 2 марта Временное правительство назначило его командующим войсками Петроградского военного округа. Во время апрельской демонстрации, направленной против политики Временного правительства, Корнилов намеревался пустить в ход пушки и пулеметы против демонстрантов. Отказ воинских частей исполнить приказ Корнилова спас рабочих и солдат от кровавой расправы. Однако распорядительность генерала не осталась незамеченной консервативными элементами из Временного правительства. В первых числах мая 1917 г. Корнилов получил 8-ю армию, расположенную на Юго-Западном фронте. Скоро началось июньское наступление. Еще раз Корнилову представилась возможность проявить свои боевые качества. Но он остался верен себе. Гибель 48-й дивизии в 1915 г., плен, побег, командование Петроградским округом ничему не научили его. Как и раньше, он не смог согласовать операции 8-й армии с операциями 11-й и 7-й армий. Затем не выполнил приказаний высшего командования и не смог закрепить первого успеха, достигнутого корпусом его армии под командованием генерала Черемисова, а в результате 8-я армия, как и другие, в панике бежала с фронта, потеряв 352 офицера и 14456 солдат. Но Корнилов и на этот раз не признал себя и своих генералов виновными в поражении. Всю вину за неудачу он свалил на революцию. Его поддержали комиссар армии морской инженер штабс-капитан М.М. Филоненко и комиссар фронта правый эсер Б.В. Савинков⁵.

В 1917 г., когда армия стала разваливаться, офицерство «подняло на щит» Корнилова. Побег из плена, дело по разоблачению окружного интендантства в 1912 г. и подвиг под Мукденом сделали его самым популярным после А.А. Брусилова военачальником. К тому же Лавр Георгиевич никоим образом не был замешан в грязи распутищины. Не искушенный в политике (традиционно в старой России офицерство политикой не занималось), Корнилов сделался игрушкой в руках политических авантюристов. В условиях хаоса, воцарившегося в стране, он стал единственным человеком, способным восстановить элементарный порядок. Для офицерства Л.Г. Корнилов стал кумиром. Атаман Каледин говорил в 1917 г. о нем: «Он казак, думающий прежде всего об армии и о благе России»⁶. К его мнению прислушивались, высоко ценили. Обладая большой личной смелостью и решительностью, проникнутый духом жертвенности и дисциплины, Л.Г. Корнилов искренне хотел помочь Временному правительству положить конец разложению страны и пресечь давление на центральную власть со стороны безответственных антигосударственных элементов⁷. В решительных выражениях он указал Временному правительству, что армия бежит, на полях сражений царит сплошной ужас, позор и срам. Если правительство не сумеет прекратить это бедствие, будут выдвинуты новые люди. Через главнокомандующего Брусилова он потребовал применения в армии исключительных мер - до смертной казни включительно, - и не ожидая ответа, потребовал от строевых начальников «без колебаний применять против изменников огонь пулеметов и артилле-

рии». Действия Корнилова поддержали комиссары Временного правительства Савинков и Филоненко. С необходимостью проведения в жизнь мер, указанных Корниловым, согласился и Брусилов.

9 июля Корнилов послал телеграмму в Совет Союза казачьих войск, которую доставил представитель штаба походного атамана при Ставке С.П.Ларионов (депутат от Уссурийского казачьего войска), с просьбой поддержать все его предложения перед Временным правительством. В телеграмме Корнилов сообщал о разложении армии, «о позоре и сраме, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования» и далее заявлял: «Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого дня сознательного существования донине проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет, и поэтому, хоть и не прощенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах с целью сохранения и спасения армии для ее организации на началах строгой дисциплины... Необходимо немедленно в качестве меры временной, исключительно вызванной безвыходностью создавшегося положения, введение смертной казни... Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению - защиты Родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего»⁸. Корнилов считал, что армия должна быть строго дисциплинированной, умело управляемой в боях исполнительными офицерами и генералами. В случае неподчинения необходимо применять самые суровые меры, вплоть до смертной казни. Это же наказание грозило солдатам за бражание или за мародерство.

На практике нарушения офицерам нередко прощались, а рядовым не было снисхождения. Поэтому частые случаи расстрелов, телесных наказаний за малейшую провинность вызывали у солдат ненависть к офицерам-золотопогонникам, желание дезертировать. Расстрел - одно из самых популярных слов эпохи войн и революций. А.И.Деникин в «Очерках русской смуты» вспоминал, как летом 1917 года главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Корнилов ввел на фронте смертную казнь и военно-полевые суды, приказал расстреливать дезертиров и грабителей, выставляя их трупы вдоль дорог и на видных местах. Уже в ходе Гражданской войны В.В.Шульгин с осуждением говорил об одном генерале, которому не хватило решимости «расстрелять несколько командиров полков», чтобы «внушить расхлябавшейся массе», что такое главнокомандующий. Председатель Реввоенсовета Л. Троцкий использовал в своих патетических приказах фразеологию, полную решимости, и в этом смысле прекрасно соответствовал требованиям В.В.Шульгина - извечной беспощадной логике войны.

12 июля Временное правительство восстановило смертную казнь.

«Чуждый своекорыстных расчетов, честный и прямой, отважный солдат и мудрый полководец, он был верным и лучшим сыном своего народа, для которого работал с одинаковой пользой и в мирной обстановке и на ратном поле», - говорили о нем товарищи. «Корнилов-человек дела, храбрый и заслуженный военачальник» - писала о нем буржуазная пресса. Она приложила немало усилий, чтобы создать образ решительного и смелого «вождя русской армии». Генерала рекламировали как «выходца из народа», расписывали его подвиги. В типографии «Нового времени» была напечатана брошюра «Первый народный главнокоман-

Генерал Л.Г.Корнилов перед строем

дующий генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов» и распространена по всей стране. Авторы подчеркивали простоту, скромность Корнилова, «не знающего сделок с честью и совестью». Газета военного министерства «Армия и флот Свободной России» подчеркивала, что назначение Корнилова Верховным главнокомандующим - «светлая страница в переживаемом нами историческом периоде».

Интересна оценка Л.Г.Корнилова, данная одним из сподвижников генерала Дмитрием Леховичем: «На первый взгляд наружность Корнилова казалась непривлекательной, не было в ней ничего величественного, героического. Небольшого роста человек, худощавый, с кривыми ногами. Лицо монгольского типа, и это особенно сказывалось в глазах, скулах, в желтоватом оттенке кожи, в усах и жидкой бороде, едва прикрывавшей подбородок. Руки маленькие, с худыми, нервными и длинными пальцами, голос с резкими нотками. Но и некрасивое лицо его было оригинально. Поражал он окружающих своим внутренним зарядом энергии и силы воли, скрытыми за фасадом сухой и хмурой фигуры. Говорил мало. Речь всегда простая, без лишних фраз, сразу располагала слушателя своей искренностью и честностью. Чувствовался бесхитростный и горячий патриот, человек исключительно прямой и решительный, волевой и твердый. По натуре своей Корнилов, несомненно, был вождем, в присутствии которого люди весьма не робкого десятка стушевывались. Прекрасный боевой генерал, Корнилов в делах политики был чрезвычайно неискушенным и наивным. Доверчиво принимал он окружающих, плохо разбирался в людях. У него были честолюбие и властность, а со славою появилось и убеждение, что именно ему-генералу Корнилову-суждено вывести Россию из революционного тупика на путь возрождения. Но вера в собственную судьбу шла не из мелких побуждений. Любовь к Родине стояла у него на первом месте, и миссию свою он видел лишь в служении ей. В глазах буржуазно-либеральных корпусов и значительной части офицерства колоритная фигура Корнилова ассоциировалась с обликом одного из тех революционных генералов, которые, обуздав эксцессы революции, закрепляли ее лучшие достижения. Было известно, что к старому строю в России Корнилов относился отрицательно и о реставрации не помышлял»⁹.

С возникновением в Петрограде в июне 1917г. «Республиканского центра», на Юго-Западном фронте также создается аналогичная военная организация. Во главе ее стоят: командир 3-го конного корпуса генерал Крымов и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Корнилов. Организация Крымова-Корнилова явилась ядром, ударной группой того общероссийского контрреволюционного заговора, который окончательно сложился к середине августа 1917г. и который известен в истории под именем корниловщины¹⁰. При Ставке Верховного главнокомандующего существовал главный комитет офицерского союза, который объединял все офицерство армии и флота. Со времени назначения Корнилова главнокомандующим (18 июля) и переезда его в Ставку, он становится непосредственным руководителем главного комитета, который вместе со Ставкой превращаются в главный центр общероссийской контрреволюции.

Убедившись в невозможности вернуть сразу монархию, заговорщики берут курс на установление военной диктатуры, которая бы расчистила путь для реставрации монархии. В связи с этим планом начались поиски кандидата в диктаторы. В своем выборе консервативные круги остановили внимание на нескольких кандидатах. Первым, на кого пал выбор, был А.Ф.Керенский. В июльские дни он выступал как один из решительных поборников идей контрреволюции. Керенский добился поста главы Временного правительства, сохранив за собой пост министра военных и морских дел. Концентрация верховной и военной власти в руках Керенского и его активность в борьбе с революцией вызвали восхищение даже у бывшего царя. Вот, что он записал в своем дневнике по этому поводу: «8 июля, суббота. В составе правительства совершились перемены: князь Львов ушел и председателем совета министров будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским министром и взяв в управление еще министерство торговли и промышленности. Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем лучше».

При такой концентрации власти в руках Керенского ему оставалось сделать один шаг, чтобы стать диктатором. Но прошло две недели, и Керенский не оправдал надежд вождей контрреволюции. Он стал казаться им слишком «левым» и неустойчивым человеком, случайно очутившимся на том высоком государственном посту, который занимал.

В поисках новых кандидатов в диктаторы консерваторы одно время остановились на именах адмирала А.В. Колчака и генерала М.В. Алексеева. Но когда после отстранения А.А. Брусилова от должности Верховным главнокомандующим был назначен генерал Корнилов, все искания прекратились. Контрреволюция назвала имя диктатора.

С назначением Л.Г. Корнилова на пост главнокомандующего политическая роль военной контрреволюции особенно возросла. Для борьбы с дальнейшим распространением «революционной бациллы» часть военных готова была и на восстание. Комиссары Временного правительства Б.В. Савинков и М.М. Филоненко, недовольные колебаниями А.Ф. Керенского в его борьбе против большевистского влияния в стране, постоянно внушали Корнилову мысль о необходимости спасения России от большевиков.

В начале августа 1917г. Л.Г. Корнилов начал переброску к Петрограду, Москве и другим центрам страны верных войск. Это были наименее затронутые революционной агитацией казачьи и кавалерийские части, батальоны «ударников», личный состав которых подвергался тщательной фильтрации.

Важнейшим звеном политической подготовки корниловщины стало созванное Временным правительством 12-15 августа в Москве Государственное совещание. Меньшевики и эсеры, активно участвовавшие в нем, по сути служили прикрытием мобилизуемой контрреволюции. Заговорщики не исключали возможности контрреволюционного переворота в ходе совещания. Ему помешала всеобщая стачка протеста более 400 тыс. трудящихся Москвы. Для участия в совещании был приглашен и Л.Г. Корнилов. Вот так описывает его прибытие одна из участниц этого события: «Когда он приехал в Москву на Александровский (ныне Белорусский-В.Ф.) вокзал, ему была устроена торжественная встреча. В почетном карауле выстроились юнкера, представители всех родов оружия, женский батальон, группа бежавших из плена. К часу дня прибыл поезд. Корнилов вышел из вагона при громком «ура» выстроенных войск. Поздоровавшись с почетным караулом и приняв рапорт, он приблизился к встречавшим. Его сопровождали офицеры Ставки и много иностранных офицеров. От имени бежавших из плена генерала приветствовал М.А. Нестерович-Берг. Выслушав ее о том, что в плену томятся тысячи солдат, о которых забыла Родина, Корнилов ответил: «Сестра, поблагодари от меня бежавших, до глубины души тронут их любовью к Родине. Испытав плен на самом себе, сделаю все, что будет в моих силах, чтобы остальные пленные вернулись скорей на Родину». Затем юнкера пронесли генерала на руках от вагона до привокзальной площади, где он произнес свою речь. Приветственные крики сливались в сплошной восторженный рев. В ответ Корнилов махал рукой, произнося отрывистые фразы о готовности «послужить России». Интересна оценка проходившего в те дни совещания, высказанная М.А. Нестерович-Берг: «В этот день проходило особое Государственное совещание. Думаю, что потом Корнилов сам не раз пожалел, - ибо это был тот единственный момент, когда он мог, опираясь на настроение Москвы и народных масс, объявить себя диктатором, арестовать правительство. Он этого не сделал и это было большой ошибкой»¹¹.

В выступлении на совещании 14-15 августа Корнилов рисует жуткую картину развала русской армии и требует введения военных порядков, твердой власти на фронте и в тылу, без чего не возможны победы над врагом и закрепление свободы в России. Не довольствуясь введением смертной казни на фронте, он требует распространения ее и в тылу, для чего предлагает учредить военно-полевые суды как для военнослужащих, так и для гражданских лиц. Под рубрику преступлений, направленных против обороны и целостности государства, по его мнению, можно было бы подвести и всех трудящихся, настроенных против империалистической войны. Он так же потребовал устранения солдатских комитетов от всякого вмешательства в дела на фронте, восстановления дисциплинарной власти командиров. Ввиду расстройств железнодорожного транспорта предложил перевести железные дороги на военное положение со всеми вытекающими последствиями. На заводах, работающих на оборону, он просил решительно запретить собрания, митинги и деятельность революционных организаций и т.д. Свои требования Корнилов подкрепил угрозой сдать Ригу и открыть немцам путь на Петроград, если они не будут приняты. За Корниловым выступил Донской атаман Каледин, речь которого была еще более резкой.

Так как голос Корнилова правительством не был услышан, он принял решение провести военный переворот и организовать поход на Петроград. Выступление Корнилова явилось закономерным следствием политики Временного правительства. В последний

момент А.Ф. Керенский, боясь, что народные массы сметут и его вместе с Корниловым, и желая использовать создавшуюся ситуацию для поднятия своего пошатнувшегося авторитета, круто изменил свою линию. Он объявил Корнилова мятежником, отстранил от должности Верховного главнокомандующего и ввел в Петрограде военное положение. В лагере контрреволюции начался раздор.

В конце августа Л.Г.Корнилов, объявив себя спасителем России, обращается к русскому народу с воззванием, в котором говорит: «Я, генерал Корнилов, сын казака и крестьянки, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России. Я клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором оно само решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни».

Как в те годы, так и сегодня закономерен вопрос: «Можно ли ему верить?» мнения различны: одни говорят - нет, другие - да, ибо он всегда был верен своему слову. Интересна оценка морально-психологического настроения Л.Г.Корнилова в те дни, данная Сергеем Штерном. Он писал, что «Л.Г.Корнилов не принадлежал к числу людей, пассивно склоняющих голову перед неволей и насилием. Для него свобода не являлась чем-то отвлеченным, он органически не мог сносить гнета над собой и над другими... свободолюбие Корнилова ясно проявилось в сфере политической. Не будучи опытным политиком, он тяготел к умеренно-левому и демократическому лагерю. К нему толкали его демократические традиции и происхождение, живший в нем вольно-казацкий дух. Л.Г.Корнилов без всякой тени лицемерия искренно и полно воспринял революцию, присоединился к ней и отстаивал ее первоначальный дух. Когда стали формироваться первые добровольческие отряды, на его клич шли люди, близкие ему по духу и убеждениям. В борьбе с большевизмом Л.Г.Корниловым были положены в основу освободительные начала... в Добровольческой армии веял республиканский дух, были крепки революционные традиции. В показаниях следственной комиссии генерал Корнилов утверждал: «Я заявляю, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, считая, что эта династия, в лице последних ее представителей, сыграла роковую роль в жизни страны»¹². Однако в действительности монархические и бонапартистские устремления генералитета и черносотенных кругов нашли яркое воплощение в корниловском выступлении. Связь черносотенно-монархических элементов с корниловщиной, их попытки организовать откровенно реставраторский заговор-дело, доказанное исследователями достаточно убедительно¹³. Строг в оценке генерала Л.Г.Корнилова и лидер кадетской партии П.Н.Милюков: о человеке, который в сознании широких кругов эмиграции был окружен нимбом национального героя, историк счел возможным повторять ходячую остроту о генерале Корнилове в некоторых левых кругах в августовские дни 1917 г.: «Сердце льва, голова пуста»¹⁴.

25 августа Корнилов двинул верные ему части на Петроград. Накануне и в момент контрреволюционного похода большевики, эсеры и меньшевики развернули огромную агитационную работу в массах. Направленные на предприятия, в военные части агитаторы, а также выпущенные листовки разоблачали сущность военного путча, мобилизовали массы на отпор наступавшим. Сотни агитаторов-рабочих, солдат, матросов-были направлены в войска Корнилова. Работа агитаторов была настолько успешной, что уже на четвёртый день похода не было такой части среди войск генерала Крымова, которая не отказалась бы наступать на революционный Петроград. Жертвы при подавлении выступления были велики, но это только вызвало у солдат ненависть к офицерам-заговорщикам. Корнилов остался с эскадромом текинских казаков - его личной охраной. Они не знали русского языка и были преданы Корнилову. Хотя агитация шла и среди них. С 25 по 30 августа с путчем было покончено.

Сегодня говорят о том, что альтернативой победе пролетариата в 1917г. была возможность установления военной диктатуры. Однако в историческом плане здесь не было альтернативы. Даже если допустить, что корниловский поход увенчался бы успехом, и власть перешла к военным, то это не создало бы никакой альтернативы, ибо наиболее контрреволюционные и реакционные социальные слои, стоявшие за военными, не только не преодолели бы переживаемого страной кризиса, но еще более обострили бы его. Очевидность этого для современников и была, как представляется, основной причиной сравнительно легкого подавления корниловского выступления.

Вместе с другими единомышленниками Л.Г. Корнилов был арестован и заключен под стражу в ожидании суда в Быховскую тюрьму. Все были уверены в правоте своего дела. Но они заблуждались. Не желая того, путчисты проложили дорогу большевикам и ускорили приход их к власти. Ошибки Временного правительства и корниловский заговор были использованы руководством РСДРП(б), чтобы показать несостоятельность своих противников в решении жгучих вопросов: войны, хлеба, земли, порядка. В сентябре произошла большевизация советов Петрограда и Москвы, в результате чего встал вопрос о взятии власти.

В это же время среди заключенных-корниловцев в Быховской тюрьме зарождается идея антибольшевистского Белого движения. Как утверждал впоследствии Н.Н. Львов, первопричиной его стала «нестерпимая боль замученного в революции русского офицера, надругательство толпы над лучшими генералами, предательство русской армии правительством революции». Оно сразу же было связано с именами генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, С.Л. Маркова, А.С. Лукомского и других. Будучи человеком дела, храбрым и заслуженным военачальником, пользующимся большим авторитетом у солдат, Корнилову удалось вскоре вместе с другими быховскими узниками, несмотря на грозившую опасность, бежать из заключения. В декабре 1917 г. Л.Г. Корнилов прибыл на Дон. Здесь вокруг него и генерала М.В. Алексеева зародилась немногочисленная, но сильная духом Добровольческая армия. И с ней генерал Корнилов начал добывать «счастье и свободу Родине» в борьбе против большевиков в кубанских степях.

«На Дон. к Корнилову!» - с этими магическими словами офицеры, переодетые в солдатские шинели и тряпье, под ежеминутной угрозой расправы озверевшей от водки, крови и демагогии толпы, пробирались в Новочеркасск. К январю 1918 г. на Дону собралась небольшая (всего 3000 офицеров из более чем 250-тысячного офицерского корпуса России) Добровольческая армия, способная громить численно превосходящего противника в так называемом «Ледяном походе», отступая из Ростова в сытые казачьи районы Кубани. Добровольцы, еще не разбавленные насильственными мобилизациями, побеждали, имея преимущество в дисциплине и тактической выучке. В отечественной и зарубежной литературе этот поход Корнилова, ставший последним в его жизни, описан со всей полнотой, интересно и весьма объективно. Необходимо сказать, что в первое время казаки и крестьяне станиц и сел Кубани с сочувствием относились к проходящим корниловцам. Участник похода Роман Гуль вспоминал: «В станице Ивановской на Кубани станичный атаман со стариками встречали Корнилова хлебом-солью, подносили национальный флаг. Казаки и казачки высыпали на улицу, ходят шелуша семечки. Казаки, казачки, угощая кто чем, с любопытством разговаривают с нами. «Ну вот, я говорил вам, что на Кубани будет совсем другое отношение, видите!», - говорит кто-то... на Кубани повеяло традицией старой Руси. Во всех станицах встречают радушно, присоединяются вооруженные казаки»¹⁵.

Однако участвовавшие вскоре случаи изъятия у станичников продовольствия и лошадей, насильственные мобилизации казаков, игнорирование мнения, а нередко и порки уважаемых в станицах казаков-стариков, расправы над ранеными и захваченными в плен красноармейцами (как это было после занятия деревни Лежанка Ставропольской губернии)¹⁶ оттолкнули массы казацко-крестьянского населения от Корнилова, что в конечном счете и сыграло решающую роль в его поражении. Во время штурма Екатеринодара многие белогвардейские роты потеряли от 70 до 95 процентов состава. На пятый день, 31 марта (13 апреля) 1918 года от разрыва шального снаряда за столом со штабной картой погиб Л.Г. Корнилов. От войск вначале пытались скрыть гибель главнокомандующего, но когда этого не удалось сделать, добровольцы, взрослые мужчины, прошедшие огонь Первой мировой войны, не могли сдерживать слезы. «Истинный сын народа, - не раз утверждал Корнилов, - всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет - свою жизнь». Так он говорил, так и окончил свои дни. Бывший участник Белого движения Виктор Ларионов, описывая смерть вождя белого движения генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова, заключает: «Когда Корнилов посылал роты в бой, каждый думал не о смерти, а о жизни, о подвиге и кричал: «- Ура, генералу Корнилову!». И увлекало это «ура», а еще больше он сам, едущий впереди, безразличный к опасности. Корнилова не стало... не стало диктатора-вождя «милостью Божьей» и, как оказалось потом, когда стало возможным взглянуть на прошедшее с высоты некоторой «исторической перспективы», этой смертью из тела, из остова Белого движения был вырван в

самом зародыше его, 31 марта 1918г. стальной стержень его - Корнилов. С той поры Белое движение росло и сокращалось без стального стержня, без хребта, без диктатора...»¹⁷.

После гибели командующего Белая армия в боевом порядке отошла. Л.Г.Корнилова и его верного соратника, первого командира Корниловского ударного полка Генерального штаба подполковника М.О.Неженцева похоронили, но о месте захоронения было известно только узкому кругу лиц, дабы избежать разорения могилы. Тем не менее через несколько дней группа пьяных солдат из частей впоследствии расстрелянного за моральное разложение командарма И.Л.Сорокина разорила могилу, издеваясь над телами павших противников, предала огню останки русских офицеров. Однако, несмотря на отсутствие могилы, неоднозначность оценок его действий, имя Л.Г. Корнилова не забыто и не вычеркнуто из истории. Память о русском генерале-патриоте, в чьем послужном списке немало и похвального, и порицаемого, живет и будет жить.

Поэтесса Мария Волкова, дочь сотенного командира 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка писала в эмиграции о славном сибирском казаке Л.Г.Корнилове:

«Мы можем гордиться, сибирцы родные,
Что вышел из наших привольных степей
Достойнейший сын необъятной России,
Всю жизнь посвятивший отчизне своей...
Корнилов погиб, но заветное имя
Для нас, как и прежде, - воинственный стяг.
Мы чтить тебя будем всегда пред другими
Славнейший из славных Сибирский казак...»¹⁸

Гражданская война унесла жизни многих лучших людей России, и как их все эти годы не хватало нашей Родине. После 80 лет замалчивания или охаивания имени Л.Г. Корнилова в настоящее время издаются книги и воспоминания о нем, правдиво раскрывающие весь трагизм этой неординарной личности. Сегодня можно лишь предполагать, как бы сложилась в дальнейшем судьба этого незаурядного человека, не будь революционных событий 1917 г., которые вовлекли в свой круговорот и привели к преждевременной гибели генерала Л.Г. Корнилова.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛА Л.Г.КОРНИЛОВА К КАЗАКАМ

Казаки, дорогие станичники!

Не на костях ли ваших предков расширились и росли пределы государства российского?

Не вашей ли могучей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами и героизмом была сильна Великая Россия?

Вы вольные, свободные сыны Тихого дона, красавицы-Кубани, буйного Терека, могучие орлы Уральских, Оренбургских, Астраханских, Семиреченских и Сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури всегда стояли на страже чести и славы ваших знамен, и Русская земля полна сказаниями о подвигах ваших отцов и дедов.

Ныне настал час, когда вы должны прийти на помощь Родине.

Я обвиняю Временное правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и уничтожено 12 тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов правительства в прямом предательстве Родины и тому привожу доказательства: когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3 августа, министр Керенский и Савинков указали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные.

Ясно, что такое правительство ведет страну к гибели, что такому правительству верить нельзя, и вместе с ним не может быть спасения несчастной России...

Поэтому, когда вчера Временное правительство, в угоду врагов, потребовало от меня оставления должности Верховного главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести, вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани позору и предательству Родины.

Казачи, рыцари земли русской!

Вы обещали встать вместе со мной на спасение Родины, когда я найду это нужным. Час пробил - Родина накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям Временного правительства и, ради спасения свободной России, иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину.

Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно-доблестного казачества и этим вы спасете Родину и свободу, завоеванную революцией.

Слушайте и исполняйте мои приказания. Идите же за мной.

Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов

28 августа 1917г.

Донская летопись. - 1923. - № 2. - С.297-298.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА (ЯНВАРЬ 1918 г.)

1. Восстановление прав гражданства:
  - все граждане равны перед законом без различия пола и национальности;
  - уничтожение классовых привилегий;
  - сохранение неприкосновенности личности и жилища;
  - свобода передвижений, места жительства и пр.
2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.
3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.
4. Восстановление прав собственности.
5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольческих началах. без комитетов, комиссаров и выборных должностей.
6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств, международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный на демократических принципах, т.е. с правом на самоопределение поработенных народов.
7. В России вводится всеобщее, обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.
8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть проведены свободно, без всякого давления на народную волю и по всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программе генерала Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, коему оно передает всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание как единственный хозяин земли русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.
10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.
11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания существующих законов всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.
12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тягчайших государственных преступлений.
13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормирования труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключе-

нием насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлении к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый Союз братских народов.

Генерал Корнилов

Белый архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п. (под редакцией Я.М. Лисовского). - Париж, 1928. - Т.2-3. - С.130-131.

-
- ¹ Иоффе Г.З. Крах Российской монархической контрреволюции. - М.; 1977. - С.80-83; Он же. «Белое дело». Генерал Корнилов. - М.: 1989; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. - М.; 1990; Старцев В. Керенский: шарж и личность // Диалог. - 1990. - №16; Он же. Классы и партии в революции // Вопросы истории. - 1990. - №11; Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым) / Берлин, б/г; М.; 1990; Гаврилов Ю. Несостоявшийся диктатор России // Огонек. - 1990. - №5; Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. - М.; 1992.
- ² К сожалению, автору не удалось обнаружить материалы о семейной жизни Л.Г.Корнилова. Известно лишь одно упоминание, что дети генерала вместе с семьей А.И.Деникина эмигрировали за границу во время эвакуации из Новороссийска. - См.: Э.Д.Полянский. Венок терновый. // Неделя. - 1989. - №13. - С. 22-23.
- ³ Ларионов В. Стержень стальной // Крестный путь. - (Харбин). - 1928. - №6. - С.11; Корнилов Лавр. // Крестный путь. - 1928. - №6. - С. 4-10.
- ⁴ Цит. по: Лехович Д. Белые против красных... - С. 13.
- ⁵ См.: Савинков Б.В. Генерал Корнилов // Былое. - 1925. - №3.
- ⁶ Синеоков В. Казачество и его государственное значение. - Париж, 1928. - С. 32.
- ⁷ Штерн С. В огне гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. - Париж, 1922. - С. 13.
- ⁸ Донская летопись. - 1923. - №2. - С.251.
- ⁹ Лехович Д. Белые против красных... - С. 86-87.
- ¹⁰ Подробно о выступлении см.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. - Париж, 1922. - Т.2 Борьба генерала Корнилова.; Мартынов Е.И. Корнилов. Попытка военного переворота... - М.; 1927; Галкин В.А. Разгром корниловщины. - М.; 1959; Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром. - Л.; 1965; Капустин М.И. Заговор генералов (из истории корниловщины и ее разгрома). - М.; 1968; Милюков П.Н. Ликвидация выступления Корнилова // Октябрьская революция. Мемуары. - М.; 1991; Юг России (прокламации, листовки, воззвания). Архивные материалы. - Библиотека ИНИОН. - М.; 1992. - С. 9-49; и др.
- ¹¹ Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевизмом. Воспоминания. - Париж, 1931. - С. 16-17.
- ¹² Штерн С. В огне Гражданской войны... - С. 12-13.
- ¹³ См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов.
- ¹⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе. - Париж, 1927. - Т.1. - С. 104.
- ¹⁵ Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). - Берлин, б/г. - С. 64-68, 74-75.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Синеоков В. Казачество и его государственное значение. - С.32.
- ¹⁸ Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. - Харбин. 1934. - Вып. 1. С. 129.

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

СПИСОК ОФИЦЕРОВ И СОЛДАТ БЕЛОЙ АРМИИ В КОМИ КРАЕ, НАГРАЖДЕННЫХ БОЕВЫМИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ

Настоящий список составлен на основе архивных материалов из фондов Национального архива Республики Коми, Государственного архива Вологодской области, Яренского краеведческого музея. Используются также газетные материалы (архангельские газеты «Вестник Временного правительства Северной области (ВПСО)» «Русский Север», «Возрождение Севера» 1918-1920 гг. издания). К сожалению, формулировки приказов и постановлений о награждении нередко ограничивались одной фразой - «за боевые отличия», поэтому очень трудно установить, за что конкретно была вручена награда.

Наиболее ожесточенные бои Гражданской войны в Коми крае происходили весной и осенью 1919 г., поэтому большое количество наград (особенно солдат) приходится именно на эти периоды. Так, только за ноябрьско-декабрьские бои 1919 г. на Верхневычегодском и Пермском направлениях были награждены орденами и медалями 155 солдат 10 Северного Печорского полка.

Список, представленный в настоящей публикации неполный. Работа над ним продолжается.

* * *

ОФИЦЕРЫ:

АХАТКИН ВИКТОР - полковник, командующий Печорским районом Северного фронта. Приказом Главнокомандующего Северным фронтом №29 от 21 января 1920 г. награжден орденом Святого равноапостольного и Великого князя Владимира 4 степени с мечами и бантом «за боевые отличия», за успешное руководство армейскими подразделениями во время наступательных операций в Коми крае в ноябре 1919 г.

БУК ВИКТОР - мичман, состоял в распоряжении командующего Мезенско-Печорским районом Северного фронта. Приказом Главнокомандующего №134 от 23 апреля 1919 г. награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях и за труды по воссозданию Русской армии». (Как командир Вашкской команды разведчиков Мезенско-Печорского района неоднократно ходил в тыл красных.)

ВЕРЕЩАГИН ПЕТР ИВАНОВИЧ - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №134 от 23 апреля 1919 г. награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях и за труды по воссозданию Русской армии». (Участвовал в создании армейских подразделений белых на Удоре осенью 1918 г.). Приказом Главнокомандующего №27 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

ВЯТКИН ИВАН - поручик 10 Северного Печорского полка. Приказом Главнокомандующего №266 от 29 ноября 1919 г. награжден орденом Святого равноапостольного и Великого князя Владимира 4 степени с мечами и бантом «за боевые отличия», за успешное командование на Усть-Сысольском направлении во время ноябрьского наступления белых в Коми крае в 1919 г.

ГЛЫЖЕВ - поручик Особого Вычегодского добровольческого отряда, в дальнейшем 14 Северного Вычегодского полка. Приказом Главнокомандующего №27 от 20

января 1920 г. награжден орденом Святого равноапостольного и Великого князя Владимира 4 степени с мечами и бантом «за боевые отличия», за участие в вычегодской экспедиции подполковника Н.П. Орлова, командовал полуротой на выском направлении, был известен под фамилией Дмитриев.

ГОРДИН АЛЕКСЕЙ - подпоручик Особого Вычегодского добровольческого отряда. Ходатайством начальника Вологодской губернии С.О. Латкина от 15 декабря 1919 г. представлен к Кресту Святого великомученика Георгия 3 степени.

ГУКОВ МИХАИЛ - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №25 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

ДЕНЕЖНИКОВ ЕВГЕНИЙ - заурядный врач, состоял в распоряжении командующего Мезенско-Печорским районом. Награжден орденом Святой Анны 2 степени (сообщение газеты «Русский Север» от 12 октября 1919 г.).

ДОБРОГАЕВ НИКОЛАЙ - мицман, состоял в распоряжении командующего Мезенско-Печорским районом Северного фронта. Приказом Главнокомандующего №134 от 23 апреля 1919 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях и за труды по воссозданию Русской армии».

ЕВДОКИМОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ - подпоручик 14 Северного Вычегодского полка. Приказом Главнокомандующего №462 от 27 декабря 1919 г. награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «за боевые отличия». (Участвовал в вычегодской экспедиции подполковника Н.П. Орлова, отличился в боях под селом Небдино, где со взводом солдат действовал в тылу красных.)

ИВАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕРАСИМОВИЧ - поручик 10 Северного Печорского полка. Приказом Главнокомандующего №47 от 2 февраля 1920 г. награжден орденом Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом. (Командовал ротой стрелков 10 полка, осуществлявшей наступление на Усть-Сысольском направлении, был комендантом г. Усть-Сысольск во время освобождения его от красных.)

ИВАНОВСКИЙ ВЛАДИМИР - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №134 от 23 апреля 1919 г. награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях и за труды по воссозданию Русской армии».

ИГНАТЬЕВ (ИГНАТОВ) ЯКОВ - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №47 от 2 февраля 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

КАЛИНИН КИРИЛЛ ГРИГОРЬЕВИЧ - штабс-капитан 14 Северного Вычегодского полка. Приказом Главнокомандующего №27 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 2 степени с мечами и бантом «за боевые отличия». (Участвовал в вычегодской экспедиции подполковника Н.П. Орлова, являлся начальником гарнизона г. Яренск, был известен под фамилией Кириллов.)

КАЛИНИНСКИЙ НИКОЛАЙ - бывший учитель, организатор сопротивления красным в глухих удорских лесах в бассейне рек Межень и Вашка в 1918 г., поручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего русскими войсками Северной области №134 от 23 апреля 1919 г. награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях и за труды по воссозданию Русской армии». Постановлением Пысской волостной Земской управы от 25 сентября 1919 г. Н. Калининскому вынесена благодарность через печать «за спасение от большевистского нашествия на Мезенский и Печорский уезды» (благодарность опубликована в архангельской газете «Русский Север» от 17 октября 1919 г.). Постановлением Косланской волостной Земской управы от 16 октября 1919 г. Н. Калининскому и «его ближайшим помощникам подпрапорщику Маркову, фельдфебелю Чуркину и всем стрелкам Верхне-Мезенского участка» вынесена благодарность через печать «за освобождение нашей (Косланской - М.Т.) волости от большевистских тиранов» (благодарность опубликована в архангельской газете «Вестник Временного правительства Северной Области» от 11 января 1920 г.). После капитуляции Белой армии Калининский был расстрелян красными в марте 1920 г.

КОЛОБОВ ЛЕОНИД - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №25 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

КОЛОСОВ ГЕОРГИЙ П. - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №25 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

КОРСАКОВ БОРИС САВВ.(САВВАТЕЕВИЧ?) - прапорщик (по другой информации, подпоручик) Особого Вычегодского добровольческого отряда, в дальнейшем 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №27 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

КУК РУДОЛЬФ ПЕТРОВИЧ - прапорщик 14 Северного Вычегодского полка. Приказом Главнокомандующего №462 от 27 декабря 1919 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия». (Накануне капитуляции Белой армии, в феврале 1920 г. возглавил солдатский ревком 14 полка, расстрелян красными летом 1920 г.)

ПЕТРОВ ЯКОВ - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №134 от 23 апреля 1919 г. награжден орденом Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «в воздаяние особых заслуг по борьбе с врагами России в пределах Северной области, за отличия в боях и за труды по воссозданию Русской армии». Приказом Главнокомандующего №25 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

ПОПОВ ВАСИЛИЙ - священник верхнепечорской группировки 10 полка. Приказом Главнокомандующего награжден орденом Святой Анны 3 степени за то, что при наступательных операциях белых на Верхневычегодском направлении в ноябре 1919 г. «вызвался охотником в качестве полкового священника и, находясь во время боев на передовой линии и исполняя обязанности духовного пастыря, в высшей степени ободряюще действовал на состояние наших войск».

ПРОКУШЕВ АЛЕКСАНДР ОСИПОВИЧ - штабс-капитан, и.о. комполка 14 Северного Вычегодского полка. Приказом Главнокомандующего №462 от 27 декабря 1919 г. награжден орденами Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом и Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» «за боевые отличия». (Бывший командующий советской группировкой войск на средней Вычегде, перебежал к белым 13 ноября 1919 г., командовал отрядом белых на Усть-Сысольском направлении, отличился в боях под Чукайбом и Небдино, где лично возглавлял атаки на позиции красных.)

СКОРОХВАТОВ АЛЕКСАНДР А. - прапорщик Особого Вычегодского добровольческого отряда, комендант отряда. Приказом Главнокомандующего №27 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

СОКОЛОВ МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ - подпоручик 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №25 от 20 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия».

СТЫШНЕВ АРКАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ - штабс-капитан 1 Северного Мезенского полка. Приказом Главнокомандующего №40 от 28 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 2 степени с мечами «за боевые отличия». (Участвовал в боях с красными в глухом Удорском районе с октября 1918 г., командовал партизанскими отрядами, тяжело ранен в апреле 1919 г.; по одной информации, в связи с ранением был отчислен из армии 14 апреля 1919 г.)

ЦИКИН ВАСИЛИЙ МАКСИМОВИЧ - подпоручик 14 Северного Вычегодского полка. Приказом Главнокомандующего №462 от 27 декабря 1919 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия». (Участвовал в боях с красными на Усть-Сысольском направлении в качестве командира роты 10 Северного Печорского полка, в дальнейшем был командиром батальона 14 полка.)

ШАПОШНИКОВ ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ - генерал-майор, командующий Мезенско-Печорским районом Северного фронта с октября 1918 по июль 1919 гг. В марте 1919 г. награжден английским орденом «За выдающиеся заслуги». Сделал все возможное для создания боеспособных армейских подразделений белых в Коми крае. Войск Мезенско-Печорского района под командованием Шапошникова осуществили соединение с Восточным фронтом по средней Печоре в марте 1919 г.

ШИШЛО (ШИШЛОВ) - подпоручик 14 Северного Вычегодского полка. Постановлением ВПСО от 17 января 1920 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом «за боевые отличия» (Являлся командиром разведотряда на Усть-Сысольском направлении, отличился в боях под селом Небдино.)

СОЛДАТЫ:

1) ТЕРЕНТЬЕВ Н.Е. - белый партизан Народной Армии Печорского уезда, награжден Георгиевской медалью за бой 14 марта 1919 г. в местечке Пыча Керка на средней Печоре, когда внезапным ударом была уничтожена застава красных в количестве 14 штыков.

2) Приказом Главнокомандующего награждены солдаты роты подпоручика (впоследствии поручика) А.Т.Иванова Печорского батальона капитана Г.Палашева из состава войск Мезенско-Печорского района Северного фронта (документ, из которого взяты сведения о награждении датирован 30 сентября 1919 г., наверное, награды были вручены за действия солдат роты Иванова на Восточном фронте в период соединения Северного и Восточного фронтов весной-летом 1919 г.):

Георгиевским крестом 4 степени:

ХАБАРОВ ПЕТР
ХАБАРОВ ИВАН

РОЧЕВ АЛЕКСАНДР
МАКАРОВ ПЕТР

Георгиевской медалью 4 степени:

МАЛЫШЕВ ГЕРАСИМ

3) Приказом Главнокомандующего русскими вооруженными силами на Северном фронте №265 от 8 ноября 1919 г. награжден Георгиевским крестом 4 степени ст.фейерверкер артбатареи 10 Северного Печорского полка

КУЗНЕЦОВ АНДРЕЙ - «находясь в наблюдательном пункте под действительным и сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, корректировал стрельбу, чем оказал содействие общему успеху боя» (имеются в виду бои в районе Сойвинского укрепрайона на Верхней Печоре с 6 по 8 августа 1919 г.)

4) Приказом Главнокомандующего №389 от 22 ноября 1919 г. «за отлично-усердную и особо-ревностную службу и труды, понесенные в районе военных действий в Северной области» нагрудной медалью 2 разряда на Станиславской ленте с надписью «За усердие» награждены ополченцы Особой Печорской роты Национального ополчения

ЧУПРОВ АНДРЕЙ
АНДРЕЕВ СТЕПАН
ДУРКИН ИВАН
ИВАНОВСКИЙ АЛЕКСАНДР
ПАКШИН МИХАИЛ
ПОПОВ МИХАИЛ
САМОДУНОВ ИОСИФ
СЕМЯШКИН ПАВЕЛ

СТРЕЛКОВ БОРИС
ЧУПРОВ НИКИТА
СЕМЯШКИН ПЕТР
КИСЯКОВ (КИСЛЯКОВ?) СЕМЕН
ЛЕШУКОВ КАРП
БЕЛОКОПЫТОВ АНДРЕЙ
АРТЕЕВ ФИЛИПП

5) Ходатайством начальника Вологодской губернии С.О.Латкина от 15 декабря 1919 г. представлены к наградам солдаты Особого Вычегодского добровольческого отряда за рейд по тылам противника (к сожалению, неизвестно, были ли награды утверждены).

К Георгиевскому кресту 2 степени представлены:

ЗАВЬЯЛОВ СЕРГЕЙ ЕФИМОВИЧ, фельдфебель (командир отряда, первым вошедшим в г.Усть-Сысольск 15 ноября 1919 г.)

ПЕТУХИН (ЛЕТУХИН?) ВАСИЛИЙ, ст.унтер-офицер

К Георгиевскому кресту 3 степени представлены:

КУЗНЕЦОВ СТЕПАН-мл., фельдфебель
ЛИХАЧЕВ ПРОКОПИЙ, унтер-офицер

КАЛИНИН АНДРЕЙ, мл.унтер-офицер
НЕЧАЕВ АЛЕКСЕЙ, мл.унтер-офицер

КАНЕВ ИВАН, мл.унтер-офицер
РОЧЕВ ПЕТР, мл.унтер-офицер
ПОДОРОВ МИХАИЛ, мл.унтер-офицер
ФИЛИППОВ НИКИТА, мл.унтер-офицер
ПОПОВ АЛЕКСАНДР, мл.унтер-офицер
СЕРДИТОЕ ЕВСЕЙ, мл.унтер-офицер
МАЛАХОВ, ефрейтор

ЧУКИЧЕВ МАКСИМ, ефрейтор
ПЕРЕБАСКИН НИКОЛАЙ, рядовой
ЯВАНОВ (ИВАНОВ?) ИВАН, рядовой
КАЛИНОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ, рядовой
ТЕРЕНТЬЕВ МИХАИЛ, рядовой
ФАДЕЕВ НИКОЛАЙ, рядовой

К Георгиевскому кресту 4 степени представлены:

ЛИПИН ПЕТР, ст.унтер-офицер
ЕЛИН, мл.унтер-офицер
СОРОКИН МИХАИЛ, мл. унтер-офицер
ПОЛИТОВ ЕФРЕМ, ефрейтор
УЛЬЯНОВ ВАСИЛИЙ, ефрейтор
АРТЕМЬЕВ ИВАН, ефрейтор
ПОДОРОВ АФАНАСИЙ, ефрейтор
СОФРИН ФЕДОР, ефрейтор
ЛУКАЧЕВ МИХАИЛ, ефрейтор
БЕЛЫХ ТИТ, рядовой

РАЗБЕГАЕВ ИВАН, рядовой
ИСАКОВ МИХАИЛ, рядовой
РУБЦЕВ АРХИП, рядовой
КОЗЛОВ ПАВЕЛ, рядовой
ТЫРИН ПЕТР, рядовой
ЧЕРНОВ ФЕДОР, рядовой
ЛУМИН МАКАР, рядовой
МАРКОВ ИЛЬЯ, рядовой
КИВВ РУДОЛЬФ, рядовой.

6) Приказом Главнокомандующего №7 от 8 января 1920 г. награждены солдаты 10 Северного Печорского полка («в воздаяние доблестного поведения в боях») (имеются ввиду бои в районе д.Якша на верхней Печоре в начале октября 1919 г., когда сводный отряд прапорщика (впоследствии подпоручика) А.Варзухина наголову разбил красный экспедиционный отряд М.В.Голубева):

Военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3 степени:
ДЕНИСОВ ИВАН, мл. унтер-офицер
ПЫСТИН МИХАИЛ мл. унтер-офицер, увлек в атаку за собой солдат
ПЫСТИН ЕГОР, стрелок

Военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени:

АРТЕЕВ ГРИГОРИЙ, ст.унтер-офицер, захватил вражеский действующий пулемет
ТЮФЯКОВ МИХАИЛ, мл. унтер-офицер
КУЗНЕЦОВ ИВАН, мл. унтер-офицер
ПОПОВ ВАСИЛИЙ, ефрейтор
ПЫСТИН ИВАН, ефрейтор
ПЫСТИН ЕВГЕНИЙ, стрелок
ПОПОВ ВАСИЛИЙ, стрелок
ТЕРЕНТЬЕВ ДИОМИД, стрелок, активно поддерживал пулеметным огнем атаку
БАЖУКОВ НИКОЛАЙ, стрелок
МЕЗЕНЦЕВ ПЕТР, стрелок (двое последних опасно ранены, но остались в строю и продолжили бой).

Георгиевской медалью 4 степени:

ЮДИН ВАСИЛИЙ, мл.унтер-офицер
БАЖУКОВ ПЕТР, ефрейтор
ПЫСТИН АЛЕКСЕЙ, ефрейтор
ПОПОВ МИХАИЛ, стрелок
ЛОГИНОВ ИВАН, стрелок
ВОКУЕВ ЕГОР, стрелок
ХОЗЯИНОВ ЯКОВ, стрелок
КАНЕВ ЕГОР, стрелок
ПЫСТИН АНДРЕЙ, стрелок
МАРТЮШЕВ ГРИГОРИЙ, стрелок - «выказали выдающееся самоотвержение и мужество под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника».

7) Приказом Главнокомандующего русскими вооруженными силами на Северном фронте №50 от 4 февраля 1920 г. награждены солдаты 10 Северного Печорского полка:

Георгиевским крестом 2 степени:

ЛУДНИКОВ ФЕДОР, ст.унтер-офицер - «за то, что в бою 8-го декабря 1919 г. при дер.Небдино, под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, по собственному почину выдвинул пулемет на опасно-близкую дистанцию и действием его поддержал атаку»

СМЕТАНИН ИВАН, ст.унтер-офицер - «за то, что в бою 8-го декабря 1919 г. при дер.Небдино, под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, примером отличной храбрости и мужества ободрил и увлек стрелков за собою вперед, захватив при этом у неприятеля действующий пулемет»

Георгиевским крестом 3 степени:

КАНЕВ ЛЕОНТИЙ, ст.унтер-офицер - «за то, что 30 ноября 1919 г. при дер.Кикрус (Кикус - М.Т.), будучи окружен противником, пробился и присоединился к своей части»

ПЫСТИН МИХАИЛ, ст.унтер-офицер - «за то, что в бою в Чердынском районе, будучи опасно ранен, остался в строю и принял участие в бою»

ПЫСТИН АНДРЕЙ ст.унтер-офицер и РАСТВОРОВ АЛЕКСАНДР, ефрейтор - «за то, что в бою 12-го ноября 1919 г. при дер.Вольдино, под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, будучи старшими в команде, ободрили стрелков и увлекли их за собою вперед, чем оказали содействие общему успеху боя»

АРТЕЕВ МИХАИЛ, стрелок - «за то, что 30-го ноября 1919 г. при с.Искор под действительным и сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, по собственному почину выдвинул пулемет на опасно-близкую дистанцию и действием его поддержал атаку»

Георгиевским крестом 4 степени:

СМЕТАНИН ДАНИИЛ, ст.унтер-офицер

МЕЗЕНЦЕВ ВИССАРИОН, мл.унтер-офицер

ПОПОВ ВАСИЛИЙ, ефрейтор

БАЖУКОВ НИКОЛАЙ, ефрейтор

ВОКУЕВ ИВАН, ефрейтор

АРТЕЕВ МИХАИЛ, ефрейтор

АРТЕЕВ ФЕДОР, стрелок

ИСТОМИН АЛЕКСАНДР, стрелок

ДУРКИН ФЕДОР, стрелок

ДУРКИН ЕФИМ, стрелок

МЕЗЕНЦЕВ ПЕТР, стрелок

- «за то, что 12 ноября 1919 г. при дер.Вольдино, 30 ноября 1919 г. при дер.Киркус и 24-го и 25-го декабря 1919 г. в Родзинском районе, будучи в разведке, добыли и доставили важные о противнике сведения»

ВОКУЕВ АКИМ, ст.унтер-офицер

ФИЛИППОВ НИКАНДР, ст. унтер-офицер

РОЧЕВ ГАЛАКТИОН, ефрейтор

ЧУПРОВ ДМИТРИЙ, ефрейтор

МАРТЮШЕВ СИДОР, ефрейтор

МЕЗЕНЦЕВ ГАВРИИЛ, ефрейтор

КАЗАКОВ СЕМЕН, стрелок

КУЗНЕЦОВ ПЕТР, стрелок

ДУРКИН ВАСИЛИЙ, стрелок

БАЖУКОВ ИВАН, стрелок

ХАТАНЗЕЙСКИЙ АЛЕКСАНДР, стрелок

- «за то, что вызвавшись охотниками на опасное и полезное предприятие, совершили оное с полным успехом»

ШАХТАРОВ ВАСИЛИЙ, мл. унтер-офицер

СЕМЯШКИН ГРИГОРИЙ, стрелок

КАНЕВ ФЕДОР, стрелок

КАНЕВ ВЛАДИМИР, стрелок

ПЫСТИН ПЕТР, стрелок

МАРТЮШЕВ АЛЕКСЕЙ, стрелок

КАНЕВ ТИХОН, стрелок

КАНЕВ ЕМЕЛЬЯН, стрелок

КАНЕВ ВАСИЛИЙ, стрелок

ПЫСТИН ВАСИЛИЙ, стрелок

ДЬЯЧКОВ ИСААК, ефрейтор

ПЫСТИН ИВАН, стрелок

ПЫСТИН АЛЕКСАНДР, стрелок

МЕЗЕНЦЕВ ПЕТР, стрелок

ПОПОВ ГРИГОРИЙ, стрелок

ВОКУЕВ СТЕПАН, стрелок

МЕЗЕНЦЕВ НИКОЛАЙ, стрелок

ПАШНИН МОЙСЕЙ, стрелок

АРТЕЕВ НИКОН, стрелок

РОЧЕВ АЛЕКСАНДР, стрелок

КАНЕВ ЕФИМ, стрелок

КОЖЕВИН АЛЕКСАНДР, стрелок

ИСТОМИН ГРИГОРИЙ, стрелок

ШАХТАРОВ КИПРИАН, стрелок

ФИЛИППОВ МИХАИЛ, стрелок

РОЧЕВ АНДРЕЙ, стрелок

НОСОВ АНТОН, стрелок
ШАХТАРОВ АНДРЕЙ, стрелок
ХОЗЯИНОВ ВАСИЛИЙ, стрелок
ИСТОМИН СЕМЕН, стрелок

- «за то, что в бою в Чердынском районе, будучи опасно ранены, остались в строю и приняли участие в бою»

ЮДИН ПЕТР, ефрейтор
АРТЕЕВ НИКОЛАЙ, ефрейтор
ПЫСТИН АЛЕКСАНДР, ефрейтор
ПЫСТИН СТЕПАН, ефрейтор
ФИЛИППОВ АНДРЕЙ, ефрейтор
ДЬЯЧКОВ ТИМОФЕЙ, ефрейтор
КАНЕВ ЕВДОКИМ, ефрейтор
ТЕРЕНТЬЕВ ЕГОР, ефрейтор
ТЕРЕНТЬЕВ ИВАН, ефрейтор
АРТЕЕВ ВАСИЛИЙ, стрелок

- «за то, что в период боев при д.д. Нырор, Киркус и Искор под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, проникнув сквозь неприятельское расположение, доставили важные известия и восстановили утраченную связь между отрядами»

ТЕРЕНТЬЕВ ИОВ, ст.унтер-офицер
ПОЗДЕЕВ ГУРИЙ, стрелок
ЧУПРОВ АКАКИЙ, стрелок
ПАСТУХОВ НИКИТА, стрелок
РОЧЕВ МИТРОФАН, стрелок
АНУФРИЕВ ФЕДОР, стрелок

- «за то, что 8 декабря 1919 г. при дер.Небдино, находясь в заставе и будучи окружены противником, пробились и присоединились к своей части»

ВИТЯЗЕВ ГАВРИИЛ, ст.унтер-офицер

БАЖУКОВ ВИССАРИОН, мл.унтер-офицер - «за то, что в бою 12 ноября 1919 г. при дер.Вольдино, командуя взводами и находясь в отдельных заставах, удержали эти заставы и отбили наступление противника с значительно превосходящими силами»

ЧУРКИН ЛОГИН, ст.унтер-офицер

РОЧЕВ ПЕТР, мл. унтер-офицер

ФИЛИППОВ МАКСИМ, ефрейтор - «за то, что в бою 30 ноября 1919 г. при дер. Искор, под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, за убьюлю офицеров, приняв командование на себя, восстановили порядок в части»

ПОПОВ ЕВГЕНИЙ, ефрейтор
ДЬЯЧКОВ ИГНАТИЙ, ефрейтор
СЕМЯШКИН ИОСИФ, ефрейтор
КАНЕВ АЛЕКСЕЙ, стрелок

ВОКУЕВ МИХАИЛ, стрелок
ПОЗДЕЕВ ХАРИТОН, стрелок
МАРТЮШЕВ СЕРАПИОН, стрелок

ПОПОВ МИХАИЛ, стрелок
ПЫСТИН ИВАН, стрелок
ТЕРЕНТЬЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ, стрелок
ТЕРЕНТЬЕВ ИВАН ИЛЬИЧ, стрелок
НЕМЧИНОВ ТРОФИМ, стрелок
АНУФРИЕВ ИОСИФ, стрелок
КАНЕВ ИОСИФ, стрелок
КАНЕВ ИВАН, стрелок
ДУРКИН ВАСИЛИЙ, стрелок
ДУРКИН МИХАИЛ, стрелок

ХАТАНЗЕЙСКИЙ СЕМЕН, стрелок
АНУФРИЕВ ФИЛИПП, стрелок
ДЕНИСОВ СЕМЕН, стрелок
ДЬЯЧКОВ НИКОЛАЙ, стрелок
ТЕРЕНТЬЕВ ЗАХАР, стрелок
ФИЛИППОВ КОНСТАНТИН, стрелок

- «за то, что в боях с 22 по 30 ноября 1919 г. в Чердынском районе, под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, подносили патроны, когда в них - была чрезвычайная надобность»

ПОПОВ ВАСИЛИЙ, ефрейтор
ТЕРЕНТЬЕВ ЗАХАР, стрелок
АНУФРИЕВ ФЕДОР, стрелок
БАЖУКОВ НИКОЛАЙ, стрелок
ДЬЯЧКОВ НИКОЛАЙ, стрелок
МЕЗЕНЦЕВ ПЕТР, стрелок

ПОПОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ, ефрейтор
ПОПОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ, стрелок
ДЕНИСОВ САВВАТИЙ, стрелок
МЕЗЕНЦЕВ ЕГОР, стрелок
ТЕРЕНТЬЕВ НИКОЛАЙ, стрелок
КУЗНЕЦОВ СТЕПАН, мл. унтер-офицер

- «за то, что в бою 8 декабря 1919 г. при дер.Небдино, под действительным и сильным пулеметным и ружейным огнем противника, примером отличной храбрости и мужества, увлекли за собою стрелков, захватив при этом у неприятеля действующий пулемет, оружие и патроны»

МАРТЮШЕВ СЕРГЕЙ, стрелок
ТЕРЕНТЬЕВ ПАВЕЛ, стрелок
ДЬЯЧКОВ НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ, стрелок

ТЕРЕНТЬЕВ ВЯЧЕСЛАВ, стрелок
АРТЕЕВ ФЕДОР, стрелок -

- «за то, что в бою 30 ноября 1919 г. при дер.Искор, под действительным и сильным

артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника действием своих пулеметов, направленных в упор неприятелю, отбили атаку»

ПЫСТИН ПЕТР, стрелок - «за то, что в бою 27 ноября 1919 г. при дер.Киркус, под действительным и сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, своеручно исправил телефонное сообщение, чем оказал содействие общему успеху боя»

ПЫСТИН ИВАН, ефрейтор - «за то, что в бою 28 ноября 1919 г. при дер.Искор, с явной личной опасностью, нашел проход в проволочных заграждениях противника и провел по нему атакующую часть»

АНУФРИЕВ ФЕДОР, стрелок - «за то, что в бою 30 ноября 1919 г. при дер.Киркус, будучи окружен противником, пробился и присоединился к своей части»

Георгиевской медалью 2 степени:

ХОЗЯИНОВ МИХАИЛ, ефрейтор - «за то, что в бою 19 ноября 1919 г. при дер.Помоздино, исполняя необходимые для успеха боя вспомогательные обязанности по ведению огня, выказал выдающееся самоотвержение и мужество»

Георгиевской медалью 4 степени:

ЮДИН ВАСИЛИЙ, мл.унтер-офицер

СЕМЯШКИН ИВАН, ефрейтор

АРТЕЕВ АЛЕКСАНДР, ефрейтор

МАРТЮШЕВ ИВАН, ефрейтор

ПОЗДЕЕВ ПЕТР, ефрейтор

ХОЗЯИНОВ НИКИТА, ефрейтор

ХОЗЯИНОВ НИКОЛАЙ, стрелок

ПУДКОВ ИСИДОР, стрелок

КАНЕВ АРТЕМИЙ, стрелок

ПЫСТИН ЕФИМ, стрелок

КУЗНЕЦОВ ГРИГОРИЙ, стрелок

ЮДИН КОНСТАНТИН, стрелок

МИКУШЕВ ФЛЕГОНТ, стрелок

ДЕНИСОВ ГРИГОРИЙ, стрелок

ТЮФЯКОВ ВАСИЛИЙ, стрелок

ОСТАКОВ ФЕДОР, стрелок

АНШУКОВ ТИТ, стрелок

ЧУПРОВ ВАСИЛИЙ, стрелок

ЧУПРОВ АРТЕМИЙ, стрелок

АРТЕЕВ СПИРИДОН, стрелок

ТЕРЕНТЬЕВ ФЕДОР, стрелок

ТЕРЕНТЬЕВ ЗОСИМА, стрелок

ТЕРЕНТЬЕВ ЗАХАР, стрелок

ПОПОВ ФЕДОР, стрелок

ЧУПРОВ НИКИТА, стрелок

- «за то, что в боях 12 ноября 1919 г. при дер.Вольдино, 19 ноября при дер.Помоздино, и 8 и 9 декабря 1919 г. при дер.Небдино, под действительным и сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, исполняя необходимые для успеха боя вспомогательные обязанности по ведению огня, выказали выдающиеся самоотвержение и мужество»

ТЕРЕНТЬЕВ АФАНАСИЙ, санитар - «за то, что в бою 30 ноября 1919 г. при дер.Искор, под действительным и сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника, выказал выдающееся самоотвержение и мужество, оказывая помощь раненым».

СПИСОК ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ В КОМИ КРАЕ, НАГРАЖДЕННЫХ ЗА ПОМОЩЬ БЕЛОЙ АРМИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ

ФИЛИППОВА Е. - учительница с.Ижма Печорского уезда. 26 июля 1919 г. награждена Георгиевской медалью 4 степени за спасение белогвардейского офицера (после занятия с.Ижма красными укрыла в своем доме и выходила раненого в бою офицера).

БОБРОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ - телеграфист Усть-Куломского почтово-телеграфного отделения Усть-Сысольского уезда (бывший большевик), в конце 1919 г. по ходатайству начальника Вологодской губернии С.О.Латкина награжден Георгиевской медалью 4 степени за восстановление телеграфно-телефонных линий по Верхне-Вычегодскому участку.

ЛАТКИН СТЕПАН ОСИПОВИЧ - бывший председатель Усть-Сысольской уездной Земской управы, уполномоченный ВПСО с правами начальника Вологодской губернии. Постановлением ВПСО в феврале 1920 г. награжден орденом Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом за участие в вычегодской экспедиции подполковника Н.П.Орлова.

Публикацию подготовил Таскаев М.В.

«ПАВШИЕ ГВАРДЕЙЦЫ»: МАРТИРОЛОГ ОФИЦЕРОВ ГВАРДЕЙСКОЙ ПЕХОТЫ, ПОГИБШИХ В РЯДАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ В 1917-1919 ГГ.

Изучение Белого движения на Юге России невозможно без учета социально-мировоззренческих особенностей его участников. Бытовавшее ранее мнение об однородности и единстве контрреволюционных сил, в частности, в отношении Добровольческой армии, представляется весьма поверхностным и примитивным. Этому способствует открытие новых, неизвестных ранее документальных источников, ставшее возможным только в последние годы.

В Добровольческой армии оказались представители всех сословий и социальных групп России, в том числе и офицеры лейб-гвардии. В отличие от пестрого сословного состава собственно добровольцев, гвардейцы олицетворяли дворянство. Идеальный мир данных двух группировок существенно различался, вплоть до противоречий, ибо сталкивались традиционно-монархические ценности и республиканские, после-февральские убеждения (смыкавшиеся с идеалом военной диктатуры). В результате гвардейцы буквально с первых дней возникновения Добровольческой армии стремились к сплочению в «свои», чисто корпоративные подразделения. Уже 30 декабря 1917 г. лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, полковник Р.С. Гершельман сформировал Гвардейскую роту при 1-м Конном дивизионе, ставшую затем 5-й ротой Сводно-Офицерского полка (командир - преображенец полковник А.П. Кутепов) и вследствие потерь в 1-м Кубанском походе превратившуюся во взвод. Летом - осенью 1918 г. пополнившийся взвод развернулся в отдельный Сводно-Гвардейский батальон и позднее полк¹. В 1919 г. появилась Сводно-Гвардейская дивизия, в составе 1-го, 2-го, 3-го Сводно-Гвардейских полков (из соответствующих гвардейских пехотных дивизий), Сводно-Стрелкового гвардейского дивизиона, Гвардейской артиллерийской бригады и Гвардейской инженерной роты², а также сводные эскадроны и полки гвардейской кавалерии³. Все они применялись не на стратегических направлениях, будучи, например, в составе Войск Киевской области или в резерве, из которого выводились командованием неохотно, лишь «в ситуации крайней нужды»⁴. Некоторые гвардейские части возрождались в других армиях: лейб-гвардии Финляндский полк - в Донской, лейб-гвардии Семеновский - в Северо-Западной⁵.

Таким образом, даже среди добровольческих войск, без учета особой специфики казачьих и национальных Белых формирований, существовало идейное, сословно-психологическое, бытовое и организационное разобщение, ставшее одним из внутренних факторов, обусловивших и военное поражение, и политическую нежизненность Белого добровольчества. Поэтому вопрос об особенностях гвардейского участия в нем заслуживает пристального внимания.

Прежде всего, необходимо восстановить персональный состав офицеров лейб-гвардии, вступивших в добровольческую армию. Однако задача затруднена большой разбросанностью и нередкой противоречивостью информации. Наиболее достоверны сведения о погибших, которые относительно систематизированно содержатся в ряде изданий, посвященных истории отдельных полков во время Гражданской войны. Но обобщенные данные до сих пор не опубликованы; приводились лишь цифры: в Кубанских походах погибло 13 гвардейских офицеров, а всего «в боях Белого движения было убито более 300 человек, из коих 90 человек кавалерии»⁶.

В обширнейшем дневнике Генерального штаба генерал-майора Алексея Александровича фон Лампе (1835-1967)⁷, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва), обнаружен небольшой, но чрезвычайно любопытный документ. Он представляет собой вырезку заметки из неизвестной газеты Белого Юга, вклеенную на страницу дневника и содержащую список офицеров гвардейской пехоты, погибших в рядах Добровольческой армии в период с начала ее существования до конца, июля - середины августа 1919 г. (ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.1. Д.31).

Отметим особенности этого документа. Во-первых, в списке отсутствуют указания на то, из какого именно полка был каждый упомянутый в нем. Во-вторых, очевидны некоторые неточности и опечатки: например, искажение фамилий Гархен И.Л. и Герген О.Л. Вторые инициалы заставляют предположить их родство, в других источниках встречается написание «Герхен»⁸. Учитывая недостатки, в настоящей публикации предпринята попытка уточнить документ указанием на полк и по возможности должность тех лиц, которые выявлены автором по иным каналам.

Данная работа не претендует на окончательную истинность, а ставит целью сделать очередной шаг в исследовании Белого движения. Любые уточнения и замечания будут приняты с благодарностью.

* * *

ПАВШИЕ ГВАРДЕЙЦЫ

Нас просят опубликовать список офицеров гвардейской пехоты, павших в рядах Добровольческой армии.

Полковники: Римский-Корсаков В.Н.⁹, Хованский 1-й И.К.¹⁰, Хованский 2-й Н.К.¹¹, Дорошевич Н.Н.¹², Соколов В.К.¹³, Дейбель С.А.¹⁴, Вагин С.Е.¹⁵, Огановский М.М., кн. Ухтомский¹⁶, Перепелицын Г.А.¹⁷, Осипов К.К.

Капитаны¹⁸: Ратьков-Рожнов В.А., Триана Б.Д., Аспелунд М.В., Зейже Б.Р., Рахманинов, Чистяков М.А.¹⁹, Кобылецкий Д.О., Темников М.В.²⁰, Вирановский Б.К.²¹, Цуриков А.В.²², Комаров А.Н.²³, Валуев В.А.²⁴, Болотов М.В., Лерхе Р.Г., Торопов Л.А., Хрушов В.А., Залевский М.А., Драчук 3-й Н.М.²⁵, Керн, Маслов Б.В.

Штаб-капитаны: Пользинский С.И., Курочкин Б.М., Ратьков-Рожнов Н.А., Смирнов А.Ф.²⁶, Умрыко-Зампольский Н.А.²⁷, Рацулу²⁸, Гешкевич М.Б., Марковский, Гловацкий А.И., Букреев С.А., Бернацкий С.И., Есаулов 2-й, Розеншильд-Паулин²⁹, Танкеев, Кбмар В.Ф.

Поручики: Быков А.С., Бальницкий-Бируля Ф.Ф., Анижмович А.А., Соколов Б.С., Шаворовский С.М., Хлебников М.Н.³⁰, Рыбачевский М.С., Гилет И.А., Кемежут В.И.³¹, Чичагов, Бондаревский А.Н., Забелин М.Р., Монастырский А.С., Захарин Б.И., Нещеевский. Дорохов, Гархен И.Л.

Подпоручики: Тюнтин А.И., Кашкарев Б.П., Чистяков Г.А., кн. Аргутинский-Долгоруков, Куприенко Н.С., Шипулинский М.Н.³², Халтурин³³, Греше³⁴, Похвинец, Манжурнет Н.М., Фишберг Е.Р.³⁵

Прапорщики: Щегловитов П.С., Матвеев³⁶, Панов С.Е., Львов А.Н., Брикс³⁷, фон дер Фельтен Н.Н.³⁸, Науменко, Герген О.Л., Ленкен, Левшин, Готовицкий, Тимофеев³⁹.

¹ Вестник Гвардейского Объединения. - 1957. - №2. - С.34-36.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5853. Оп.1. Д.1. Л.78.

³ Боевые расписания Белых армий / Публ. В. Цветкова // Белая Гвардия. - 1997. - №1. - С.77.

⁴ ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.1. Л:100.

⁵ Ходнев Д. Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войне (1914-1930 гг.). - Белград, 1932. - С.39; Гершельман А. С. В рядах добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруженная борьба с III-м Интернационалом. 1919 год. -М.; 1997. - Ч.1. - С. 36-37, 79.

⁶ Вестник Гвардейского Объединения. - 1957. - №2. - С.36-37.

⁷ Подробнее о нем см.: Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). - М.; 1997. - С.133-134.

⁸ См.: Русские в Галлиполи. - Берлин, 1923. - С. 471-473.

⁹ Известен ротмистр - лейб-улан. См.: Уланы Его Величества: 1876-1926. - Белград, 1926. - С.52.

¹⁰ Лейб-гвардии Литовского полка. - В случае отсутствия ссылки на источник, информация взята из Вестника Гвардейского Объединения. - 1957. - №2. - С.34-37.

¹¹ По некоторым данным - лейб-гвардии Преображенского полка. - См.: Ларионов В. А. Последние юнкера. -Франкфурт-на-Майне, 1934. - С.32.

¹² Лейб-гвардии Гренадерского полка, командир Сводно-Гвардейского полка.

¹³ Лейб-гвардии Измайловского полка, помощник командира Сводно-Гвардейского полка. Убит в 1918 г.

¹⁴ Лейб-гвардии Павловского полка, командир 1-го батальона Сводно-Гвардейского полка. Убит в 1918 г.

¹⁵ Лейб-гвардии Петроградского полка, командир 2-го батальона Сводно-Гвардейского полка. Убит в 1918 г.

¹⁶ Известен под псевдонимом «капитан Капелька». В штабе Алексеевской организации, затем в Партизанском полку, командир роты. Убит в 1918 г. См.: Богаевский А.П. 1918 год // Белое

- дело. Ледяной поход. - М., 1993 - С.66; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Белое дело. Генерал Корнилов. - М., 1993. - С.72.
- ¹⁷ Командир 13-й роты лейб-гвардии Егерского полка, временно командующий Сводно-Гвардейским батальоном.
- ¹⁸ По Табели о рангах чин подполковника гвардии был упразднен с 1797 г.
- ¹⁹ Лейб-гвардии Семеновского полка. Убит в 1918 г.
- ²⁰ Лейб-гвардии Павловского полка, командир 1-й роты Сводно-Гвардейского батальона, затем командир 2-й роты (чинов 2-й гвардейской пехотной дивизии) Сводно-Гвардейского полка. Убит в 1918 г.
- ²¹ Лейб-гвардии Кексгольмского полка. Убит в 1918 г.
- ²² Цуриков 1-й, лейб-гвардии Волынского полка. Убит в 1918 г.
- ²³ Командир 16-й роты лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка, командир 3-й роты Сводно-Гвардейского батальона.
- ²⁴ Лейб-гвардии Преображенского полка. Убит в 1918 г.
- ²⁵ Известен Драчук 2-й, полковник лейб-гвардии Петроградского полка.
- ²⁶ Лейб-гвардии Егерского полка. Убит в 1918 г.
- ²⁷ Лейб-гвардии Волынского полка. Убит в 1918 г.
- ²⁸ Вероятно искажение фамилии: известен Руцуль 2-й, штабс-капитан лейб-гвардии Волынского полка. Убит в 1918 г.
- ²⁹ Александр, последний, номинальный командир лейб-гвардии Преображенского полка. В Добровольческой армии - с осени 1918 г.
- ³⁰ Лейб-гвардии Егерского полка. Убит в 1918 г.
- ³¹ Вероятно искажение фамилии: известен Кемешук, поручик лейб-гвардии Литовского полка. Убит в 1918 г.
- ³² Известен полковник Шипулинский, лейб-гвардии Павловского полка, убитый в 1918 г.
- ³³ Известен полковник Халтурин, лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка, убитый в 1918 г.
- ³⁴ Возможно, лейб-гвардии Московского полка. Убит в 1918 г.
- ³⁵ «Жив в VII - 1919 г.» - примечание А. А. фон Лампе.
- ³⁶ Лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка, произведен из вольноопределяющихся. Убит в 1918 г.
- ³⁷ Вероятно искажение фамилии: известен Брик, прапорщик лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка. Убит в 1918 г.
- ³⁸ Возможно искажение фамилии: известен Дерфельден, прапорщик лейб-гвардии Литовского полка, убитый в 1918 г.
- ³⁹ Заключительный комментарий А. А. фон Лампе ко всему документу: «Причина всегдашней распри армии с гвардией - совершенно ненужная самореклама».

Публикацию подготовил Абинякин Р.М.

РОЗЫСК

НИЦ «Белая Россия» и Василевская Лариса Всеволодовна обращаются ко всем ученым-специалистам по истории Гражданской войны, организациям и частным лицам с просьбой помочь отыскать следы офицера Русского флота **ВАСИЛЕВСКОГО Кесаря Ивановича, по некоторым данным служившего в годы Гражданской войны в армии адмирала А.В.Колчака.**

Известно, что Василевский К.И. родился 2.11.1886 г. в г.Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян Виленской губ. (отец - Василевский Иван Антонович являлся статским советником, преподавателем Царскосельского лицея), окончил Петербургскую Введенскую гимназию. 5.05.1905 г. был зачислен в Морской корпус, 29.03.1909 г. произведен в мичманы (приказ № 897), в апреле т.г. зачислен в Первый Балтийский флотский экипаж и назначен на канонерскую лодку «Храбрый». 6.12.1912 г. произведен в лейтенанты, а ровно через четыре года - в старшие лейтенанты (досрочно, за отличия по службе). В июле-декабре 1915 г. служил в штабе начальника минной обороны Балтийского моря под начальством капитана I ранга Денисова старшим флаг-офицером по распорядительной части во внутреннем плавании. В апреле-мае 1916 г. исполнял обязанности командира во внутреннем плавании на заградителе «Молога». С июня 1917 г. являлся помощником флаг-капитана по распорядительной части штаба командующего Балтийским флотом. Одновременно (до марта 1918 г.) представлял штаб в Центральном комитете Балтийского флота, был председателем комиссии Центробалта по разработке Положения о переходе флота на вольнонаемные начала. По сведениям ГАРФ, Василевский К.И., капитан II ранга, эмигрировал в Китай (Пекин), значится в именном списке офицеров Российского флота, читал лекции в Пекинском университете.

Всем, кто может помочь в восстановлении данных о судьбе офицера после марта 1918 г., просьба позвонить в г.Екатеринбург племяннице К.И.Василевского - Ларисе Всеволодовне по тел.280-274 или написать по адресу: 620002,г.Екатеринбург, до востребования. НИЦ «Белая Россия». Дмитриеву Николаю Ивановичу.

НИЦ «Белая Россия» и Алексей Юрьевич Кудашев обращаются
ко всем ученым-специалистам по истории Гражданской войны, организациям
и частным лицам с просьбой помочь отыскать следы офицеров Белой армии братьев
КУДАШЕВЫХ: Михаила Николаевича, Ивана Николаевича и Николая Николаевича,
служивших в годы Гражданской войны в армии адмирала А.В.Колчака.

О КУДАШЕВЫХ известно:

1. Михаил Николаевич, родился в 1880-е г. в г. Туринске, Пермской губ. в купеческой семье (отец владел магазином в центре города). Предположительно, окончил Туринскую мужскую гимназию. В годы Первой мировой войны добровольно ушел в армию. Служил на Кавказском фронте, осенью 1915 г. в чине подпоручика. В мае 1919 г. служил в армии А.В.Колчака в чине штабс-капитана. К этому времени был награжден орденом Св.Владимира 4 степени с мечами и бантом. По окончании Гражданской войны из-под Красноярска вернулся с семьей на Урал в г.Ирбит. В 1945 г. уехал на постоянное местожительство в Прибалтику.

2. Иван Николаевич, родился в 1891 г. в г. Туринске. Вероятно, окончил мужскую гимназию. По медицинским показаниям оказался не годен к несению военной службы, но еще до начала Первой мировой войны в течение полугода служил в Семеновском гвардейском полку в Петербурге, женился, вышел в отставку, вернулся в Туринск, где работал в отцовском магазине. В годы Гражданской войны с приходом в город Белой армии был мобилизован. Возможно, служил при штабе полка. После поражения белых под Красноярском (1919 г.) вернулся с семьей в Туринск, работал в магазине бухгалтером, подвергся раскулачиванию, а перед войной аресту. Находясь в лагерях заболел туберкулезом и умер, предположительно, в 1942-45 гг.

3. Николай Николаевич (Первый?), старший из братьев, родился в 1880-е г. в г. Туринске. Окончил мужскую гимназию, возможно учился военному делу в центре страны. В годы Гражданской войны служил в армии адмирала А.В.Колчака. После поражения под Красноярском семья осталась в этом городе, местонахождение самого неясно. Известно только, что в 1942 г. побывал в Свердловске.

Всем, кто может помочь в восстановлении данных о судьбе братьев КУДАШЕВЫХ, просьба позвонить в г.Екатеринбург Алексею Юрьевичу Кудашеву по тел. 415-222 или написать по адресу: 620002, г.Екатеринбург, до востребования. НИЦ «Белая Россия». Дмитриеву Николаю Ивановичу.

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Ершов В.Ф.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.А. ФОН ЛАМПЕ ПО СОЗДАНИЮ «БЕЛОГО АРХИВА» РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-30-Х ГОДОВ И ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Феномен Российской Белой военной эмиграции 1920-30-х годов начал привлекать к себе внимание исследователей уже на раннем этапе своего возникновения, что сразу же поставило на повестку дня вопрос о собирании исторических источников по проблеме.

Вместе с эвакуированными частями Белых войск, прежде всего, Русской армии генерала П.Н.Врангеля и Северного корпуса ген. Е.К. Миллера в 1920-е годы за рубеж были вывезены и военные архивы, материалы Белых правительств, документы пропагандистских ведомств (ОСВАГ), личные документы военного командования и рядовых участников Белого движения - дневники, записки, воспоминания, письма и т.п. Все они в совокупности представляли уникальный комплекс архивных материалов по истории Гражданской войны 1917-20-х гг. и военной эмиграции. Однако единого центра их хранения в начале 1920-х гг. создано не было, что привело к распылению данных исторических источников по разным странам и регионам земного шара.

Отличительной чертой Российского военного Зарубежья 1920-30-х гг. являлось формирование большого количества документальных материалов - записок, мемуаров лидеров Белого движения, исторических исследований, периодических изданий: газет и журналов, а также военно-теоретических работ, научных статей и т.п.

Задачу собирания всех этих материалов поставил перед собой генерал А.А.Лампе, решивший создать «Белый архив» - центр сосредоточения военных материалов Русского военного Зарубежья, а также наладить на его основе выпуск систематического издания статей и документов по истории Белого движения.

Алексей Александрович фон Лампе родился в 1885 году. Окончил Первый кадетский корпус и Николаевское инженерное училище, участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 гг., для чего отказался от перехода на дополнительный курс училища. В 1908 году он был переведен в Лейб-гвардию Семеновский полк. В 1913 году Алексей Александрович окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба в Санкт-Петербурге, затем участвовал в Первой мировой войне и в Гражданской войне 1917-1920 гг. В начале 1920 года А.А.Лампе был командирован в распоряжение военного представителя главнокомандующего Русской армией ген. П.Н.Врангеля в Константинополе. Позднее он состоял членом наблюдательного Комитета русского Красного Креста в Берлине, был товарищем председателя Русского Офицерского союза.

Генерала А.А.Лампе можно отнести к «серебряному ряду» лидеров Белого движения. Не находясь на первых ролях в годы Гражданской войны 1917-1920 гг. и не принадлежа к высшему руководству Белой военной эмиграции, в то же время, он проявлял большую активность в среде Российского Зарубежья в 1920-30-е годы, возглавляя один из крупнейших отделов Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) - 2-й Отдел, выступая в качестве публициста и историка, организовавшего издание «Белого Дела», с января 1957 г. до своей кончины в 1967 году занимая пост председателя РОВС.

А.А.Лампе является автором нескольких трудов, посвященных истории Белого движения: «Орден Святителя Николая Чудотворца» (Ревель, 1936-37), «Причины неудачи вооруженного выступления белых» (Берлин, 1939), «Пути верных» (Париж, 1960) и др.¹ редактором сборника к 10-летию кончины П.Н.Врангеля.

Генерал **Алексей Александрович фон Лампе** (1885-1967), военный представитель Русской армии за рубежом, начальник 2-го отдела РОВС, с 1957 по 1967 гг. - председатель РОВС.

В 1920-1930-х гг. А.А.Лампе сотрудничал в различных эмигрантских газетах и журналах: «Слово», «Россия», «Новое Время», «Новая русская газета», «Русский колокол», «Первопоходник», «Дроздовец», «Вестник общества галлиполийцев в Болгарии» и др. Наряду со многими известными писателями и журналистами А.А.Лампе состоял членом Союза русских журналистов и литераторов в Германии².

Об активности А.А.Лампе как публициста свидетельствует одна из его дневниковых записей от 24 августа 1925 г.: «Вчера получил от Деникина мой комплект «России» - в ней, наскоро просмотрев, нашел 68 политических и военно-политических статей и 35 обзоров и заметок, написанных мною»³.

Эмигрантская печать являлась одной из наиболее существенных сфер интересов А.А.Лампе. В его дневниках и переписке постоянно встречаются упоминания о различных изданиях, их характере, направленности, значении для политической и культурной жизни Российского Зарубежья. Ему приходилось решать вопросы, связанные с изданием, распространением, переводами на иностранные языки трудов российских военных эмигрантов - Ренникова, Н.Львова, В.Даватца и др. А.А.Лампе снабжал эмигрантские издания, в частности, обзорами советской прессы, опросами «русских, приезжающих из Совдепии», материалами о жизни русской эмиграции⁴.

Генерал А.А. фон Лампе поставил своей задачей создание крупномасштабного архива Российского военного Зарубежья, который вобрал бы в себя в том числе и периодические издания Белой эмиграции, тем самым как сохранив их для истории, так и дав возможность исследователям беспрепятственно пользоваться ими.

С другой стороны, важнейшей целью своей деятельности А.А.Лампе считал защиту истории Белого движения от нападок политических противников, стремившихся, по его мнению, отразить лишь негативные стороны Белой борьбы. «Нам, участникам

движения, надо сделать все усилия, чтобы сохранить его для потомства и не дать противникам его возможности заглушить память о нем, как оглашением документов, всячески порочащих движение (Гессенский архив, книги Г.Раковского⁵ и ему подобных), так и выемкой документов, описывающих движение с благоприятной стороны для препятствования появлению их на свет Божий (цель «Пражского архива»)» - писал А.А.Лампе генералу Н.Н.Стогову⁶.

Генерал Лампе с 1922 по 1924 год являлся главой двух представительств штаба Русской армии генерала П.Н.Врангеля - в Германии и в Венгрии. Находясь в Берлине, помимо выполнения своих основных обязанностей как военного агента, А.А.Лампе вел наблюдение за настроениями российской эмиграции, поддерживал контакты с деятелями Высшего Монархического Совета (ВМС), о чем посылал подробные отчеты генералу Е.К.Миллеру, начальнику штаба генерала П.Н.Врангеля. Уже в это время он начал собирать материалы по истории Белой борьбы и Российской военной эмиграции, предполагая использовать их при написании собственных воспоминаний, исторических и публицистических работ: создает коллекции газетных вырезок, оставляет в своем личном архиве копии делопроизводственной документации 2-го Отдела РОВС - отчеты о деятельности отдела, справки по личному составу, аналитические обзоры и т.п.

При этом Лампе проявляет качества высокопрофессионального историка-архивиста: материалы его личного научного архива строго систематизированы, тщательно подобраны и распределены по темам, включают в себя источники самого различного характера, в том числе, коллекции газет «Россия» и «Великая Россия», собрания газетных вырезок из немецкой и русскоязычной эмигрантской прессы, служебную переписку, информационные сводки, брошюры эмигрантских издательств и т.п. Таким образом, А.А.Лампе создавал источниковую базу для фундаментального исследовательского труда по истории Белого движения. Но собранного было явно недостаточно для развертывания задуманной им систематической публикации сборников «Белый архив», поэтому перед А.А.Лампе встала сложная задача: обеспечить поступление в создаваемый им архив широкого комплекса архивных материалов и других исторических источников, а также достойные условия их хранения и публикации.

Задуманный А.А.Лампе как архив Российской военной эмиграции «Белый архив» должен был сосредоточить в своих фондах большой объем исторических источников, что поднимало вопрос о наличии специальных хранилищ. Разместить такое количество материала в небольшой частной квартире было невозможно, поэтому А.А.Лампе обратился к герцогу Г.Н.Лейхтенбергскому с просьбой разрешить ему расположить архив в замке герцога. Мечта А.А.Лампе заключалась в том, чтобы создать единый центр комплектации архивных документов по истории Белого движения и Российской эмиграции, к тому же снабженный необходимым техническим оборудованием, позволявшим обеспечивать необходимый режим хранения архивных документов. Обширные площади замка герцога Лейхтенбергского давали возможность разместить там большое количество документов, литературы, периодики, вплоть до создания музея Белого движения.

Задумывая «Белый архив», Лампе имел перед собой пример Русского Заграничного Исторического архива в Праге (РЗИА), который он воспринимал одновременно и как соперника и как пример для подражания. Конкурировать с «Пражским архивом» мож-

Титульный лист книги А.А.фон Лампе с дарственной надписью Н.М.Котляревскому, секретарю ген. П.Н.Врангеля.

но было только обладая равноценными помещениями и возможностями для работы. РЗИА же, как правило, имел прекрасные условия для размещения фондов, т.к. пользовался архивным хранилищем Министерства иностранных дел Чехословацкой республики.

Русский Заграничный Исторический архив в Праге, созданный при поддержке чехословацкого правительства в 1920-х годах, к 1939 году обладал наиболее ценным и обширным собранием материалов по истории революции 1917 года и Гражданской войны в России⁷. РЗИА обращался к изгнанникам и организациям эмигрантов с просьбой передавать ему документы и переписку, а также писать мемуары и сдавать их на хранение в архив. Архив обладал также сетью своих сотрудников и агентов в центрах Российской диаспоры за рубежом, которые находили уникальные архивные материалы, закупали их (или получали в дар) и сдавали на хранение в архив. С 1922 года в Берлине известным публицистом, в прошлом видным лидером кадетской партии, И.В. Гессеном начала издаваться серия документальных сборников «Архив русской революции»⁸. Опыт работы РЗИА мечтал повторить А.А.Лампе, задумывая свой альтернативный «Белый архив», который должен был со временем превратиться в единый центр хранения документов Белой военной эмиграции и документальную базу для широкой издательской деятельности. Хотя А.А.Лампе относился отрицательно к руководству РЗИА, в 1928 году он вступил с ним в переписку относительно своих дневников и получил согласие на их передачу в архив⁹.

Проблемы сбора и хранения, а тем более, публикации архивов Белого движения силами различных эмигрантских кругов, неизбежно приобретали идеологическую окраску, что нашло отражение в дневниковых записях А.А.Лампе: «Недавно я получил письмо генерала Чернявина с предложением предложить нашим офицерам Генерального штаба работать на Пражский архив... Его защита Пражского архива в моих глазах еще более топчет архив, так как имена Бурцева, Мякотина и Астрова, если и говорят что-либо моему сердцу, но хорошего я слышу в этом не много!! Конечно, там люди не для нас и не наши... в связи с моей навязчивой идеей об издании «Белого Архива» - у меня есть тревога за повсеместное хранение материала наших архивов, по себе знаю как это сложно...

Поэтому мне кажется, что нам необходимо подумать об основании нашего Белого архива, в который попадет все из Ставки, частей и военных представительство и конечно частный материал! Место должно быть центральным, прочным политически и ... дешевым!»¹⁰.

Идея не только сбора, но и издания документов и воспоминаний участников Белого движения постепенно полностью захватила воображение генерала А.А.Лампе. Этому способствовал также успех вышеупомянутого «Архива русской революции», публикация воспоминаний А.И.Деникина и выход в свет ряда сборников документов по истории антибольшевистской борьбы 1917-1920 годов и раннему периоду эмиграции.

В 1925 г. А.А. фон Лампе приступил к разработке и осуществлению конкретного плана издания документов и материалов Белого движения. В этом деле предстояло «преодолеть все трудности, главным образом, материального свойства и принять все меры к созданию нового журнала, в который собрать все материалы по Белому движению, как то: материалы из архива командования, отдельные работы вождей движения, мемуары участников его и т.д.

Все это собрать и систематизировать в толстом журнале типа «Архива русской революции», выпуская примерно одну книгу в два месяца»¹¹.

Свой журнал фон Лампе предполагал разделить на пять частей по очагам Белого движения на Юге, Западе, Севере и Востоке и «внутри России». Каждая часть должна была состоять из двух отделов - статьи (мемуары) и документы. «Часть может обнимать собою и отдельную книгу, - оговаривал он, - то есть каждая книга, в зависимости от количества материалов, может обнимать собою либо все пять частей, либо меньшее число, до того, что отдельная книга может быть посвящена отдельному очагу борьбы»¹².

Центральной идеей проекта Лампе, которой предстояло обеспечить его успех, в т.ч. и материальный, было участие в нем вождей Белого движения: генералов П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, П.Н. Краснова, Е.К. Миллера, Н.Н. Юденича. «Согласие этих генералов на участие в книге даст ей имя и цену - по этим согласиям можно уже рассчитывать получить и деньги»¹³.

Помимо вышеназванных, Лампе предполагал, хотя и не был вполне уверен в необходимости этого, имена «второстепенных генералов» - А.П. Кутепова, Ф.Ф. Абрамова, Я.Д. Юзефовича и др. - для темы «Юга»; А.П. Родзянко - для «Запада»; В.В. Марушевского,

князя А.А. Мурузи - для «Севера»; М.К. Дитерихса, Д.А. Лебедева и др. - для «Востока», а также гражданских деятелей, работавших в печати, - В.В. Шульгина, Н.Н. Львова, В.Х. Даватца, И.А. Ильина, А.В. Карташева и др. «То или иное решение этого «рекламного» вопроса имеет значение, с одной стороны расширяет обещаемый читателю фронт, а с другой - уменьшит впечатление от главных имен. Конечно, участие желательно не только всех перечисленных имен, но и всех, кто это участие принять желает»¹⁴.

Материалы, относящиеся по времени «до Великой войны», т.е. до Первой мировой войны 1914-1918 гг., фон Лампе публиковать не собирался «как бы ценны и интересны они не были - это бы бесконечно расширило задачу и не соответствовало самому названию «Белого» архива - это уже работа более широкого масштаба и более широких, но менее доступных возможностей»¹⁵.

Редактировать сборники предполагал сам Лампе и историк-эмигрант монархического направления С.С. Ольденбург, сотрудничавший в различных периодических изданиях, в частности, в газете «Возрождение».

Самый «трудный и основной» вопрос для издателей был вопрос материальный. «Привлечь средства, если не программой книг, то именами, к ним привлеченными» было задачей полуутопической, и А.А. Лампе понимал это, хотя и надеялся на успех. Поэтому он пытался найти и другие источники финансирования своего замысла. «Хотя я и знаю, что у командования денег нет, - писал он в Париж одному из приближенных генерала П.Н. Врангеля осенью 1925 г., но все-таки... нельзя ли будет в основу издания положить материальную помощь командования?»¹⁶.

Если И.В. Гессен, часто пользуясь тяжелым материальным положением эмигрантов, просто скупал многие материалы, а уже затем решал, как с ними поступить - опубликовать или, наоборот, «оставить под сукном», сделав недоступными исследователям, то А.А. Лампе такой возможности не имел - денег у него не было, и он мог рассчитывать только на пожертвования и безвозмездную передачу материалов. А это ставило его в зависимость от воли дарителей, их условий и т.п., и в итоге лишало возможности твердо проводить взятый им курс на создание независимого военного архива Русского Зарубежья - «Белого архива». А.А. Лампе, обращаясь к командованию Русской армии с просьбой о финансовой поддержке своего начинания, получил отказ: средств у последнего не хватало даже на содержание Красного Креста и помощь инвалидам и нуждающимся.

Просить денег лично у П.Н. Врангеля А.А. Лампе считал бессмысленным, поскольку знал, что бывший главнокомандующий нуждается в средствах не менее своих подчиненных. Поэтому оставалось одно: обратиться к частным лицам, сочувствующим Белому Делу. В Фонде А.А. Лампе, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в комплексе документов Русского Заграничного Исторического архива сохранились его письма к знаменитому пианисту С.В. Рахманинову, гастролировавшему в 1924 году в Берлине. А.А. Лампе просил субсидировать издание «Белого архива», поскольку С.В. Рахманинов располагал необходимыми денежными средствами и мог, по мнению Лампе, заинтересоваться его проектом. Ответ С.В. Рахманинова огорчил и оскорбил А.А. Лампе: одобряя в принципе идею «Белого архива», Рахманинов предложил столь ничтожную сумму, - размером в 100 долларов, - что генерал совсем отказался от такой помощи, посчитав ее жалкой подачкой¹⁷.

Генерал А.А. Лампе сожалел, что не имеет возможности оплачивать услуги своих добровольных помощников по комплектованию архива, а также платить владельцам за присылаемые материалы.

«Конечно, за работы надо было бы платить, - пишет он в другом письме, - хотя бы и потому, что Гессен и Пражский архив платят, да и наши беженцы хотят есть. Правда, Гессен не особенно раскошеляется - он платит по семи долларов за печатный лист и немало авторов, которые для того, чтобы увидеть свой труд напечатанным, готовы отдать ему его даром. Этим пользоваться я не предполагал!»

Между тем, материальное положение самого А.А. фон Лампе и его единомышленников было просто отчаянным. 21 марта 1925 г. С.С. Ольденбург говорил ему «с эпическим спокойствием, что ему устраивают бесплатные обеды, но это не решает вопроса, так как он уже привык не обедать!» «И это человек, работой и занятиями которого все пользуются, - воскликнул фон Лампе. - Я побежал... и начал настаивать, что будет позором для всех общественных деятелей, если Ольденбург помрет от голоду на наших руках!.. И это так сейчас, а дальше еще хуже будет!»¹⁸.

Генерал П.Н.Врангель, герцогиня Лейхтенбергская, генерал А.А.фон Лампе, И.А.Ильин с женой, Н.М.Котляревский, С.А.Соколов-Кречетов, супруги Требинские. Июль 1926 г.

Однако мысль о собирании и издании документов Белого движения стала, наряду с руководством отделом РОВС, одной из важнейших жизненных задач для А.А. фон Лампе. «Я не могу и не хочу отказаться от моей мысли о создании, хотя бы и не так скоро, «Белого архива», - писал он¹⁹.

В дневниках и переписке фон Лампе постоянно встречаются упоминания о его «мечте в будущем всеми правдами и неправдами добыть денег и начать издание «Белого архива», чтобы наше Белое движение, то есть единственное, что осталось светлого в России за последние годы, не было окончательно сбито и не попало бы в сборниках вроде «Архива» Гессена или «Современных записок», в число похороненных по четырнадцатому разряду»²⁰.

Еще и еще раз Лампе повторяет: «Я не бросил моих надежд на «Белый архив» и на часть его имено полуобещание герцога Л[ейхтенбергского]. Мне кажется, что необходимо его подогреть с более авторитетной стороны и я прошу, чтобы П.Н. [Врангель] написал ему, что вполне поддерживает мое начинание и тоже просит (или желает) помощи от него! Теперь как раз время это письмо написать»²¹.

Моральное сочувствие своим идеям А.А. Лампе получал отовсюду, но организовать денежную помощь его корреспонденты не торопились, да и не имели возможности: «Возможность получить деньги у меня была, отчасти еще есть и только Николай Николаевич [Стогов] неоднократно уверял меня, что содействие, о котором я прошу П.Н. [Врангеля], то есть его личное письмо Лейхтенбергскому, который обещал при случае и при возможности меня поддержать, еще не своевременно: Я не очень с ним согласен, но пока не настаиваю»²².

К генерал-лейтенанту Н.Н. Стогову А. А. фон Лампе обращался как к начальнику военной канцелярии РОВС, избегая писать сразу к П.Н. Врангелю, хотя и имел его предварительное устное одобрение идеи сбора и издания документов Белого движения:

«Мне хочется от Вас получить ответы:

1. Поддерживаете ли Вы мои планы, то есть вернее не планы, так как им Вы сочувствовали, а форму их осуществления.

2. Согласится ли П.Н.[Врангель]:

а) на упоминание его имени (это один из самых главнейших козырей, если не самый главный) - с письма к нему я бы и начал. Теперь я хочу через Вас только узнать точку зрения П.Н., чтобы не ставить его в неловкое положение необходимости мне отказать.

б) на участие его в сборнике, конечно, только выборками из воспоминаний, что конечно вытекает из его согласия на упоминание его имени.

в) на использование архива командования и, как того, что есть на руках в Сербии, так и того, который находится на руках у генерала Деникина.

г) на одновременное участие в сборнике и генерала Деникина?»²³.

Ответ, полученный от Стогова, оказался неутешительным. Мы приводим полностью второе письмо А.А. фон Лампе к нему, содержащее подробное изложение его мыслей по поводу издания «Белого архива»:

«Дорогой Николай Николаевич!

Получил оба Ваши письма о «Белом архиве», хотел уже отвечать по первому, но времени не было и дождался второго.

Должен с грустью отметить, что Ваше предположение, что я «Übermensch»*, далеко от истины. Мне начинает казаться, что и «Mensch»- то не особенно удачливый, так как никак не могу сдвинуться с точки замерзания в деле «Белого архива», который я так стремлюсь породить на свет Божий!

Денег у меня конечно нет! Боюсь сказать, что и надежды на деньги начинают расплываться - а это, пожалуй, еще хуже, чем отсутствие денег... я имел надежду, получив в свои руки козыри, тем самым показать то, чего нет и не может быть у других и на это получить деньги. Может быть, это и утопия, но у меня было кое-что, что мне давало основание надеяться на ее осуществление!

Что же у меня сейчас есть в качестве «козырей» - несколько вопросительных знаков, поставленных, видимо, неудовлетворенным П.Н.[Врангелем] - чем и «преимущественное пользование документами из архива Русской Армии», при условии, что документы эти были «уничтожены в прошлом году» ... согласитесь, что при таких данных и самый злостный «Mensch» ничего не сделает!!

И самый факт уничтожения после того, что идея «Белого архива» была принята П. Н. - чем и одобрена им в мой последний приезд к Вам, то есть в июне 1924 года! Как понять эту поспешность!? Значит, осталось только то, что набежало потом, так как старое отдано Деникину, я сам вез это старое к нему последующее уничтожение ... какой же интерес сейчас в последних документах архива, которые и давности-то не имеют!?

Однако попробую писать по порядку...

Мысль моя была такова: получить право на имена вождей (чего ни у кого никогда не было), получить право на пользование документами архива (что мне было обещано) и за эти две исключительные монополии получить возможность добыть деньги! Это имело под собою нечто реальное, так как сколь ни приелись мемуары и воспоминания, одновременное участие Врангеля, Деникина, Краснова, Миллера, Юденича... сказало бы свое веское слово! Такими именами да еще при описании того, что они возглавляли, даже современный идиот читатель не пренебрегает. Не говорю уже об историческом значении такой работы...

Что же теперь осталось - за именем П. Н.[Врангеля] легко пошли бы Краснов и Миллер. Деникин пошел бы потому, что не допустил бы, чтобы в исторической работе, предпринимаемой с именами вождей - в числе руководителей Юга, было только имя П.Н. и не было бы его, при том условии, что ему участие в самых лестных выражениях, конечно, предлагалось бы! Юденича не знаю, но думаю, что он присоединился бы к букету остальных имен...

Добавить к этому всему архив командования я и предполагал, до того, как от Вас узнал об его безвременной кончине!

Теперь у меня цепь моих предположений началась с того, что первого и самого главного звена нет... мало что может выйти дальше! Я понимаю, что сейчас П.Н.-чу писать всего немислимо, но дать имя исторической работе и влить в нее только очень немного личного из того, что никаких нареканий вызвать не может... это мне казалось вполне возможным!

Хотя у меня никаких надежд более нет, но все же я хотел ответить Вам и о самом сборнике - я ни в коем случае не хотел придавать ему военный характер. То обстоятельство, что в основе его предполагались имена генералов, не должно было делать его военным - это просто потому, что «Белое движение» возглавлялось генералами (не брат же Чайковского) и, как Вы совершенно правильно и пишете: «Кому же и писать о Гражданской войне, как не им»... в специальный военный сборник о сражениях, конечно, было бы большой ошибкой. Конечно, вопрос был в политическом сборнике, выявляющем истинное лицо «Белого движения» и закрепляющем документы к нему относящиеся в истории, то есть прямо противоположное тому, что делают Гессен и Пражский архив, которые показывают ложное лицо Белого движения и стараются спрятать от истории документы, его характеризующие!

«Антиподность» предполагающегося мною издания с работой Гессена, конечно, должна была выявиться только с ходом дела и ни в коем случае не упоминалась бы даже и в редакционном объяснении целей издания...

Вот и все, что я думал... именно думал, то есть в прошедшем времени. Сейчас я не

---

*«Übermensch» - сверхчеловек (нем.).

считаю возможным с моими «позициями» начинать вновь игру, если не изменится обстановка! А как она может измениться?»²⁴.

Те же мысли А.А. фон Лампе с большой силой убеждения высказывает в письме к генералу Г.Н.Лейхтенбергскому:

«...Теперь относительно моего, пока к сожалению только идейного детища - «Белого архива». Я сознаю, что мне лично исполнение самой идеи ничего кроме работы и волнений не принесет, но мне кажется, что это дело надо осуществить, иначе на нас будет лежать вина в том, что Белое движение будет окончательно похоронено врагами его для русской истории; на это есть уже все данные - враги не дремлют и, к сожалению, как это и всегда бывает, денег у них больше, чем у нас!

Насколько я могу судить из личных разговоров, П.Н.В[рангель] относится к этой мысли так же, как и Вы, и я - так он мне говорил при личном с ним свидании - это гарантирует поддержку и авторитетом и бумагами, но, к сожалению, не деньгами...

Относительно Юденича я могу сказать, что это один из руководителей Белого движения, которого я не знаю лично и привлечь которого к делу я рассчитывал потому, что примут участие все остальные (генералы Деникин, Врангель, Краснов, Миллер, Эрдели и т. д.). Кроме того, если у него деньги и есть, то он их тратит на поддержку офицеров, давая им очень маленькие ссуды - это реабилитирует его в тех грязных случаях, которых он не избежал. В силу всего этого мне кажется, что попытка обратиться к нему благоприятного результата не даст!

Я все же очень хочу базироваться на том, что Вы сразу сроднились с этой идеей и сразу же сделали ее защитником! Мне кажется, что лучше, если «Белому архиву» суждено когда-нибудь увидеть свет, пусть он будет обязан этим Вам! Пусть решает судьба - получите Вы деньги, получить которые у Вас есть все основания каждый день - архив будет! Не дай Бог не получите - значит ему, как не тяжело мне это признавать, жить не суждено! Дело это и его значение понятны далеко не многим, а историческая ценность этой работы и очень мало кому!! До крайности будет обидно, если это не удастся сделать - мысль эта выношена, воплотить ее в жизнь не так трудно... в этом случае пропущенное время портит дело, так как уносит материалы в руки противной стороны, не останавливающейся перед тем, чтобы скупить их с целью раз и навсегда похоронить эти покупки! Гессен это делает, принимая все для своего архива и не печатая все то, что говорит положительно, а Пражский архив прямо скупает все, что можно, а продает, конечно, всякий кто проголодался!»²⁵ Однако ситуация вокруг «Белого архива» продолжала развиваться неблагоприятно.

В течении 1925 г. в дневниках фон Лампе появляется немало горьких записей:

«... Кажется, мое начинание «Белого архива» пошло по неблагоприятной линии...

... Много советов не делать из архива «военного журнала», а содействия никакого, так как и о денежной стороне сказано, что, де, мол денег нет, а если бы и были, то пришлось бы проводить через Париж ... если бы и было, то нельзя же ждать, что Париж так заинтересуется архивом, что даст деньги ...

... Самое скверное то, что не будет имени П. Н. - мне не с чем сейчас идти к остальным. Собственно говоря, почему пойдет Деникин? Что его может толкнуть, если не то, что идут все возглавители Белого движения?..

...Данных, которые соблазнили бы издателей с точки зрения возможности заработать на больших именах, нет никаких» и т.п.²⁶

Представляет интерес письмо А.А. фон Лампе известному публицисту В.В.Шульгину от 17 марта 1925 г., в котором он говорит:

«Меня очень интересует, что Вы мне писали об «Архиве», по-видимому, Вы его одобряете, что очень приятно, тем более, что в моих проектах фигурировали конечно же Вы!»

Рассказывая о своих издательских проектах, А.А. фон Лампе также писал:

«...у меня имелись реальные надежды привлечь хорошими именами, не только коммерческие, но и патристические струнки издателей, мое фиаско не в этом (пока!), а в том, что мой «букет» не составляется с самого начала. Я подробно писал Николаю Николаевичу [Стогову], может быть, он Вам покажет мои письма - суть дела в том, что я проектировал получить согласие Петра Николаевича [Врангеля], за ним, естественно, пошли бы Миллер и Краснов и не естественно, но политически и материально - Антон Иванович [Деникина]! Ко всему этому я надеялся привлечь четырьмя первыми именами имя Юденича!»²⁷.

Обращался за помощью Лампе и к князю А.П.Ливену. В конце декабря 1925 г. он «получил ответ от Ливена относительно возможности издавать «Белый архив» - кажется что-то найдено. Я написал сегодня Лейхтенбергскому, Врангелю и Ливену на эти темы»²⁸.

Помимо безденежья, созданию «Белого архива» препятствовала внутривластная ситуация в Германии в 1920-1930-е годы, для которой характерно репрессивное отношение к российским эмигрантским общественным организациям, вообще поставившее под угрозу само существование русских национальных представительств в данной стране.

Почти год - с апреля 1925 года по апрель 1926 года - тянулось дело по обвинению русского представительства в Берлине и лично А.А.Лампе в шпионаже в пользу Франции. Депутат Рейхстага Кенкель сделал публичное заявление о шпионской деятельности Российских эмигрантских организаций в Берлине, при этом сославшись на секретную переписку А.А.Лампе с Е.К.Миллером, заведующим финансовой частью РОВС. После этого в помещении 2-го Отдела РОВС, в русской миссии Красного Креста и на частной квартире А.А.Лампе был произведен обыск немецкой политической полицией.

Никаких компрометирующих А.А.Лампе материалов полицией найдено не было, но дело получило широкую огласку в среде Российской эмиграции; сообщения об обысках и «шпионской деятельности» врангелевцев появились на страницах многих левых русских газет и журналов. Все это серьезно подорвало престиж А.А.Лампе и его начинания, а также вселило неуверенность в прочность социального и правового положения российских беженцев. Естественно, что особенно тяжело данные обстоятельства отразились на идее создания Русского Зарубежного Национального архива: перспектива ареста бумаг германской политической полицией не способствовала организации их централизованного хранения, наоборот, русские беженцы предпочитали хранить свои документы разрозненно, либо в личных архивах, либо в архивах эмигрантских общественных организаций.

Впоследствии, по плану создания «Белого архива» косвенно ударил и вспыхнувший в 1930 году скандал вокруг Русского Заграничного Исторического архива в Праге. Руководство РЗИА допустило в хранилища архива директора института марксизма-ленинизма Д.Б.Рязанова, ознакомив его со многими хранившимися в РЗИА материалами. Этот факт вызвал взрыв негодования в среде Российской эмиграции, поскольку повышенный интерес ОГПУ-НКВД к русским зарубежным архивам был хорошо известен. Многие газеты и журналы обвиняли руководство РЗИА в предательстве и сознательной провокации. Идея А.А. фон Лампе была в очередной раз скомпрометирована, т.к. было очевидно, что наличие за рубежом централизованного архива, включающего материалы военно-политического характера, вызовет со стороны советской разведки отчаянные усилия завладеть им. А о том, на какие решительные шаги способен ОГПУ-НКВД, свидетельствовал факт похищения советскими агентами части архива Л.Д.Троцкого, операции, проведенной по всем правилам детективного жанра. Особенно энергично советская разведка охотилась за списками членов эмигрантских военных организаций.

Во второй половине 1920-х годов генерал А.А.Лампе продолжал свою деятельность в качестве начальника 2-го Отдела РОВС. Однако, вследствие постепенного угасания активности военных организаций и сокращения их материальных возможностей, его функции ограничились лишь надзором за военными союзами в Берлине и Будапеште.

В этот период положение Российских эмигрантских организаций в Германии стало резко ухудшаться. Снизилась активность русских офицеров, финансовые возможности РОВС. Обсуждая в письме к генералу П.А.Кусонскому от 24 января 1926 года проблему финансирования 2-го Отдела РОВС, А. А. Лампе говорил о необходимости сосредоточить все оставшиеся денежные средства в руках «центра», т.е. П.Н.Врангеля, а отделы либо перевести на самообеспечение, либо вообще закрыть. В то же время А.А.Лампе собирался продолжить работу по созданию архива: «Единственная возможность сохранить престиж положения и звания, - это «демократическая» работа по «Архиву», - писал А. А. Лампе²⁹. Именно этот выход с целью сохранения отдела РОВС в Германии был предложен Алексею Александровичу П.Н.Врангелем в его письме от 20 января 1926 года: «Надо сделать все, чтобы сохранить возможность Вашей работы в Германии, чему придаю исключительное значение. Как идут переговоры о Белом архиве? Это могло бы быть выходом...»³⁰.

К началу 1926 года Лампе, наконец, получил от герцога Г.Н.Лейхтенбергского небольшую сумму, достаточную для издания первого сборника. Воодушевленный тем, что

Генерал А.А.фон Лампе стремился собрать в библиотеке при «Белом архиве» образцы всех книг, издававшихся военной эмиграцией.

дело сдвинулось с мертвой точки, Алексей Александрович решил немедленно начать публикацию сборника документов и воспоминаний лидеров Белого движения. но уже под другим названием - «Белое Дело». А.А.Лампе разослал предложения принять участие в готовящемся издании большинству Белых военачальников, надеясь в скором времени получить от них воспоминания, записки, документы из личных архивов. Но ответы с согласием получил от немногих. Например, А.И.Деникин отказался принять участие в данном предприятии, полагая, что эта инициатива исходит от П.Н.Врангеля.

Генерал А.А.Лампе рассчитывал выпустить несколько сборников документов под общим названием «Белый архив», используя при этом часть архива П.Н.Врангеля, который Алексею Александровичу удалось получить из собственных рук бывшего командующего Русской армией³¹. Громкое имя П.Н.Врангеля должно было привлечь подписчиков и потенциальных покупателей издания, способствуя, таким образом, его успеху.

Политическая тональность «Белого архива» должна была в точности соответствовать позиции лидеров зарубежного Белого движения. Личные разногласия между вождами Белого дела, по замыслу А.А.Лампе, должны были остаться «внутри движения», не выплескиваясь на печатные страницы; для всей же Российской эмиграции «Белый архив» должен был стать единым рупором военно-политической оппозиции, изданием, в наивысшей степени сохранившим чистоту Белой идеи.

«Белое движение является единственным фактором, который позволяет нам сохранить нашу национальную гордость, наше национальное лицо и наши надежды на воз-

рождение национальной России», - писал А.А. фон Лампе генералу Н.Н. Стогову о задачах задуманного им издания летописи Белого движения³².

Несмотря на энергичные усилия А.А. Лампе, денежных средств, которые ему удалось достать, с трудом хватило лишь на издание одного сборника «Белое Дело», а на развертывание «Белого архива» и покупку исторических документов ничего не осталось. В дневниках А.А. Лампе за 1926-1927 годы особенно много записей посвящено поиску денег для продолжения издания «Белого Дела», первый выпуск которого вышел в свет в конце 1926 года³³.

Одной из причин, подталкивавших А.А. Лампе к созданию собственного архива и печатного издания, являлось желание обрести независимость от других периодических эмигрантских органов, часто навязывавших ему свою политическую линию. А.А. Лампе же хотел иметь возможность, не оглядываясь на левые или центристские газеты и журналы, публиковать публицистические статьи и исторические материалы по истории Белого движения, при этом снабжая их комментариями, отражающими точку зрения право-консервативной части Российского зарубежья. Характерно его высказывание о И.В. Гессене, как издателя берлинской эмигрантской газеты «Руль», в письме к герцогу Г.Н. Лейхтенбергскому: «Я попробую передать Гессену напечатать два из присланных Вами воззваний, но, откровенно говоря, сомневаюсь, чтобы этот господин поместил их у себя; если он их поместит, то постарается охаять ненавистное ему монархическое движение. В этом отношении в Берлине плохо с печатью, потому что даже и «Вестник ВМС» (Высшего Монархического Совета) ничего не поместит - всякому монархическому движению это почтенное учреждение с места, не разобравшись, объявляет войну!»³⁴. Политические разногласия зачастую затрудняли задачу публикации того или иного материала, к тому же лево-демократическая пресса Российского Зарубежья 1920-1930-х годов имела намного лучшую финансовую базу, чем право-монархическая. «Враги не дремлют, - замечал А.А. Лампе, - и, к сожалению, как это и всегда бывает, денег у них больше, чем у нас»³⁵. В случае же успеха «Белого архива» А.А. Лампе надеялся на приток денежных средств, достаточных для налаживания работы самостоятельного издательства.

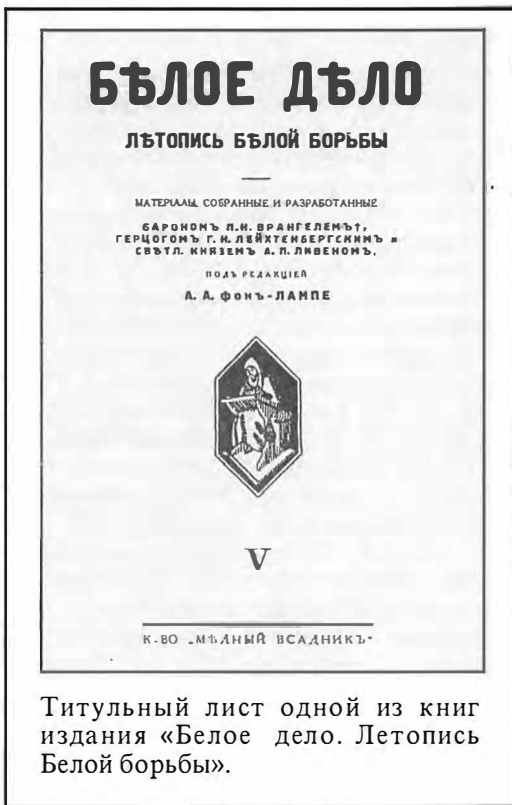
А.А. Лампе был крайне обеспокоен тем, что Пражский архив собирает ценные материалы бывших Белых армий без согласования с командованием, «высасывает за деньги документы из эмиграции и, конечно, будет таким путем хоронить наше Белое движение далеко не по первому разряду!»³⁶. Личные архивы видных представителей Белого движения по словам А.А. Лампе, «безвозвратно попали в эсеровские руки»³⁷.

Летом 1929 года А.А. Лампе писал об издателях «Архива русской революции»: «Кинув кость в виде записок генерала Алексеева, они наполнили книгу таким отвратительным материалом, что удивляться надо - ведь у них такое богатство!! Неужели не могли выбрать ничего лучшего или более интересного, чем Уфимское совещание или письма Каткова или Кропоткина - ведь письма эти уже отжили давно! А Уфимское совещание в том виде, в котором они его напечатали, пережевывалось уже не раз!»³⁸.

Узнав, что князь А.П. Ливен при рижской газете «Слово», где сотрудничал и сам А.А. Лампе, предпринимает собирание материалов «по противобольшевистскому движению», он предложил отделиться от «Слова» и организовать «Белый архив»³⁹. А.П. Ливен и его единомышленники предлагали формировать «Национальный архив зарубежной России», фон Лампе же настаивал именно на архиве «Белом»: «Последнее хотя и сужает задачу, но зато конкретизирует ее полностью и не оставляет уже никаких сомнений в наших делах и стремлениях! Мне кажется, что это случай, когда нам не следовало бы гнаться за большим и удовлетвориться меньшим, тем более, что верхи Пражского архива тоже не чуждаются национального духа, только, конечно, своеобразно его пониманию ... Что же касается до совершенно правильного стремления дать делу национальную базу и исчерпывающий авторитет - то добиться этого путем получения согласия наиболее авторитетных и нужных лиц в среде русской эмиграции на участие в издании нами предложенном ...»⁴⁰.

Генерал А.А. Лампе мечтал о систематической публикации материалов по истории Белого движения, которые бы давали правдивое освещение этой темы, сознательная компрометируемая левой прессой, и в то же время поддерживали в российский военных беженцах надежду на падение большевистского режима и скорое возвращение на Родину.

«Мне рисуется это в виде «Белого архива», выходящего в Берлине примерно раз в два месяца и заключающего в себе правдивые мемуары, официальные документы, фотографии и т.п. из жизни всех фронтов Белого движения - либо посвящая каждому отдельную книгу «Белого архива», либо часть ее. Издание должно печататься в 3000 экземпляров,

Титульный лист одной из книг издания «Белое дело. Летопись Белой борьбы».

причем надо стремиться к тому, чтобы продажа первых 1000 экземпляров издание окупала, а остальные 2000 оставались бы для нужд России в тот момент, когда перемена власти откроеет ее границы для живого слова, которое она, конечно, впитает как губка!»⁴¹.

А.А. фон Лампе постоянно противопоставляет свое издание другим эмигрантским публикациям по аналогичной тематике, считая их тенденциозными, идеологически враждебными Белому движению: «Эмигрантская печать почти не имеет книг или журналов, осещающих благоприятно Белое движение и дающих ему правильную оценку. Исключением является сочинение Деникина, небольшая книга Суворина (Бернева) и немногих других. Журналов, относящихся к движению благоприятно - нет совершенно»⁴².

В марте 1928 г., уже после выхода в свет четырех первых томов «Белого дела», он с неприязнью отзываясь о том, что Пражский архив сам собирается издавать сборники»⁴³. Это удар не только по моей летописи, но и по самому Белому делу, так как опять освещение будет более чем тенденциозное по той простой причине, что несомненно всегда легче всякое, а в особенности, проигранное дело критиковать. Кажется, мои четыре тома летописи будут единственными благожелательными для Белого дела,

так как даже Деникин в своих «признаниях» пошел дальше здравого смысла»⁴⁴.

Весной 1927 года А.А.Лампе навесил П.Н.Врангеля в Брюсселе, где он жил вместе с семьей, чтобы заняться личным архивом Врангеля и помочь его секретарю Н.М.Котляревскому в подготовке воспоминаний к печати. В феврале 1928 года состоялась последняя встреча А.А.Лампе с Врангелем: А.А.Лампе увез из Брюсселя в Берлин рукопись записок П.Н.Врангеля, а 26 апреля 1928 года узнал о смерти их автора.

С 1930 года А.А.Лампе возобновил активные отношения с РОВС, новый руководитель которого генерал Е.К.Миллер заверил его в продолжении финансирования деятельности 2-го Отдела РОВС. В отличие от своего предшественника на посту председателя РОВС генерала А.П.Кутепова, Е.К.Миллер симпатизировал А.А.Лампе и стремился в меру своих возможностей помочь ему в руководстве 2-м Отделом РОВС и дальнейшем выпуске сборников «Белое Дело». А.А.Лампе сообщает Е.К.Миллеру в официальных письмах и донесениях о положении дел в эмигрантских союзах в Германии и других европейских странах, входящих в ведение отдела - о политической обстановке в Германии, о выборах 1930 года, о приходе к власти национал-социалистов во главе с Гитлером, об их взаимоотношениях с президентом Гинденбургом и перспективах жизни Российской эмиграции в случае укрепления в Германии фашистского режима. При подготовке донесений А.А.Лампе активно использовал материалы своего личного архива так и не развернувшегося в централизованный архив Российской военной эмиграции.

Организационная структура 2-го Отдела РОВС также не позволяла А.А.Лампе использовать ее в качестве основы для комплектования «Белого архива». К лету 1930 года во 2-м Отделе РОВС, при его управлении, то есть непосредственно в распоряжении А.А.Лампе числились лишь полковник В.Гагман, полковник В.Флоров, штаб-ротмистр В.Каульбарс и полковник В.Петровский. Но реально в управлении отделом оставался лишь один его начальник - сам генерал А.А.Лампе, у которого не было даже возможности распространять приказы по отделу и заниматься их оглашением в союзах, так как непосредственная деятельность по обеспечению собственного существования просто не оставляла времени на работу в отделе.

Все приказы по 2-му Отделу РОВС теперь распространялись посредством их публикации на страницах журнала «Часовой».

К сожалению, идея А.А.Лампе о создании «Белого архива» не состоялась. Этому препятствовал ряд обстоятельств: отсутствие у право-монархической части Российской военной эмиграции денежных средств на его содержание и закупку архивных материалов, разногласия среди лидеров Белого движения (в первую очередь взаимная неприязнь между П.Н.Врангелем и А.И.Деникиным), отсутствие поддержки со стороны германских властей, «разбросанность» архивных материалов по самым различным европейским странам: Югославии, Франции, Болгарии, Венгрии, а также уход части документов в США и на Дальний Восток, что делало планы их соединения в одном центре хранения, - «Белом архиве» - крайне дорогостоящим и сложным в организационном отношении. К тому же сам генерал А.А. фон Лампе не обладал в среде Российской эмиграции настолько большим авторитетом, чтобы одним своим именем объединить различные Российские эмигрантские группировки для формирования центрального архива.

Генералу А.А.Лампе не удалось получить в свое распоряжение архивы многочисленных военных организаций 1920-1930-х годов и Отделов РОВС, поскольку они либо вообще не сдавали свои архивы, сохраняя их в своем распоряжении в течение всего периода деятельности организаций, либо же передавали их в архив центрального Правления Русского Обще-Воинского Союз. Впоследствии многие архивные материалы попали в Русский Заграничный Исторический архив (т.н. «Пражский архив»), где они были захвачены в 1945-м году советскими войсками и в 1946 году перевезены в СССР.

Попытка генерала А.А. фон Лампе создать «Белый архив» Российской военной эмиграции, тем не менее является ценным опытом по проблеме формирования архивов Русского Зарубежья.

Современное состояние отечественной исторической науки, необходимость углубленного и научно объективного изучения истории Гражданской войны 1917-20 гг. и Белого движения в эмиграции вновь ставит на повестку дня вопрос о сборе исторических источников и вводе их в научный оборот, что «оживляет» идею генерала А.А. фон Лампе о создании «Белого архива» и выпуске исторических альманахов по теме.

---

¹ Геринг А. Материалы к биографии русской военной печати за рубежом. - Париж, 1968.

² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 33. Л. 51.

³ Там же. Д. 21. Л. 91.

⁴ Там же. Л. 253.

⁵ См.: Архив русской революции / Ред. И.В. Гессен/. - Берлин, 1921-1937. - Т. 1-22; Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. - Прага, 1921.

⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 240.

⁷ Русский заграничный исторический архив в Праге. Библиография русской революции и Гражданской войны (1917-1921). - Прага, 1938.

⁸ Архив русской революции. - Берлин, 1921-1937. - Т. 1-22.

⁹ См.: ГАРФ. Ф. 5853.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 137-138.

¹¹ Там же. Л. 240.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 242.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 251.

¹⁶ Там же. Л. 243.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 220-223.

¹⁸ Там же. Д. 19. Л. 54.

¹⁹ Там же. Д. 21. Л. 240.

²⁰ Там же. Л. 137.

²¹ Там же. Л. 258.

²² Там же. Л. 137.

²³ Там же. Л. 243.

²⁴ Там же. Л. 248-251.

²⁵ Там же. Л. 163-264.

²⁶ Там же. Д. 19. Л. 54.

²⁷ Там же. Л. 288.

²⁸ Там же. Д. 21. Л. 99.

²⁹ Там же. Д. 24. Л. 117.

³⁰ Там же. Л. 118-119.

³¹ Там же. Д. 16. Л. 220-223.

³² Там же. Д. 21. Л. 240.

³³ Белое дело: Летопись Белой борьбы. - Берлин, 1926. - Вып. 1.

³⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 261.

³⁵ Там же. Л. 263.

³⁶ Там же. Д. 19. Л. 289.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 77. Л. 37-38.

³⁹ Там же. Д. 32. Л. 510-511.

⁴⁰ Там же. Д. 22. Л. 508.

⁴¹ Там же. Л. 503.

⁴² Там же. Д. 21. Л. 240.

⁴³ Русский Исторический Архив. - Прага, 1929. - Т. 1.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

**ПОЭТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА:
«НЕСГИБАЕМЫЕ ДУШИ НЕ СНИЖАЮТ СВОЙ ПОЛЕТ...»**

Арсений Иванович Несмелов

Арсений Несмелов. В поэзии Русского Зарубежья это имя занимает особое место. Его по праву можно считать поэтом ратного подвига. Того, о котором в силу известных обстоятельств как-то не принято было говорить и который почти забыт. Это подвиг русского солдата и офицера на полях сражений Первой мировой войны. Слава побед и горечь поражений - все было там. И - высокое осознание ратного долга и чести, исторической традиции русского православного воинства, прерванной впоследствии революцией.

Но для выпускника кадетского корпуса Арсения Несмелова эта традиция не прерывалась. Он не менял своего знамени, веры, убеждений и офицерской чести на новую идеологию и навсегда связал судьбу с той армией, которая в ходе Гражданской войны осталась без Москвы и без России. С таким названием - «Без Москвы, без России» - и вышла в 1990 году в серии «Московский Парнас» ставшая библиографической редкостью книга Арсения Несмелова, составленная на основе восьми прижизненных сборников поэта, изданных в Харбине, Шанхае и Берне.

«Поседевший юноша с мучительно расширенными, зрачками» - так писал когда-то об Арсении Ивановиче редактировавший в Дальневосточной республике газету «Дальневосточное обозрение» поэт Николай Асеев, позднее перебравшийся из Владивостока в Читу. Этот поэтический облик, очевидно, сопутствовал поручику Несмелову и потом, когда он находился под надзором ОГПУ без права покинуть Владивосток (а стало быть, в ожидании своей расстрельной участи). И потом, когда стихи его пробивали дорогу на страницах «Воли России» и «Вольной Сибири» в Праге, «Современных записок» в Париже и даже в советском журнале «Сибирские огни» с указанием заграничного места жительства автора. Сборники его стихов выходили, начиная с 1915 года. Сначала это были московские «Военные странички». Затем уже в 20-30-х годах «Уступы», «Кровавый отблеск», «Без России», «Полустанок» и другие во Владивостоке и Харбине.

Настоящая фамилия Арсения Ивановича - Митропольский. Согласно сведениям по службного листа поручика Митропольского, найденном в одном из военных архивов Москвы, родился он 8 июня (20-го по новому стилю) 1889 года в Москве. Происходил из семьи статского советника. В годы Первой мировой войны поручик 2-го гренадерского Фанагорийского полка Митропольский принял на Западном фронте боевое крещение, получил ранение, был награжден четырьмя орденами.

Февральская революция стала для него не праздником, а трагедией. Октябрьского переворота он не принял и в последовавших затем событиях связал свою судьбу с Белым движением. Поручик служил в штабе адмирала А.В.Колчака, был помощником коменданта города Омска, участником так называемого Сибирского Ледяного похода, закончившегося отступлением остатков капеллевских частей в Китай.

Поскольку окончательный приход к власти в Приморье большевиков был еще далеко не очевиден, Арсений Иванович в 1920 году на какое-то время возвратился из Маньчжурии во Владивосток, где началась его журналистская и литературная деятельность. Два года я дрался с большевиками, но драться с человеком - не значит узнать его. Почему же не посмотреть, не познакомиться? Перспектива слишком заманчива, но и опасность велика, если большевики знают обо мне все...», - позднее писал Арсений Иванович в мемуарном очерке «О себе и Владивостоке». Вместе с другими эмигрантскими материалами рукопись эта пролежала в советских архивах под грифом «Особо секретно» без малого полвека, до тех пор, пока не вышло решение о рассекречивании спецхранов.

Первое опубликованное во Владивостокской газете стихотворение «Соперники» Арсений Иванович подписал псевдонимом. О том, как родился псевдоним, он также поведал в упомянутом мемуарном очерке: «В памяти - почему? - мелькнуло лицо друга, убитого под Тюменью. Пусть живет в моих стихах! И я подписал «Несмелов».

Арсений Иванович сотрудничал в газетах «Голос Родины», «Далекая окраина», «Владиво-Ниппо», «Руль». Его друзьями были вернувшиеся позднее в СССР собратья по перу Н.В.Асеев и В.Н.Иванов, офицер-литератор Г.И.Гончаренко, публиковавшийся под псевдонимом Ю.Галич, умершие на чужбине поэты Леонид Ещин и Борис Бета, репрессированные в России в 1937 году С.М.Третьяков и В.Н.Март, японский издатель и литератор Идзуи Реноскэ. Арсений Иванович был знаком и с «милейшим из коммунистов» Рахтановым, редактором «Красного Знамени», предложившим поэту заведовать в большевистской газете литературно-художественным отделом. Но времена менялись. И хотя, по признанию самого Несмелова, «злоба Гражданской войны уже угасла в нас», и поэты, встречаясь в кабачке с блоковским названием «Балаганчик», читали стихи и доклады, устраивали литературные конкурсы, в городе, в конце концов, закрылась последняя некоммунистическая газета. Начались регистрации, высылки, аресты. Арсений Иванович вынужден был перебраться за сопки, в бухту Улисс. Его раздумья о судьбе вылились зимой 1923 года в своеобразную лирическую исповедь.

«Я живу в обветшалом доме.
У залива. Залив замерз.
А за ним, в голубой истоме
Снеговой лиловатый торс...»*.

Знаменательно, что книга расстреляного чекистами в Петербурге Николая Гумилева «Костер», упоминаемая в стихотворении, по словам Несмелова, стала для него поэтическим Евангелием. Он принял решение и был готов взойти на костер своей судьбы.

Личная жизнь этого самобытного русского поэта первой трети двадцатого века, человека гумилевской закалки и мужества, не была удачной. Его возвращение во Владивосток в 1920 году, кроме желания журналистского соперничества и знакомства с большевиками, было связано по собственному признанию, и со стремлением «отыскать жену и устроиться по-человечески». И на какое-то время надежды Арсения Ивановича оправдались. Преподаватель русского языка и литературы Екатерина Владимировна Худяковская, приехав из Омска, ждала его во Владивостоке. Они встретились. Делившая все невзгоды эмигрантской жизни Екатерина Владимировна вместе с дочерью Наташей последовала за ним и в Харбин, где на первых порах Несмелов работал в газете «Дальневосточная трибуна». В начале тридцатых годов семья распалась. Мать с дочерью вернулись в СССР и были подвергнуты репрессиям. Возвращение Арсения Ивановича состоялось позднее, в августе 1945 года, когда Харбин был захвачен советским воздушным десантом. Редакция журнала «Рубеж», сотрудником которого был Арсений Иванович, вместе с другими деятелями русской эмиграции была приглашена на официальный прием советскими властями. Все участники этого, так называемого, литературного вечера - сотрудники и авторы эмигрантских изданий «Рубеж», «Заря», «Луч Азии» - были арестованы.

Литературное наследие Арсения Несмелова настолько значительно, что в США издан двухтомник его произведений, составленный литературоведом Э. Штейном. Первый том - Арсений Несмелов «Без России» - вышел в американском издательстве «Антиквариат» еще в 1990 году, но на российском книжном рынке найти эту книгу невозможно.

Арсений Несмелов был поэтом русской эмиграции, осознавшей на полях сражений Гражданской войны всю трагедию братоубийственного противоборства. Но не проклятия в адрес победителей, не беспробудная ностальгия по прошлому двигали его пером.

*Полностью см. в публикации воспоминаний А.Несмелова.

А глубокая любовь к Родине, ее историческому величию, осознание неизбежности и необходимости исхода русской эмиграции, ее роли в сохранении и приумножении тех культурных традиций и того образа жизни, против которых была направлена революция, но без которых не могла продолжаться Россия. Это и был вечный зов, звучащий со времен Александра Невского: «Не в силе бог, а - в правде». И он не миновал поэта Несмелова, неразрывно связавшего свое имя с историей Белого движения. Смирение перед Россией, непримиримость к советчине - это стало смыслом его жизни в эмиграции. В то же время он был далек от идеализации Белого движения, его генералитета. В «Балладе о Даурском бароне» проявилось отношение поэта к Р.Ф.Унгерну, как существу демоническому, чей путь усеян костями жертв, а душа обращена к сатанинскому алтарю истребления. Олицетворением черной души начальника Азиатской конной дивизии генерал-лейтенанта Унгерна становится ворон-стервятник, свидетель расстрелов, превратившихся в ритуальные жертвоприношения. Узнав о гибели ворона, барон, «содрогаясь от гнева и боли», кричит: «Он был моим другом в кровавой неволе, другого найти я уже не смогу!» В финале баллады оживший ворон сидит на плече Унгерна, который исполинским призраком, восстав из мертвых, песчаным вихрем на черном коне пронесется по пустыне Гоби.

Арсений Несмелов не жаловал и генералов-мемуаристов, которые бросали полки в бой, недооценивая противника, не считаясь с потерями, проигрывая сражения, спасали себя:

«Пламенем боев им любо греться
В креслах тишины.
А у нас - расстрелянное сердце
До конца войны».

Политической деятельностью Арсений Иванович не занимался, но причастность его литературного творчества к общественной мысли Белой эмиграции, даже когда он находился на положении безработного «поэта-сторожа», тоскующего об утраченной Родине, носила, разумеется, характер несоместимый с поэзией соцреализма, возвещавшего об агонии белой эмиграции. И все же в конце двадцатых годов имя Несмелова несколько раз появлялось в «Сибирских огнях». На островке времени, еще несмытом налетающими волнами новых военно-политических событий, он стал свидетелем того, как в дальневосточной столице русской эмиграции - Харбине - выросли православные храмы и гимназии, клубы и библиотеки, возникали высшие учебные заведения, издательства, и типографии, а вдоль КВЖД - рожденные предпринимательской инициативой эмигрантов, фермы и предприятия, снабжавшие население продуктами сельского хозяйства и звероводства.

В статье «Арсений Несмелов», написанной И.Н.Голенищевым-Кутузовым и опубликованной в парижской газете «Возрождение», 8 сентября 1932 года, отмечалось: «Недавнее прошлое - Мировая и Гражданская войны, первые годы изгнания - владеют его душевным миром. Но он уже чувствует, что дно достигнуто, что где-то открывается путь восхождения. Несмелов - поэт взвихренной России, огненных лет, непосильных испытаний».

Уже в конце 20-х годов произведения Несмелова пробивают себе дорогу в русские издания Парижа, Берлина, Праги, Нью-Йорка. Его стихи знали и ценили Марина Цветаева и Борис Пастернак. Последний в частном письме 26 июня 1924 г. отмечал: «... книжки с Тихого океана. Почтовая бандероль. Арсений Несмелов. Хорошие стихи». Сам поэт в письме 15 мая 1930 г. И.А.Якушеву, редактору русского общественно-экономического сборника «Вольная Сибирь», сообщал: «Марине Цветаевой, которой я послал поэму «Через океан», последняя понравилась».

Еще одна деталь. Накануне ухода из Владивостока в Маньчжурию поэт посетил выдающегося исследователя Дальневосточного края Владимира Клавдиевича Арсеньева, и тот принял участие в его судьбе. Об этом в очерке «Наш тигр» («Луч Азии», 1941, № 2-6) свидетельствовал позднее сам поэт: «В канун явки в ГПУ я зашел во Владивостокский музей, чтобы проститься с В.К.Арсеньевым, а к стати и порасспросить его о тех местах, по которым нам надлежало идти. Последнее мне было поручено моими друзьями. «Может быть, ты карту у него достанешь, хоть какие-нибудь крохи», - говорил Саша Степанов, тоже хорошо знавший Арсеньева.

Я нахожу Владимира Клавдиевича у огромного чучела великолепного уссурийского тигра и с места в карьер приступаю к изложению своего дела:

- Я и несколько моих друзей, Владимир Клавдиевич, решили бежать из Владивостока. Вы меня простите, что я вас посвящаю в это не совсем безопасное дело, но мы выбрали необычный путь - через Амурский залив на юли-юли, а далее, до границы, на своих двоих.

- И по китайской стороне до Санчагоу?

- Да,

- А почему не до Никольска сначала, а потом на Полтавку?

- Мы все на учете в ГПУ, и дальше Угольной нам нет ходу. Если же поймут на Угольной, задержат, скажем, в вагоне, то все равно будут судить, как за побег.

- Да! - Владимир Клавдиевич берет меня за руку и подводит к большой, висящий на стене карте Приморья...

- Вы вот что... вы всмотритесь в эту карту, а я вам принесу соответствующий кусок двадцатипятиверстки. Видите перед Занадворовкой этот вот ручей? Достигнув ручья, лучше всего следуйте по нему. На обрывке карты, который я дам, ручей обозначен. Если вы воспользуетесь моим советом, вы не собьетесь с дороги...

Это была моя последняя встреча с Арсеньевым, которого я глубоко и нежно любил. Мы оба чувствовали, что нам уже не увидеть друг друга. Крепкое рукопожатие положило конец прощанию, много моему сердцу сказал долгий взгляд Арсеньева - им он пожелал мне и удачи в побеге и успеха в моей жизни в чужой стране.

Несмелов погиб не на чужбине, а в советской пересыльной тюрьме около Владивостока осенью 1945 года. Но стихи его не погибли, они вернулись на Родину. Как отметил Борис Можжев в журнале «Новый мир», № 4 за 1991 г., поэту самого страшного, трагического времени нашей истории, Несмелову удалось написать об этом революционном вселенском разбое так, как смогли немногие из его современников.

Предлагаемая вниманию читателей подборка стихов предоставлена проживающей в пригороде Екатеринбурга дочерью поэта Н.А.Митропольской. Лишь после смерти Сталина Наталье Арсеньевне удалось подучить высшее образование. Она закончила химический факультет Уральского государственного университета и работала на Пышминском опытном заводе. Только в конце пятидесятых, когда роман Натальи Ильиной «Возвращение» приоткрыл неизвестные страницы жизни русской эмиграции на Дальнем Востоке, кое-кто из друзей, сопоставив факты, смог подступить к ней с вопросом: Случайно ли совпадение ее фамилии с фамилией погибшего в пересыльной тюрьме поэта? В памяти своей, в стихах Арсения Иванович не раз возвращался к дочери:

«... Окутанный прошлым, бывшее, как кошку, маня,
В веселом подростков, но только в мундире кадета,
Узнав себя, это память выводит меня
Из склепа расстрелянных десятилетий.
И вот - непрерывность. Связую звено со звеном,
Усилием воли сближаю отрезок с отрезком.
Под лампой зеленой, за этим зеленым столом
Рассказы о смерти мне кажутся вымыслом детским.
Умершего встретят друзья и меня. На коне.
Их памяти робкой пропляшет последняя встреча...
«Несмелов, поэт?» Или девочка крикнет: «Отец!»
Лица не подняв, проплыву. Не взгляну. Не отвечу».

Представления о всем творчестве такого крупного и талантливой поэта одна публикация дать, конечно, не может. Это лишь несколько вех, но они, мы надеемся, приведут заинтересованного читателя к большим книжным и последним журнальным публикациям поэта, который когда-то, еще в начале сороковых годов писал:

«Но все же не хмурься, потомок,
Когда посторонней заботой
Направленный к пыли газетной,
Отыщешь ты эту тетрадь.
Пусть робкий мой голос негромок,
Но все-таки верною нотой
Мне в этой глуши безответной
Порой удавалось звучать.»

Он словно предвидел, что составители «Антологии поэтов русского Зарубежья» не пройдут мимо его творчества, и не ошибся (См.: «Мы жили тогда на планете другой». Антология поэзии русского Зарубежья. 1920 - 1990. В 4-х кн. Сост. Е.В. Витковский. - М., 1995. - Кн.1). Как отмечал историк литературы русского Зарубежья И.Тхоржевский, существовало два потока: «Своя партийная Белая библиотека - у эмигрантов; и такая же, красная библиотека - в советской России». При этом советскую литературу (а мы до последнего времени ее лишь и знали) тянуло не только к обличениям, но и к самовозвеличанию. Ярко проявилось это и в поэзии. А там, где не было самовозвеличивания тотали-

тарного строя, шло уничтожение поэтов - Н.Гумилев, П.Васильев, Н.Клюев, О.Мандельштам, Б.Корнилов и т.д.

Поэт Белого движения Арсений Несмелов сохранил в стихах ту веру в историческую правду, которая позволила ему создать свой образ времени, неискаженный трагический образ. И даже там, где его пером водила сиюминутная пристрастность и незыблемая уверенность в своей особой «окопной истине», рождающей горькую иронию и язвительные выпады, проступают биение трагической мысли, боль и сострадание ввергнутому в братоубийственную Смуту народу, стремление изменить его участь:

«О, скрижали душ интеллигентских,
Ветхий спор о выеденных яйцах...
Темнооких не пугает Ленских
Занесенная над ними палица.
А не в эти ль месяцы - шершавый
От расчесов, вшив до переносиц
Медленно отходит от Варшавы
Наш народ, воспетый богоносец.
Мы влюблялись в рифмочку, в картинку,
Он же, пулям подставляя спину, -
Смрадный изверг, светоносный инок. -
Безнадежно вкапывался в глину.
И войны не чувствуешь нимало, -
Нет ее дымящей багряницы:
Прячут череп страусы журналов
Под крыло иссушенной страницы.
Распуская эстетизма слюни,
Из трясины стонет критик выпью:
- Как кристаллен академик Бунин.
Как изящно ядовита Гиппиус».

В Российской государственной библиотеке на выставке «Поэзия русской эмиграции», организованной отделом Русского Зарубежья, стихи Арсения Ивановича недавно были представлены наряду с произведениями тех, чьи имена еще до изгнания стали славой отечественной литературы серебряного века - Зинаиды Гиппиус, Константина Бальмонта, Игоря Северянина - и тех, чьи имена вошли в созвездие выдающихся поэтов русской эмиграции - Владислава Ходасевича, Георгия Иванова и других. Загадка в том, как изгнанные и обездоленные революцией люди, оказавшись на чужих берегах, смогли отстоять свое право на творчество, как осознали они высокое свое предназначение сохранить культуру Великой России и связь времен.

Стихи из архива Натальи Арсеньевны Митропольской, дочери Арсения Ивановича, живущей ныне в городе Верхняя Пышма и сохранившей благоговейную память о поэте, свидетельствуют о том, что на сопках Маньчжурии, оказавшихся одним из мемориальных оплотов Белого движения, поручик Несмелов стойко и вдохновенно держал свой последний дальневосточный поэтический рубеж.

СТИХИ. ПЕРЕПИСКА. ВОСПОМИНАНИЯ.

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.

Бережем мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас,
Но послали Царя в трущобу
Не при всех ли, увь, при нас?

Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать или тридцать пять?
Как же это могло так стать -
Государя не отстоять?

Только горсточка этот враг,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными - сто сорок
Миллионов себя звало.

Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, -
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.

И один ли, одно ли имя,
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.

И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь!

* * *

Пели добровольцы. Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стукоте колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки.
Натиск и победа или подток.

Вот и Камышлово. Красных отогнали.
К Екатеринбург у нас помчит заря:
Там наш Император. Мы уже мечтали
Об освобожденьи Русского Царя.

Сократились версты, - меньше перегона
Оставалось мчаться до тебя, Урал.
На его предгорьях, на холмах холеных,
Молодой, успешный бой отгрохотал.

И опять победа. Загоняем туже
Красные отряды в тесное кольцо.
Почему ж нет песен, братья, почему же
У гонца из штаба мертвое лицо.

Почему рыдает седоусый воин?
В каждом сердце словно - всех пожарищ гарь.
В Екатеринбурге, никни головою,
Мучеником умер кроткий Государь.

Замирают речи, замирает слово,
В ужасе бескрайном поднялись глаза.
Это было, братья, как удар громовый,
Этого удара позабыть нельзя.

Вышел седоусый офицер. Большие
Поднял руки к небу, обратился к нам:
- Да, Царя не стало, но жива Россия,
Родина Россия остается нам.

И к победам новым он призвал солдата,
За хребтом Уральским вздыбилась война.
С каждой годовщиной удаленной дата;
Чем она далече, тем страшней она.

РАЗВЕДЧИКИ

Всеволоду Иванову

На чердаке, где перья и помет,
Где в щели блики щурились и гасли,
Поставили треногий пулемет
В царапинах и синеватом масле.

Через окно, куда дымился шлях,
Проверили по всаднику наводку,
И стали пить из голубых баклаг
Согретую и взболтанную водку.

Потом... икающе захлебывалась речь
Уродца на треноге в слуховуше...
Уже никто не смог себя сберечь,
И лишь во рту все становилось суше.

И рухнули, обрушившись в огонь,
Который вдруг развеял ветер рыжий,
Как голубь, взвил оторванный погон
И обогнал, крутясь, обломки крыши.

...Но двигались лесами корпуса,
Вдоль пепелищ, по выжженному следу,
И облака раздули паруса,
Неся вперед тяжелую победу.

В НИЖНЕУДИНСКЕ

День расцвел и был хрустальным,
В снегу скрипел протяжно шаг.
Висел над зданием вокзальным
Беспомощно нерусский флаг.

И помню звенья эшелона,
Затихшего, как неживой.
Стоял у синего вагона
Румяный чешский часовой.

И было точно погребальным
Охраны хмурое кольцо,
Но вдруг, на миг; в стекле зеркальном
Мелькнуло строгое лицо.

Уста, уже без капли крови,
Сурово сжатые уста!..
Глаза, надломленные брови,
И между них - Его черта, -

Та складка брови, напряженья,
В которой роковое есть...
Рука сама пришла в движение,
И, проходя, я отдал честь.

И этот жест в морозе лютом,
В той перламутровой тиши, -
Моим последним был салютом,
Салютом сердца и души!

И он ответил мне наклоном
Своей прекрасной головы...
И паровоз далеким стоном
Кого-то звал из синевы.

И было горько мне. И ковка
Перед вагоном скрипнул снег:
То с наклоненною винтовкой
Ко мне шагнул румяный чех.

И тормоза прогрохотали, -
Лязг приближался, пролетел,
Умчали чехи Адмирала
В Иркутск - на пытку и расстрел!

ВОСЕМНАДЦАТОМУ ГОДУ

Идут года. На водоемах мутных
Летящих лет черту не проведу.
Все меньше нас, отважных и беспутных,
Рожденных в восемнадцатом году.

Гремящий год! В венце багровых зарев
Он над страной прозыбил шаткий шаг,
То партизан, то воин государев,
Но вечно исступлением дыша.

* * *

И обреченный, он пылал отвагой.
Был щит его из гробовой доски.
Сражался он надломленною шпагой,
Еще удар, и вот она - в куски.

Ведь каждый город и поселок каждый
Сберег людей, которые - твои.

И умер он, взлетев ракетой яркой,
Рассыпав в ночь шрапнели янтая,
В броневике, что сделан из углярки,
Из Омска труп умчали егеря.

Хранят они огонь в глазах бесстрастных.
И этот взор - как острие ножа.
Ты научил покорных, безучастных
Великому искусству мятежа!

Ничьи знамена не сломила гибель,
Не прогремел вослед ничей салют,
Но в тех сердцах, где мощно след он выбил
И до сих пор ему хвалу поют.

Пусть Ленин спит в своем гробу стеклянном,
Пуст Мавзолеей и мумия мертва,
А ты еще гуляешь по полянам
И году прогремевшему хвала.

И не напрасно по полям Сибири
Он проскакал на взмыленном коне,
В защитном, окровавленном мундире,
С надсеченной гранатой в руке.

Хвала тебе, год-витязь, год-наездник,
С тесьмой рубца, упавшей по виску.
Ты выжег в нас столетние болезни:
Покорность, нерешительность, тоску.

Кто пил от бури, не погасит жажды
У мелко распластавшейся струи,

Все меньше нас - о, Год! - тобой рожденных,
Но верю я, что в гневе боевом,
По темным селам, по полям сожженным
Проскачешь ты в году...

В ГОСТЯХ У ПОЛКОВНИКА

Люблю февраль, когда прибавит дня
Уже живое греющее солнце,
Когда капель запрыгает, звеня,
И где-то звякнет жестяное донце.

День мощно раздвигает берега,
И, увлекая сладострастным зовом,
Серебряными делает снега,
А небо исступленно-бирюзовым.

Торопит он не упустить его
Сиянья, трепетания и звона, -
Он так хорош! И, друг мой, отчего
Сегодня нам не посетит Затона?

Так, за реку. К полковнику, к дружку,
Громившему противника на Белой.
По голубому льду, по бережку.
В поселок сонный и оледенелый.

Вся в инее пустыня тихих мест.
Мы шуримся... Играет солнце в жмурки...
«Приветствую», сияет белый крест
На старенькой полковничьей тужурке.

Он рад ли нам? О, да, полковник рад,-
На этот счет не может быть двух мнений.
Он курит трубку. Гости говорят:
«Мы с водочкой, с хозяина - пельмени».

Усядемся. Под первый рюмок звяк,
Еще холодной поднятых рукою,
Начнет полковник: «Помню, точно так,
В татарской деревеньке под Уфою

Собрались мы...» И потечет рассказ,
За ним другой,- не может быть иначе,
Ведь память осветилась и зажглась
В клетушке этой отепленной дачи.

О как поют, как весело звучат
Событья восемнадцатого года,
Когда с азартом молодых волчат
Мы отгрызались от тебя, невзгода.

Когда ремни искателей побед
Отягощали желтые подсумки,-
И вот теперь, через пятнадцать лет,
За эти годы подымаем рюмки.

Вздохнуть ли здесь, что «не было судьбы»,
Что навсегда для нас закрылись дали,
Но ведь живет поэзия борьбы,
Которой увлеченно мы дышали.

Мы только ль в прошлом, только ли в былом?
Нет, все еще звучит стальная лира:
Вот в старике с Георгьевским крестом
Вновь зоркого я вижу командира.

Он обнажает шашку и клинок,
Единым взмахом подымает цепи.
Я слышу крик, я слышу топот ног
По отбеленной заморозком степи.

И вражеское грозно поднялось
Навстречу атакующему знамя...
«Я лично Адмиралу преподнес
Его потом», - подсказывает память.

И умолкает командир полка,
И слышен ветра делается шорох.
И облик Адмирала Колчака
(Иль тень его!) всплывает в наших взорах.

Где времени губительный таран?
Не дышим ли мы боевой свободой?
И только ли сибирский ветеран
Жив вихрем восемнадцатого года?

Нет! Все еще ты, боевой рожок,
Звучишь, звучишь, зовешь призывной трелью,
Не потому ль, что пулевой ожог
Мозжит в кости перед ночной метелью?

О, сколько дум и чувств! Передо мной
Какие память зажигает свечи?
А за окном, за ледяной рекой,
Багряный, синий догорает вечер.

Прощаемся. Из этих тихих мест
Нам до дому не близкая дорога.
Знак доблести - Победоносца крест -
Приветливо сияет нам с порога.

Заря чуть тлеет. Шепчет тишина
О пережитом, неизбывном, близком...
А за мостом огромная луна
Восходит медным щитовидным диском.

* * *

Выплывут из памяти муаровой
Волга и Урал.
Сядет генерал за мемуары.
Пишет генерал.

Выскребает из архивной пыли
Даты-светляки.
Вспоминает, как сраженья были,
Как бросал полки.

И, носясь над заревом побоищ,
В отзвуках «ура»,
Он опять любит себя собою,
Этот генерал.

Нам же, парень, любоваться нечем:
Юность истребля,
Мы бросали гибели навстречу
Лишь самих себя.

Перестрелки, перебежки, водка,
Злоба или страх,
Хрипом перехваченная глотка,
Да ночлег в кустах.

Адом этим только на экране
Можно обмануть,
Любят разжиревшие мещане
Посмотреть войну.

Любят в мемуарах полководцев
Память и уют,
Ибо там сражение *дается*,
Как спектакль дают.

Пламенем боев им любо греться
В креслах тишины.
А у нас - расстрелянное сердце
До конца войны.

БРОНЕВИК

У розового здания депо
С подпалинами копоти и грязи,
За самой дальней рельсовой тропой.
Куда и сцепщик с фонарем не лазит, -
Ободранный и загнанный в тупик,
Ржавеет «Каппель», белый броневик.

Вдали перекликаются свистки
Локомотивов... Лязгают форкопы.
Кричат китайцы... И совсем близки
Веселой жизни путаные тропы;
Но жизнь невозвратно далека
От пушек ржавого броневика.

Они глядят из узких амбразур
Железных башен - безнадежным взглядом.
По корпусу углярок, чуть внизу,
Сереет надпись: «Мы-до Петрограда!»
Но явственно стирает непогода
Надежды восемнадцатого года.

Тайфуны с Гоби шевелят пески,
О сталь щитов звенят, звенят песчинки...
И от бойниц протянуты мыски
Песка на опорожненные цинки:
Их исковеркал неудачный бой
С восставшими рабочими, с судьбой.

Последняя российская верста
Ушла на запад. Смотраны просторы.
Но в памяти легко перелистать
Весь длинный путь броневика, который,
Фиксируя атаки партизаны,
Едва не докатился до Казани.

Врага нащупывая издаലെка,
По насыпи, на зареве пожаращ,-
Сползались тяжко два броневика,
И «Каппель» обстреливал «Товарищ».
А по бокам, раскапывая степь,
Перебегала, кувыряясь, цепь.

Гремит великолепная дуэль.
Так два богатыря перед войсками,
Сойдясь в единоборческий дуэт,
Решали спор, тянувшийся годами...
Кто Голиаф из них и кто Давид, -
Об этом будущее прогредит.

Подтягиваясь на веревке верст,
Кряхтя, наматывая их на оси,
Полз серый «Каппель», неуклонно пер,

Стремясь Москву обстреливать под осень,
Но отступающим - не раз, не два, -
Рвались мостов стальные кружева.

А по ночам, когда сибирский мрак
Садился пушкам на стальные дула, -
Кто сторожил и охранял бивак,
Уйдя за полевые караулы?
Перед глухой, восставшею страной
Стоял и вслушивался, стальной...

Что слышал он, когда смотрел туда,
Где от костров едва атели вспышки,
И щелкнувшей ладонью - «на удар!» -
Гремел приказ из командирской вышки.
- «Костры поразложили, дуй их в пим!»
Пусть, язви их, не спят, коль мы не спим!»

У командира молодецкий вид.
Фуражка набок, расхлебаснут ворот.
Смекалист, бесшабашен, норовист, -
Он чертом прет на обреченный город.
Любил когда-то Блока капитан,
А нынче верит в пушку и наган.

Из двадцати трех - отданы войне
Четыре громыхающие года...
В земле, в теплушке, в тифе и в огне
(Не мутит зной, так треплет непогода!)
Всегда готов убить и умереть,
Такому ли над Блоками корпеть!

Но бесшабашное - «не повезло!» -
Становится стремительным откатом,
Когда все лица перекосит злость
И губы изуродованы матом:
Лихие пушки, броневик, твои
Крепят арьергардные бои!

У отступающих неверен глаз,
У отступающих нетверды руки,
Ведь колет сердце ржавая игла
Ленивой безнадежности и скуки,
И слышен в четкой тукоте колес
Крик красных партизанов: «Под откос!»

Ты отползал, как разъяренный краб,
Ты пятился, подняв клешни орудий,
Но, жадной мести сердце обокрав,
И ты рванулся к плачущей запруде
Людей бегущих. Мрачен и жесток,
Давя своих, ты вышел на восток...

Граничный столб. Китайский офицер
С раскосыми веселыми глазами,
С ленивою усмешкой на лице
Тебя встречал и пожимал плечами.
Твой командир, - едва ль не генерал, -
Ему почтительно откозырял.

И командиру вежливо: «Прошу!»
Его команде лающее: «Цубо!»
Надменный, как откормленный буржуй,
Харбин вас встретил холодно и грубо:
- Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
На что же, голоштанные, мне вы?

Тупыми шлепанцами шаркать
К стене,
Где,
Угол отогнув,
Висит истрепанная карта,
Вместившая мою страну.

Сетями жил исчерчен Запад,
Как подорожника листок.
Одна из них, прыжком внезапным
Через Урал, - берет Восток.

...И он глядит
(Так смотрит хмара
В окно)
На черные кружки...
- Вот этот - родина,
Самара ...
Здесь были воткнуты флажки,

Обозначая фронт и натиск,
Его упругую дугу...
Мы отползали,
Задом пятясь,
Уже Урал отдав врагу...

Его коричневая стража
Ушла на запад.

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае»,
О судьбе изгнанников печальной
Юноша задумается дальний.

На мгновенье встретятся глаза
Сушего и бывшего: котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезнуя, потомок:

- Горек, путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?

И чтоб его сильнее не прогневить,
Еще вчера стремительный и зоркий,-
Уполз покорно серый броневик
За станцию, на затхлые задворки.
И девять лет на рельсах тупика
Ржавеет рыжий труп броневика.

И рядом с ним - ирония судьбы,
Ее громокипящие законы -
Подняв молотосерпные гербы,
Встают на отдых красные вагоны...
Что может быть мучительней и горше
Для мертвых дней твоих, бесключый коршун!

У КАРТЫ

Топором
Упала мощь гиганта-кряжа...
Челябинск пал.
Оставлен Омск...

...Вздыхает.
...Низменность Сибири
И Забайкалье,
Как массив,
Но и отсюда летом сбили,
Победой сопки огласив...

И глядят руки с дрожью ветра
Шершавый, непонятный лист.
- 12 000 километров
Он протяжением вместил!

И губы шепчут:
- Русь!.. Россия!..
И сердце крикнет:
- Навсегда...
И давит выросшая сила,
Которую не оседлать.

И будет шлепанцами шаркать
К углу,
На темную постель,
Но и оттуда манит карты
Засаленная пастель.

ПОТОМКУ

Где-то упомянут, - со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:
- Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казенных закидали!

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш!

Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли,
В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали!

И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза,
И опять - года, года, года,
До трубы Последнего суда!

ГУМИЛЕВ

«И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага!»

Прекрасен строгий образ Гумилева!..
Он в те года сияюще возник,
Когда какой-то иссякал родник
И дряблым, бледным становилось
слово.

Лишь красный факел озарял
окрестность.
Как нетопырь, порхала неизвестность,
Будившая набатом тишину.

И голосом трубы, военной и суровой,
Его призыв воспрянул в этот миг,
И, к небесам подъятый, тонкий лик
Овеян был блистаньем силы новой.

Один лишь голос серебром звенел,
И не был он никем перекликаем,
Все мы его и в наши дни узнаем,
Зане его не заглушил расстрел.
Да, как бы резко залп ни прогремел,
Каким бы ни был он зловещим лаем, -
Мы все-таки еще ему внимаем,
Пусть сонм годин над нами прошумел!

О, этот очерк крепко сжатых губ!..
А в эти дни, не веря нашей яви,
Блок забывал о доблести и славе
И к чертовщине влекся Сологуб.
Был страшен мир, где безмогильный
труп

Прекрасен грозный образ Гумилева!
Как Лермонтов, он тоже офицер!
А вы теперь наказаны сурово,
Вы, сеятели басен и химер!
.. Грохочут танки. Вихорь битвы - сер,
И вспыхивает в нем огонь багровый...
Но где оно, водительное слово,
Победно поднимающее всех?

Вставал и шел своей тропой навей,
А небеса уже закат кровавил,
Вздыхая ночь с уступа на уступ.

И где они, где те певцы иные,
Чтоб заменили спящего мертво?
Золотое сердце России
Мерно билось в груди его.

Мы провалились в грозную войну,
Как в вырытую кем-то яму волчью.
Мы стали жить испуганно и молча,
В молчание повергнув всю страну,
И, задыхаясь, ринулись ко дну...

МОИМ СУДЬЯМ

Часто снится: я в обширном зале...
Слыша поступь тяжкую свою,
Я пройду, куда мне указали,
Сяду на позорную скамью.

А потом - томительные ночи
Обступившей, непроломной тьмы.
Что длиннее, но и что короче
Их, рожденных сумраком тюрьмы?

Сяду, встану - много раз поднимут
Господа в мундирах за столом.
Все они с меня покровы снимут,
Буду я стоять в стыде нагом.

К надписям предшественников - имя
Я прибавлю горькое свое.
Сладостное: «Боже, помяни мя»
Выскоблит тупое острие.

Сколько раз они меня заставят
Жизнь мою трести-перетряхать.
И уйдут. И одного оставят,
А потом как червяка раздавят
Тысячепудовым: р а с т р е л ь т ь !

Все земное отженю, оставлю,
Стану сердцем сумрачно-суров,
И, как зверь, почувствовавший травлю,
Вздрогну на залязгавший засов.

Заторопит конвоир: «Не мешкай!»
Кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!»
С никому не нужною усмешкой
Подниму свой непокорный взгляд.

И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы.
Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы!

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А.И.НЕСМЕЛОВА С И.А.ЯКУШЕВЫМ¹

Несмелов - Якушеву
13 сентября 1929 г.
Харбин, Диагональная, дом 57, кв.9

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Получил недавно ваше письмо и отвечаю. Я с большой радостью принимаю ваше предложение о сотрудничестве и скоро пришлю вам рассказ об Омске месяцев Колчака. Но не беспокойтесь: это не воспоминание, а чистая беллетристика. Полагаю, что через месяц я вам его вышлю...

О своей автобиографии... Мне бы хотелось написать лишь о Владивостокском периоде моей жизни. Я чувствую, что это выйдет хорошо: также галерея типов - Асеев, Третьяков, Бурлюк, Бета². Весь дух города. Моя «Владиво-Ниппо», где я, ни черта на понимавший в политике, писал передовые, которые остальными газетами обсуждались как «откровения». Все это будет весело, авантюристично и прочтется с удовольствием. Эту вещь я вышлю очень скоро.

Относительно моих стихов. В СССР напечатаны только «Унгерн» и «Броневик». Я писал об этом Гребенщикову³, но сказал, что в эмиграции эти вещи неизвестны, а поэтому, мне кажется, нет большой беды их и второй раз напечатать. Я ничего не предрешал. Меня самого «Унгерн» уже не удовлетворяет. Стихотворение, которое вы называете «Стихи о сибирских боях», мне бы хотелось назвать «Стихи о револьверах». Так они и назывались. Но... вероятно, они уже будут напечатаны в то время, когда вы получите мое письмо, так что писать уже не о чем.

У меня к вам просьба. У меня много стихов о войне. Все это - 1918 год по рисунку и быту. Много, почти все - Сибирь. Я хотел бы издать эти стихи, но не знаю, как это сделать. Надо издавать в Европе, из Харбина они никуда не уйдут.

Не можете ли вы мне это сделать?

Скажем, это будет в счет гонорара за мои работы.

Если вы согласны на это, то ответьте, пожалуйста, и я пришлю вам рукопись. Хорошо бы, чтобы ее проредактировал Слоним⁴. Буду с нетерпением ждать ответа.

Ачаир⁵ вам кланяется. Он очень загружен работой в ХСМЛ и мало пишет. У нас кавардак, что-то вроде войны. Большевики, как всегда, подлы. Взрывают поезда с мирными жителями.

Уважающий Вас Арс.Несмелов

* * *

Якушев - Несмелову
31 октября 1929 г.
Господину Несмелову
Харбин

Глубокоуважаемый Арсений Николаевич (?), простите великодушно, если неправильно назвал Ваше отчество. Письмо Ваше от 13 сентября получил и вот на него отвечаю.

Относительно издания ваших стихов... Пришлите рукопись, и тогда я могу, после просмотра, дать тот или другой ответ. Если бы я решился печатать, то Слоним, мне кажется, не отказал бы в любезности их проредактировать.

В выходящем на днях сб. «Вольная Сибирь» напечатано стихотворение «Броневик» с небольшими купюрами. Следующая выходит в декабре, где будут также напечатаны Ваши стихи. Жду Вашу автобиографическую заметку...

Передайте привет Алексею Алексеевичу.

Уважающий Вас И.Якушев

* * *

Несмелов - Якушеву
[15 января 1930 г.
Харбин, Диагональная, дом 57, кв.9]

Уважаемый Иван Александрович.

Все, что я вам обещал, то есть: рассказ и мое жизнеописание, которое тоже получилось вроде рассказа и названо мною «О себе и о Владивостоке», - готово.

Я не отправляю рукописей по двум причинам:

1) Вам посылать или Гребенщикову?

2) Почему мы до сих пор не получили 6 книг «Вольной Сибири»?

Может быть, журнал не выходит?

Это беспокоит и волнует.

Теперь опять открыто сообщение через Сибирь, и я, прежде чем послать вам рукописи, хочу получить от вас ответ.

Получили ли вы мою книжечку «Кровавый отблеск», и если получили, то как она вам понравилась. Если видели какие-нибудь рецензии о ней, не откажите в любезности прислать вырезки, чем премного обяжете.

Заметки о содержании «В[ольной] С[ибири]» я получил и напечатал. Вообще я и Ачаир сделаем все в смысле рекламы. Жаль только, что книг нет до сих пор.

Очень прошу еще вас о следующем.

Кому бы можно было послать в Праге мою книжку и сколько, вы думаете, экземпляров? Может быть, можно послать на вас? Ответьте мне, Иван Александрович, а то книжка моя принята здесь хорошо, а кому ее послать в Европу - не знаю.

Итак, жду вашего письма, чтобы уже начать работу у вас вплотную, а то очень мешал конфликт. Мы пережили здесь немало волнений.

Всего вам хорошего.

Арс.Несмелов

* * *

Якушев - Несмелову
8 февраля 1930 г.

Уважаемый Арсений Николаевич,

наконец-то опять наше сообщение наладилось: Ваше письмо через Сибирь шло примерно две с половиной недели. Это уже легче. Двойная книжка «Вольной Сибири» (№ VI-VII) в Харбин выслана давно, если не ошибаюсь, то в середине октября. Вероятно, события, которые имели место на ДВ, как-то отразились на доставке. Сегодня или завтра в Харбин на имя Грызова⁶ вышлют новую партию сборника через Сибирь. Первую партию Вы, вероятно, получите позднее, где-нибудь валяется.

Стихи и беллетристику направляйте Гребенщикову, воспоминания непосредственно мне.

Стихи получил, спасибо. В сб. VIII будет напечатан отзыв. Книжка выходит в конце февраля. Других отзывов о Ваших стихах я не встречал. Книжечку стихов можете прислать нам, а мы в свою очередь разошлем по магазинам и редакциям, если Вы сами никому не посылали. Достаточно будет 100 экземпляров. Укажите продажную цену и скидку магазинам.

Девятая книжка готовится к печати, но издание с каждым годом становится все труднее. Собираюсь написать д-ру Кауфману⁷, моему старому знакомому. Нужны платные объявления, что значительно поддержало бы издание. Но нет в Харбине такого человека, который бы взялся за это дело с надлежащим умением и охотой. А найдись такой человек, мог бы и сам приработать кой-что, и нас облагодетельствовал.

Какие виды у Вас на будущее? Здесь исчезновение ген. Кутепова взволновало всю эмиграцию. Французская полиция с ног сбилась, чтобы разыскать начала и концы этой невероятной истории. Ведь дело профессиональной чести французской полиции и правительства. Общественное мнение, французская печать определенно обвиняют большевиков. Тардьё обещает довести дело до конца, не взирая ни на лица, ни на положение. Этому можно верить. Выступление Милюкова и Керенского во французской палате, где они сделали сообщение о положении дел в России и терроре, вызывает неопишемый гнев большевиков. Кричат о «белобандитском заговоре». Надо сказать, общественное мне-

ние Западной Европы начинает определенно выявляться против Советов. Кажется, терпение истощается. Конечно, из этой перемены зап.европейского мнения было бы ошибочно делать какие-либо выводы, но факт налицо и он имеет показательное значение. Моральная изоляция Советов не за горами. Усиливающийся террор в России, араксеевская социализация деревни, все это, мне думается, только приближает конец сталинского режима. Хочется верить, что уже близко время, когда я снова увижу свои сибирские просторы...

Ваш И.Якушев

* * *

Несмелов - Якушеву
(Не датировано,
примерно середина марта 1930 г.)

Дорогой Иван Александрович.

Вместе с этим письмом отправил заказной бандеролью 40 экземпляров моей книжки и рукописи. Рукописи отправил вам, а не Гребенщикову в виду следующего: я послал ему письмо, послал книгу свою, но на это все не получил ответа, что истолковываю, как его нерасположение ко мне.

Продажную цену книжки я полагал бы назначить в 20 американских центов, в свою пользу 15, а пять книгопродавцам.

Благодарю вас за отзыв об «Отблеске». Мне особенно ценно в нем то, что вы отметили бодрость моих стихов, - я сам ценю это больше всего в них. Большое спасибо.

Не знаете ли вы, чем объяснить молчание берлинских и парижских газет. Я понимаю - не понравилось, выругали, - но почему молчат? Если будут рецензии - обязательно пришлите вырезки, если, конечно, вас это не затруднит.

Говорил с Кауфманом о «Вольной Сибири», показал ваше письмо. Он сказал, что денег достать сейчас трудно, но он советовал бы вам передать представительство ему. Я вам тоже это посоветую...

С Грызовым вы вряд ли «сварите кашу». Все это ими делается кустарно, да и не смогут они делать это иначе.

Кроме того, я посылаю адрес Михаила Щербакова⁸ - он председатель литературно-художественного кружка в Шанхае. И он активен, и кружок их, имеющий в своем распоряжении газету «Слово», тоже очень активен. Вам не мешает списаться с ним, он может быть вам полезен как представитель журнала. Между прочим, мой адрес - новый. Пишите теперь так:

Харбин, Корейская, 17, редакция газеты «Рупор» А.И. (Иванович) Несмелову.

Если мой рассказ вам не понравится, обязательно верните его мне. Даете слово не потерять?

Мне очень понравился ваш рассказ. Так и пахнуло ветром Приморья. Вообще книжка хороша, но почему так много стихов, посвященных Гребенщикову. Получается какой-то альбомный характер. Я бы избегал этого. Поэма Ачаира очень скучна и раздражительна. Я ему говорил об этом, когда он, два года назад, читал мне ее. Он согласился, но вот не удержался, чтобы не отправить в печать.

Дорогой Иван Александрович, в состоянии ли вы платить гонорар? Судя по вашему письму, вам не до гонорара. За стихи, которые напечатаны, я не хочу с вас ничего получать, но за рассказ и за новую поэму, если в силах, заплатите что-нибудь. Дела сейчас плоховаты. Конечно, вопрос о гонораре не изменит моего отношения к вашему журналу, но, если бы я все же мог получить за обе вещи 25 американских долларов, - я был бы вполне удовлетворен и очень вам благодарен.

Всего вам хорошего, пишите. Помните мой новый адрес, а ниже адрес М.Щербакова. Ему я тоже напишу, чтобы связался с вами.

Арс.Несмелов

* * *

Несмелов - Якушеву
4 апреля 1930 г.

Дорогой Иван Александрович.

Я, с месяц тому назад, послал вам две рукописи рассказа и поэмы и 40 экземпляров книжки. Кроме вас, я книжку в Европу, для продажи, никому не посылал.

Послал письмо с предложением Кауфмана передать ему представительство на «В[ольную] С[ибирь]».

Получили ли вы все это?

Теперь следующее. Марине Цветаевой, которой я посылал мою поэму «Через океан», последняя понравилась. Но она нашла в ней некоторые недостатки, которые посоветовала изменить. На днях она пришлет мне разбор моей вещи, и я поэму, вероятно, несколько переработаю.

Так что, если вы ее нашли подходящей для себя, то прошу вас, пока я не пришлю другого списка, - не печатать ее, потому что очень ценю каждое замечание Марины Цветаевой.

Как вам показался мой рассказ? Пожалуйста, ответьте.

Вышла ли книга №8 «В[ольной] С[ибирь]»? Здесь она еще не получена.

Желаю вам всего хорошего и успеха вашему журналу.

Пишите мне, пожалуйста, по адресу: Харбин, редакция газеты «Рупор», мне, Арсению Ивановичу Несмелову.

Ваш Арс.Несмелов

Я послал все по адресу, который на вашем бланке, а редакции адрес иной (в книге). Я очень беспокоюсь.

Между прочим, о Всеволоде Иванове⁹, владивостокском Савостии. Он издал книгу «Мы». Нечто евразийское, историческое. Интересное. О книге писали. Попадалась ли вам она? Издал он и «Роман молодой души» (роман интересный), о нем тоже на Западе писали. Теперь он редактирует здесь китайский официоз «Гун бао». Остепенился. Не хотите ли вы, чтобы я привлек его в «В[ольную] С[ибирь]»? Он все же талантлив, остер, пожалуй, и глубок.

Ответьте. Ему, я знаю, очень хочется писать в Европе. Он интересен и как разбирающийся в китайщине, в душе ее и политике.

Как вы думаете, стоит ехать в Европу? Можно ли, например, найти там работу журналисту? В русских газетах, конечно.

Мне на Д.В. ужасно надоело.

Арс.Н.

О СЕБЕ И О ВЛАДИВОСТОКЕ (воспоминания)

Уважаемый Иван Александрович! Просьбу Вашу о своем жизнеописании могу исполнить только частично, а именно, расскажу лишь о том периоде моей жизни, который связан с Владивостоком. Пожалуй, это будет правильно, потому что Арсений Несмелов родился именно в этом городе, в апреле 1920 года, когда местная газета «Голос Родины» впервые напечатала стихотворение, так подписанное.

До этого дня Арсения Несмелова не существовало.

Приблизительно за две недели до своего появления человек, ставший Арсением Несмеловым - с фальшивым документом на имя писаря охранной стражи КВЖД, приехал в Приморье из Китая и, продав за двадцать иен свой браунинг, шлялся по городу, присматриваясь к его жизни.

(Где-то во Владивостоке у него должна была быть жена, но он не торопился ее отыскивать, с удовольствием втягивая ноздрями соленую свежесть весеннего моря.)

В городе же было оживленно. Военные корабли в бухте, звон шпор на улицах, плащи итальянских офицеров, оливковые шинели французов, белые шапочки моряков-филиппинцев. И тут же, рядом с черноглазыми, миниатюрными японцами, - наша родная военная рвань, в шинелках и френчиках из солдатского сукна.

Да, человек, приехавший с паспортом писаря, никуда не торопился, но двадцать иен были прожиты, «девятка» не выручила, а шуну, на которую нацелились, угнать не удалось. Утром полил дождь, перемешанный со снегом. Пробираясь между пакгаузами порта, писарь охранной стражи вышел к вокзалу, поднялся на площадь, пересек ее и увидел комендантское управление.

Иного выхода не намечалось. Приезжий вызвал дежурного адъютанта - беспогонного, красного, - и сказал ему:

- Я болен, положите меня в госпиталь.

- Что болит? - спросил адъютант.

- Нутро палит, - в тон ответил писарь.

- Врешь, наверное, - усомнилось начальство. - Смотри, не положат, всю морду искровяню.

Однако в госпиталь положили: шесть папирос подряд, выкуренных натошак, заставили сердце стучать слишком быстро... Мокрая, отяжелевшая шинель была сменена на теплый сухой байковый халат, раскисшие сапоги - на уютные шлепанцы. Сенник мягко хрустнул под усталым вытянувшимся телом. Санитар принес хлеб и чай. Спать.

А ночью японцы захватили власть в городе. Еще с вечера мимо госпиталя (он помещался в Гнилом углу, уже за городом), потянулись в сопки отряды красных, покидающих Владивосток, чтобы превратиться в партизан. Ночью застучал пулемет. Завизжала и забухала шрапнель. Японцы разоружали оставшиеся красные части.

Писарь, конечно, обрадовался. С новой обстановкой появились и новые возможности. Из-под подкладки фуражки он вытащил документ на имя адъютанта коменданта г.Омск поручика К. Нежась на госпитальной койке, поручик читал владивостокские газеты. В воскресных номерах их он увидел много стихов.

Асеев, Третьяков, Журин, какая-то Екатерина Грот и много других¹⁰. Поручик вспомнил, что некогда, еще в Москве, он писал и даже печатал стихи, и, выпросив у дежурного фельдшера несколько листов скверной рецептурной бумаги, без особого труда написал следующее:

СОПЕРНИКИ

Серб, боснийский солдат, и английский матрос
Поджидали у моста быстроглазую швейку.
Каждый думал - моя. Каждый нежность ей нес
И за девичий взор, и за нежную шейку...
И присели - врагами взглянув, - на скамейку
Серб, боснийский солдат, и английский матрос.

Серб любил лишь Дунай. Англичанин давно
Все вокруг презирал, кроме трубки и виски...
А девчонка не шла. Становилось темно,
Опускали к реке тучи савон свой низкий...
И солдат посмотрел на матроса, как близкий,
Будто другом он был или знались давно.

Закурили, сказав на своем языке
Каждый что-то о том, что Россия - болото.
И на лицах у них от сигар позолота
Колебалась. А там, далеко, на реке
Русский парень запел заунывное что-то...
Каждый хмуро ворчал на своем языке.

А потом, в кабачке, где хрипел контрабас,
Недовольно ворча на визгливые скрипки,
Пилю огненный спирт и запененный квас,
И друг другу сквозь дым посылали улыбки
Через залитый стол, неопрятный и зыбкий,
У окна, в кабачке, где гудел контрабас.

Каждый хочет любить, и солдат, и моряк,
Каждый хочет иметь и невесту, и друга,
Только дни тяжелы, только дни наши вьюга,
Только вьюга они, заclubившая мрак.
Так кричали они, понимая друг друга,
Черный сербский солдат и английский моряк.

Написал и подписал своим именем: Арсений.

Но дальше?.. В памяти - почему? - мелькнуло лицо друга, убитого под Тюменью.

- Пусть живет в моих стихах!

И подписал: Несмелов.

Через три дня - даже не в воскресном номере, так понравились, - стихи были напечатаны. С номером газеты в руках, счастливо улыбающийся, я сидел в садике над бухтой, в том самом садике, - забыл уже, как он называется, - где поставлен обелиск с двуглавым орлом, глядящим на восток. На граните бронзовые слова Николая I: «Где раз поднялся русский флаг, там он не должен быть спущен».

День был солнечный, редкий для апреля Приморья. Бухта внизу сияла теплой голубизной, и два кашалота резвились на ее поверхности, показывая и пряча свои огромные черные спины. Я улыбался и удаче со стихами, и теплу. Рядом со мной на скамье сидел японец.

- Э!.. - вдруг залепетал он. - Наверное, э, э... в газете, э э... что-нибудь очень интересное? Вы все читаете одно место и все смеетесь?

- Да! - гордо ответил я. - Очень интересное. Это мои стихи. Вот.

Японец взял из моих рук газету, помигал на нее черными глазками и сказал:

- Э!.. Иии!.. Иссс!.. Как это? Да, очень интересно. Это очень хорошо, что вы работаете в газетах... Это... Как это?

Он вытащил бумажник, порылся в нем и, достав визитную карточку, протянул ее мне. На ней я прочел:

«Реносуки Идзуми. Редактор-издатель ежедневной газеты «Владиво-Ниппо».

Представился и я, но, конечно, без карточки. Откуда ей было быть у меня...

После этого японец сказал:

- На днях мы будем выпускать русское издание «Владиво-Ниппо». Не хотите ли вы быть моим помощником? Мы ищем такого человека.

Конечно, я хотел.

Этот русский листок при японской газете вышел через два дня и стал официозом японского оккупационного корпуса. Первые две недели я был редактором, сотрудником, корректором и выпускающим этого листка, потом мне было велено расширить дело. Из числа девушек, с которыми перезнакомился, я выбрал самую грамотную (и хорошенькую) и сделал ее корректором. Из огромного количества лиц, посещавших редакцию с предложением услуг, я оставил себе одного полковника кроткого вида и посадил его за писание статей, целью которых было доказать, что без японских оккупационных войск Владивосток погиб бы.

Боже мой, как нас «крыли» оставшиеся в городе красные газеты.

Особенно доставалось нам от Насимовича-Чужака (известного), редактировавшего тогда коммунистическое «Красное Знамя». Асеев, писавший стихотворные фельетоны в левой «Далекой Крайне» тоже не однажды пробовал кусаться. Мы отбивались не без успеха: я - стихотворными стрелами, полковничек - тяжелой артиллерией своих статей.

Японцы предоставили нам полную свободу действий, взяв с меня слово в одном:

- Чтобы не перегибал палку в одну сторону.

- Но ругать я красных могу? - детализировал я распоряжение.

- Мозно! - отвечали японцы. - Но не только красных, но и белых. Мы совершенно нейтральны, и газета должна это доказать.

Я посоветовался с полковником.

- Это же легко, - с готовностью согласился он. - Я могу писать и так и этак.

- Вот и хорошо, - похвалил я его. - Значит, чередуйте удары.

После этого мы часто от души хохотали, читая обзоры других газет, где наши передовицы расценивались как барометр настроений японского штаба. Насимович-Чужак не раз с серьезным видом писал:

«Даже японская «Владиво» не скрывает своей антипатии к крайне правым группировкам Владивостока, только и мечтающим, что о захвате власти».

На другой день он, однако, молчал. Спиридон же Меркулов в «Слове» радостно и почтительно восклицал:

«Официоз японского командования «Владиво-Ниппо», вчера с достаточной ясностью выявил свои отношения к коммунистической власти Приморья».

Чтобы понять нашу веселость, надо вспомнить, что трагедия борьбы белых с большевиками в то время на Востоке уже выродилась в комедию. Не «опереточными ли правилами» называла владивостокская пресса всех этих Медведевых, Меркуловых и, наконец, Дитерихсов с их «воеводствами», «приходами» и прочим?¹¹ Разве не комичны были наши «парламенты» и «нарсобы», где меркуловский премьер-министр, волжский адвокат Василий Иванов, бия себя в грудь, клялся кого-то сокрушить, а редактор меркуловского официоза, огромный, жирный, тоже Иванов (Всеволод), с мест для публики (правда, пьяный) кричал левому депутату:

- Я тебе, сукин сын, всю морду раскровяню.

Что же оставалось делать, если не хохотать?

Плакать?

Но я не любитель слез. Да и поплакали мы уже в Омске, слава Богу. Поплакали, отходя от него, поплакали, пробираясь зимой 1920 года из Сибири в Маньчжурию. Все слезы выплакали.

Но я забежал вперед и уклонился в сторону.

Став редактором русско-японского листка, я решил, что пора (отыскивать жену и устраиваться по-человечески. Жену я нашел на Русском острове. Но до него часа полтора езды морем, а, значит, надо перетаскивать жену в город. Но Владивосток до отказа был набит японцами, чехами, французами и еще невесть кем.) За бухтой Золотой Рог, в горах уже, нашел я крепостной, принадлежащий к постройкам крепости, лишь наполовину разрушенный флигель и захватил его, поселившись в уцелевшей половине. Место было глухое, (да и время тоже). Я возвращался домой поздно, переправляясь через бухту на юли-юли. Все же я не жаловался.

В воскресный день, вечером, славно было смотреть с горы на бухту, всю забитую иностранными судами. Мощно высился среди них грозный массив японского броненосца, теперь «Микаса», а в прошлом русский «Ретвизан», плененный в Цусимском бою. Вода в бухте из золотой делалась темно-синей, корабли превращались в силуэты, просверленные точками золотых огней.

На «Микаса» вспыхивал прожектор и начинал шарить своей голубой метлой по Чуркину мысу, по кровле нашего домика. Трубила сигналы труба. Электрическая искра бегала по высокой мачте здания Морского штаба, и светящиеся мухи, как фонарики духов, населявших эту знойную и душную ночь, прыгали в ветвях деревьев.

В эти дни в городе доживали последние сибирские - колчаковские - деньги. Помню такой эпизод.

Я получил в газете свое первое жалование: двести с чем-то иен. В два часа, как всегда, я пошел обедать, и, как всегда, в дешевую городскую столовую, где обед стоил на сибирки 500 рублей (30 сен на иены). Обедали здесь главным образом беженцы, привык к ней и я.

Столы поставлены тесно, за ними много женщин. Когда, расплачиваясь и ища мелочь, я вместе с нею вынул из кармана и две стоиенные кредитки, - разговоры за соседними столами мгновенно смолкли. Я никогда не забуду ошеломленное выражение нескольких пар жадных женских глаз, приковавших взгляд к моим рукам, шелестящим деньгами. Продли я пытку, право, нельзя было поручиться, что какая-нибудь из этих женщин, загнипнотизированная шелестом и видом денег, не бросилась бы на меня и не попыталась отнять их.

Так непомерно были велики для беженцев эти маленькие деньги.

Когда я уходил, женщины, оборачиваясь, провожали меня приторно-ласковым взглядом. Вероятно, каждая из них пошла бы за мной, если бы я сделал знак.

Может быть, вечером некоторые из них бранили своих мужей или любовников, укоряя: - Другие где-то достают же деньги, а ты... - и т.д.

Прошел месяц или два. Газетенка мне надоела, ею больше занимался теперь мой полковничек. Я купался в море, загорал. К этому времени жил я уже в городе. Стихов после дебюта в «Голосе Родины», сделавшего меня редактором газеты, я больше не писал. Не писал до тех пор, пока в «Далекой Украине» не увидел стихов Асеева:

Оксана, жемчужина мира,
Я воздух на волны дробя,
На дне Малороссии вырыл
И в песню оправил тебя...

И так далее.

Или еще:

Надушен магнолией
Нежный воздух юга,
О, скажи, могло ли ей
Сниться сердце друга...

- Вот это стихи! - подумал я. - Надо и мне научиться так писать.

С тех пор все, что я сочинял и находил хорошим, я посылал в «Далекую Украину», и там, начиная с первого, посланного мною, все стихи печатались.

Стороной я проведаль, что про меня говорят, будто я горбун, урод, не желающий, чтобы это знали, а потому никому не показывающийся. Меня это забавляло, и потому я продолжал хранить свое инкогнито еще несколько месяцев.

Но во Владивостоке существовал литературно-художественный кружок и при нем «Балаганчик» - веселый кабачок, где читались стихи, доклады и прочее. Душой его был С.Третьяков. Соблазн был слишком велик. Мне захотелось познакомиться с обоими поэтами (т.е. и с Асеевым).

Особенно я полюбил Третьякова. Мою «Владиво-Ниппо» мне простили, может быть, потому, что эта газетенка не была злой и вреда, собственно, никому не делала.

Познакомился я тут, между прочим, с замечательным человеком - Юрием Галичем¹². Он теперь у вас в Европе. Он так учил меня писать стихи, и я должен был его слушать (но не слушаться, конечно, ибо он был в чине генерала Генерального штаба (генералом в квадрате), а я только поручиком).

Показывая разграфленный лист бумаги, Галич говорил:

- Вот, например, я хочу написать морское стихотворение. Ну, скажем, вроде «Капитанов» Гумилева. Для этого я делаю так. Мне необходим морской словарь, морские слова, язык. И вот в эту клетку я пишу, например, слово румпель и затем начинаю подыскивать румпелью морскую рифму.

- Кумпол! - говорю я, улыбаясь.

- Какая же это морская рифма? - не соглашается генерал. - Она хороша была бы для юмористического стихотворения. Нет, я беру «румб» и ищу в словаре значения этого слова. Затем беру, скажем, «бизань» и к нему...

- Рязань?

- Нет. Ищу что-нибудь морское... словом, потом, когда все клетки-рифмы заполнены, я начинаю подбирать и прочие слова.

Этот генерал издал во Владивостоке книгу стихов, названную им, кажется, «Свиристели». Возможно, что так назывался лишь отдел в его книге, но все же «Свиристели» - были. С.Третьяков, он был тогда товарищем министра внутренних дел, хотел его за бездарность этой книги выслать из Приморья. Отговорили.

Во Владивостоке в то время было около пятидесяти действующих (как вулканы) поэтов. Из них, помимо Рябинина, талантливого мальчика-наркомана, уехавшего в СССР и там затерявшегося, чрезвычайно даровитого Венедикта Марта¹³, тоже наркомана и тоже позже уехавшего в СССР.Его брата Фаина (фаин, китайское слово, обозначающее особое состояние после курения опиума), конечно же, наркомана и вдобавок еще и клептомана, уехавшего в СССР и там, по слухам, расстрелянного за участие в грабеже.

Других забыл.

Все они вертелись около «Балаганчика». Многие, как, например, Рябинин, в нем жили. т.е. спали. Когда у Рябинина не было денег на водку и кокаин, он срезал огромными кусками ситцевую обивку стен и продавал материю. Третьяков приходил в ярость.

В «Балаганчике» часто устраивались конкурсы стихов на премию. Однажды я за стихотворение получил 50 иен - франков пятьсот по теперешнему курсу. «Современные записки» вот уже несколько лет должны мне за два стихотворения 76 франков.

Так мы и жили.

Но назревал новый переворот. Японцы вооружили разоруженные части каппелевской и семеновской армий, просочившиеся в Приморье. Однажды мой японец сказал мне:

- Э!.. Эт-то!.. Как его?.. Кажется, завтра будет переворот.

- Это определено?

- Определенно не извежно, но кажется.

Я поехал к Николаю Меркулову, который мне нравился басистой раскатистостью капитанского голоса и решительностью жестов. Дома его не было.

- Завтракает в ресторане «Золотой Рог».

Знаменитого человека я застал в большом кабинете с балкончиком в общий зал. С ним было еще двое каких-то господ. На столе стояла водка и на закуску только что поданные, отварные, дымящиеся, нежно-розовые китовые пупки с картофелем.

Выпил и я.

- Я думаю так: Приморье должно стать японским генерал-губернаторством! - сказал Меркулов, когда я ему сообщил о готовящемся перевороте. Сказал и поглядел на меня вопросительно, ища сочувствия. Я пожал плечами. Я ничего не имел против японского генерал-губернаторства.

Но переворот в эту ночь не состоялся. Он произошел лишь через несколько недель.

Обычный для таких событий гвалт, шум и редкие выстрелы.

Я, конечно, не дома. Стрельба идет в районе улицы Петра Великого, там, где помещалась медведевская Госполитохрана. На Светланке, с винтовками, переворотчики.

Они с угла обстреливают балкончик Госполитохраны, часовой которой не хочет сдаться. Этот человек был единственным солдатом, защищавшим правительство Медведева. Потом его все-таки «сняли».

Впоследствии я узнал, что фамилия смелого человека была Казаков. Несколько лет спуста я работал вместе с его братом, художником, в одной из харбинских газет.

Еще до событий Асеев и Третьяков покинули Владивосток. Третьяков уехал в Пекин, Асеев - в Читу. Помню, уезжая туда, Асеев очень боялся ст.Гродеково, занятой остатками войск атамана Семенова. Как журналиста, работавшего в левой газете, его могли, как он думал, «снять», убить, избить, выпороть шомполами.

Надо сказать, что Николай Васильевич храбростью не отличался. Во время чумы, свирепствовавшей во Владивостоке в 1921 году, он ужасно боялся захворать и не выходил на улицу без дрянного респиратора, которые в то время фабриковались во всех аптеках. Поэт не хотел понять, что щели между волокнами ткани для микроба шире, чем для человека - ворота, а следовательно респираторы - «ерунда собачья».

Уезжая в Читу, Асеев, боясь ст.Гродеково, попросил меня дать ему какую-нибудь японскую бумажку, которая гарантировала бы неприкосновенность личности.

Я дал ему свое удостоверение, в котором было сказано, что предъявитель - редактор русского издания «Владиво-Ниппо». Не знаю, прибежал ли Асеев к этой «липе», но в Китай он проехал благополучно.

За несколько недель до его отъезда я издал свою первую книгу стихов, так и называлась она «Стихи», - вы эту книжку знаете и ее, помню, даже хвалили в «Вечере».

Позже я издал поэму «Тихвин», маленькую вещь, которую в газетах похвалили. У меня не осталось ни одного экземпляра этой книжечки, и я уже забыл все ее стихи.

Прошел скучный год. Вас уже не было во Владивостоке.

Этот год был знаменит совершенно исключительными в истории русской журналистики газетами, расплодившимися во Владивостоке.

Они создавались так. Несколько наборщиков организовывались в артель, и артель эта отыскивала редактора - обычно, какого-нибудь запянцовского журналиста. Принцип оплаты был марочный. Тон - ярко-желтый. Брали и за напечатанное, и, главным образом, за ненапечатанное. Эти газетки обложили данью все игорные притоны и все публичные дома Владивостока. Марочных редакторов часто били, но они от этого в уныние не впадали.

Одна из таких газет, кажется, «Руль», оказалась выдающейся даже в области шантажа: талант исключительный выявила. Редактировал ее известный всему Дальнему Востоку фельетонист Кок (Николай Панов), впоследствии расстрелянный большевиками. Вместе с ним работал в «Руле» талантливый, ныне покойный, поэт Леонид Ещин¹⁴.

Однажды редакция «Руля» давала банкет приехавшему во Владивосток из Харбина Скитальцу. В разгар чествования жена Кока, чем-то рассерженная, неожиданно появившись, разбила пивную бутылку о голову мужа.

Вытирая кровь со лба, Кок спокойно сказал Скитальцу:

- Вы видели? Хорошо еще, что она не разбила мне пенсне...

Он был очень близорук.

В 1924 году, летом, когда в тюремную камеру вошли солдаты, чтобы вести Колю на расстрел, он снял пенсне и сказал, передавая его надзирателю:

- Отдайте моей Машке. Оно - золотое.

Потом, обращаясь к товарищам по камере, снимая пиджак:

- А это вам.

Но вдруг снова натянул пиджак на плечи, усмехнувшись:

- Нет, черт возьми, простудишься!

В дни перед расстрелом его жена с утра и до темноты сидела за стеной кладбища, откуда была видна тюрьма и окно камеры Кока. Несчастливая женщина приходила сюда с четвертью водки и запасом кокаина. Полубезумная, она посылала окну поцелуи и то плакала, то богохульствовала.

Я помню исключительную наблюдательность Кока.

Раз мы все шли куда-то. На ступеньках крыльца, куда нам надо было войти, лежал огромный пес. Я шел впереди и, увидев собачину, на десятую долю секунды замедлил шаг.

- Ага, боишься, сука! - тотчас же сказал Кок, взглянув мне в лицо.

Кок был отличным товарищем и очень добрым по натуре человеком. За два года до нашего знакомства Кок был богат, владел с отцом лучшей типографией в городе и большим домом. Кока расстреляли за то, что многие из людей, прибывших с большевиками во Владивосток, став у власти, не могли простить фельетонисту его насмешек и издевательств.

Войска Меркулова стали наступать на Хабаровск и взяли его. Было много молебнов. Потом Хабаровск отдали и опять было много молебнов.

Кольцо партизан все теснее сжимало Владивосток.

В связи с этим случались уже и курьезы.

Однажды в редакцию «Владиво-Ниппо» пришел посыльный, сунул мне пакет и попросил расписаться. Я расписался, а когда посыльный ушел, и я вскрыл пакет, то в нем оказались прокламации красных и номер «Красного Знамени», отпечатанный где-то в таежной деревне.

Раз, катаясь на моторном катере по Амурскому заливу - нас было человек семь, - мы, сделав верст двенадцать, пристали у одинокой скалы Коврижки. Карабкаясь на эту могилу каторжан, строивших Уссурийскую дорогу, - мы наткнулись на дотлевавший костер, указывавший на присутствие людей.

Почти рядом, в расщелине, мы нашли их: двух парней с одной берданкой. Было оружие и у нас.

- Что за люди?

Они не запирались.

- Партизаны с той стороны. Связь.

Злоба Гражданской войны уже угасла в нас, хотя почти все мы еще недавно были офицерами. Да, мы не ощутили в них врагов, не тронули их и никому не сказали об их присутствии на Коврижке. Не жалею ли я теперь об этом? Нет, слишком ласковы были небо и море и слишком мы обмякли уж от стихов и всего того, что Кок называл «мурой», - «убить» не вышло бы так естественно, как это выходило два года назад. А, следовательно, убивать не надо было.

Красные на Угольной, в тридцати верстах от Владивостока. Нейтралитет с японцами, очищающими Приморье, стянувшими последние отряды к городу. Завтра уходит запоздавший пароход, какой-то японский «Мару», послезавтра большевики займут Владивосток.

Ехать мне или нет?

Два года я дрался с большевиками, но драться с человеком не значит узнать его. Почему же не посмотреть, не познакомиться? Перспектива слишком заманчива, но и опасность велика, если большевики знают обо мне в с е.

Остаюсь в твердой уверенности, что не меня первого будут арестовывать, а, следовательно, удрать всегда успею - не сушей, так морем.

Еще несколько дней. Регистрации, высылки, аресты, правда, немногочисленные. В бухте Золотой Рог - для охраны резидентов, - японский броненосец и армейский крейсер.

На улицах шествия, красные знамена и «Красное Знамя», перекочевавшее из сопок в типографию, где неделю назад печатался дитерихсовский официоз. Во «Владиво-Ниппо» - кореец-цензор. «Владиво» завтра самоликвидируется - большевики не помешали выпустить при них еще два номера.

Звонок по телефону.

- Кого?

- Несмелова.

- Я. Кто говорит?

- Редактор «Красного Знамени» Рахтанов.

- Я к вашим услугам.

- Мы предлагаем вам заведывать в нашей газете литературно-художественным отделом. Согласны? Ответ немедленно.

- Согласен.

В тот же вечер я познакомился с милейшим из коммунистов Рахтановым, два года спустя исключенным из партии и затем вскоре умершим от заворота кишок. Настоящая его фамилия была Лейзерман, его мать имела, а может быть, и сейчас имеет аптеку в Харбине.

В вечер знакомства я с Рахтановым отлично поужинал в кабинете ресторана «Золотой Рог», в том самом, где когда-то ел с Меркуловым отварные кэтовые пупки. Мы быстро договорились по всем вопросам. Оказалось, что мое литературно-художественное «заведывание» сводилось лишь к писанию ежедневных стихотворных фельетонов. Для начала это было неплохо.

На другой день я выругал Меркулова, и сделал это не без удовольствия.

Однако Рахтанова, проявлявшего слишком большой интерес к владивостокским ресторанам, скоро места лишили. Право, это был замечательный человек. Всегда он был весел, остроумен и жизнерадостен. Был он и хорошим оратором. Я всегда с большим удовольствием слушал его выступления перед рабочими. Он умел зажигать и говорил умно. Между прочим, являясь в редакцию уже перед версткой, к тому времени, когда надо было гасить линотипы, - он диктовал передовицы прямо линотиписту, так, что слово его, минуя бумагу, непосредственно отливалось в металл.

И все-таки, несмотря на все эти таланты, Рахтанова убрали.

Новый редактор сказал мне:

- Позвольте, товарищ, но не вы ли редактировали русское издание «Владиво-Ниппо»?

- Да, это я.

- Тогда вам у нас не место.

Я был с ним вполне согласен и потому не протестовал, но дело осложнялось тем, что для того, чтобы получить какую-нибудь работу, я должен был стать членом союза. Увы, ни в один из союзов меня не приняли.

Когда я пришел туда в первый раз, меня спросили:

- А кто вас, товарищ, может рекомендовать с хорошей стороны?

- Моя книга стихов! - гордо ответил я.

- Справимся, - отвечали мне, пожимая плечами.

Справлялись и отказывали.

Жизнь в городе стала мне не по карману. Я перебрался на Чуркин мыс, за сопки, в бухту Улисс. Где жить, мне стало безразлично: у бухты этой было, по крайней мере, красивое имя. Рядом с моим домиком, еще выше в гору, находилось кладбище, и на нем, в двух лачугах, ютились сестры женского монастыря. При монастыре жил батюшка, восьмидесятилетний слепой священник, все еще оправлявший требы. Я любил слушать, как он служит на могилах.

Позвольте привести мои стихи об этом кладбище, посреди которого, обсосанный тайфунами, высился гранитный памятник защитникам «Варяга». Я люблю это стихотворение, но его почему-то нигде не печатают.

КЛАДБИЩЕ НА УЛИССЕ

Подует ветер из проклятых нор
Пустынной вулканической Камчатки,
Натянет он туман на зубья гор,
Как замшевые серые перчатки.

Сирена зарывает на мысу,
Взывая к пароходов каравану.
На кладбище, затерянном в лесу,
Невозмогу покойникам... Восстанут.

Монахиня увидит: поднялись
Могучие защитники «Варяга»,
Завихрились, туманом завились
И носятся белесою ватагой.

И прочитает «Да воскреснет Бог»,
И вновь туман плывет текучей глиной,
Он на кресте пошевелит венки,
Где выцветает имя - Флорентина.

Встает бледна, светла и холодна,
В светящемся невестином наряде...
Двенадцать лет она уже одна,
Двенадцать лет под мрамором, в ограде.

О, если б оторваться от креста,
Лететь, лететь, как листья те летели,
Стремительным кружением листа,
В уют жилья, в тепло большой постели!

И розоветь, как пар в лучах зари,
И оживать, и наливаться телом,
Но дальние заныли звонари,
За сопками, в тумане мутно-белом.

И прячется в истлевшие гроба
Летучая свистящая ватага...
Трубит в трубу, тайфун его труба,
Огромный боцман у креста «Варяга».

Бухта Улисс, 1923 год.

А вот еще одни стихи, написанные тоже в бухте Улисс, но уже зимою:

Я живу в обветшалом доме
У залива. Залив замерз.
А за ним, в голубой истоме,
Снеговой лиловатый торс.

Та вершина уже в Китае,
До нее восемнадцать миль.
Золотая, золотая,
Рассыпающаяся пыль!

Я у проруби, в полушубке,
На уступах ледяных глыб -
Вынимаю из темной глуби
Узкомордых, крыластых рыб.

А под вечер, когда иголки
В щеки вкальваются остро,
Я уйду: у меня на полке,
Как Евангелие - «Костер».

Вечер длится, и рдеет книга.
Я - старательная пчела.
И огромная капля мига
Металлически тяжела.

А на утро, когда мне надо
Разметать занесенный двор,
На востоке горы громада -
Разгорающийся костер.

Я гляжу: золотая глыба,
Великанова голова.
И редет, и плещет рыбой
Розовеющая синева.

И опять я иду на льдины,
И разметываю лесу,
И гляжу на огни вершины,
На нетлеющую красу...

Если сердце тоска затянет
Под ленивый наважий клев -
Словно оклик вершины грянет
Грозным именем: Гумилев!

Конец моей жизни во Владивостоке погибает к ее началу, как хвост змеи к ее голове. В городе осталась одна лишь не-коммунистическая газета, а именно «Голос Родины», где когда-то я напечатал свое первое стихотворение. Редактор-издатель ее М.Н.Вознесенский стал печатать мои фельетоны.

Потом закрыли и «Голос Родины».

Осталось еще несколько журнальчиков, издаваемых «Помголом» и еще кем-то. Там меня еще печатали. Наконец, зимой я стал жить тем, что пробив луночку во льду бухты, ловил навагу. Профессия, ставшая модной во Владивостоке среди «бывших». Моим соседом по луночке был старый длинноусый полковник. Таскали рыбку и ругали большевиков, а десятого числа каждого месяца являлись вместе в комендатуру ГПУ, коей были взяты на учет.

К весне все это мне до того надоело, что я стал писать стихи о Боге и перечитывать Достоевского. Надо было что-то придумывать. Однажды, уже в мае, я задержался в городе до вечера.

Приятель предложил переночевать у него, я согласился, и, так как было еще рано, мы с ним пошли в кинематограф. Показывали «Гамлета» с Астой Нильсен. По идее сценария Гамлет был девушкой, чем автор и объяснял нерешительность и слабоволие Гамлета.

В финальной сцене Горацио, расстегнув камзол на груди раненого принца, понял сразу все. Конечно, Гамлет был влюблен в Горацио.

И вот напряженно вытянувшийся, окоченевший труп принца солдаты несут высоко над своими головами - на вытянутых руках. Голова Гамлета запрокинута. Процессия проходит аллеей склоненных над мертвой скрестившихся копей.

Как красива может быть смерть, и как глупа, безобразна жизнь!..

Ничего не произошло, но сердце забилось сильнее, крепче набирала и выталкивая кровь. После кино пошли в матросский кабачок, называвшийся «За уголком». Там, в единствен-

ной - н а ш е й - отдельной комнатухе-клетке, увидели двух приятелей, тоже бывших офицеров. Они пили водку, закусывая мороженым. Это нас удивило, но попробовав, мы убедились, что спирт под мороженое «идет» неплохо.

Кто первый сказал: «Господа, драпанем в Харбин!» - я не помню, но эта фраза была сказана, и все мы ответили коротким:

-Заметано!

Два дня мы положили себе на подготовку, а десятого мая решено было встретиться в комендатуре ГПУ, куда все мы должны были явиться для очередной регистрации. При выходе оттуда, мы хотели условиться о следующей встрече.

На другой день я продал свой «Ундервуд» и заказал сапожнику подметки из самой крепкой кожи к имевшейся у меня второй паре ботинок - путь предстоял немалый. Десятого же мая пошел на регистрацию. Встав в очередь, извивающуюся вавилонями по большой комнате комендатуры, я пополз к окошечку, здороваясь со знакомыми. Среди них были и остальные заговорщики. По их лицам я понял, что все в порядке, что план не расстроился.

Когда я, наконец, подполз к окошечку, румяный еврей-регистратор, беря мою карточку, сказал мне:

-Если за вас поручатся два члена профсоюза, мы снимем вас с учета.

Это означало, что я уже не буду привязан к Владивостоку и могу ехать куда мне захочется, хотя бы в Москву. Но - поздно. Пишущая машина была продана, а на ногах прочно сидели крепчайшие буцы, торопившие ноги в поход.

Чуть было не забыл. В это время в типографии Коротя, той самой, что принадлежала прежде, уже в то время приговоренному к смертной казни, Коку-Панову, сидевшему теперь в тюрьме в ожидании ответа ВЦИКа на просьбу о помиловании, - заканчивала печататься моя вторая книжка стихов, которой я дал имя «Уступы». За день до нашего ухода из Владивостока она была уже готова и надо было заплатить деньги и брать издание.

На что оно было нужно теперь?..

Я зашел к Коротю, выпросил у него до расчета пятьдесят книжек, немедленно же продал знакомым экземпляров пятнадцать, обогатил свою кассу и, разослав оставшиеся экземпляры «Уступов» лицам, которые, по моему мнению, могли интересоваться (моими) стихами, - предоставил типографщику распорядиться изданием, как ему заблагорассудится.

Словом, 11-го июля 1924 года мы, вчетвером, приехали на ст.Седанка и поплелись по берегу залива навстречу китайцу, который должен был прибыть к условленному месту на своей юли-юли. Накрапывал дождь. Море было серым, но спокойным.

Вот вдали показался парус.

- Он?

- Он.

Наступил самый опасный момент. Мы должны были сесть в лодку и прямым курсом гнать на тот берег Амурского залива. Слежка за побережьем была страшная. Наш курс сразу же мог показаться подозрительным любому из чекистов и... Но ничего не случилось. Право, опасность всегда приходит в тот миг, когда ее не ждешь. А может быть, нас выручил дождь, который стал сильнее и загнал всех под крышу.

Берег удалялся. Удалялись конусообразные сопки, увенчанные бетонными сооружениями крепостных фортов. Через полчаса наш парус уже не виден был с берега. Двадцать верст морем мы прошли в три часа. Потом девятнадцать дней блуждали по сопкам и тайге и, наконец, первая станция Китайской Восточной железной дороги. Затем Харбин.

В Харбине ничего интересного со мной не происходило. В ноябре этого года я здесь издал книжку стихов «Красный отблеск». По ошибке издание помечено прошлым (28-м) годом. Будьте здоровы.

Арсений Несмелов
1929 год, Харбин.

---

¹Якушев Иван Александрович (1882-1935) - видный сибирский общественный и политический деятель, один из активных деятелей сибирского областничества. В январе 1918 г. избран председателем Сибирской областной думы. С 1922 г. в эмиграции, где создал Общество сибиряков в Чехословацкой республике и издавал альманах «Вольная Сибирь». Более подробно см.: Белая армия. Белое дело. - 1997. - №4. - С.155-164.

- ²Третьяков Сергей Михайлович (1892-1937) - поэт и прозаик. В 1919-1922 гг. находился на Дальнем Востоке, во Владивостоке, где работал администратором студии Литературно-художественного общества. Позднее вернулся в Москву. В 1937 г. репрессирован.
- Бурлюк Давид Давидович (1882-1967) - поэт и художник, один из первых футуристов. В нач. 1920-х гг. эмигрировал в Японию, вскоре в США, где издавал журнал «Цвет и рифма». В 1956 г. приезжал в СССР.
- Бета (наст. фамилия Буткевич) Борис Васильевич (1895-1930) - поэт и прозаик, активный участник литературной жизни Владивостока. Эмигрировал сначала в Харбин, затем в Европу. Умер в Марселе.
- ³Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1886-1964) - поэт, прозаик, издатель. В 1920 г. эмигрировал в Париж, откуда финансировал журналы «Современные записки», «Вольная Сибирь». Позднее, перебравшись в США, основал там издательство «Алатас».
- ⁴Слоним Марк Львович (1894-1976) - литературный критик и издатель, регулярно печатался на страницах пражского журнала «Воля России».
- ⁵Ачаир (наст. фамилия Грызов) Алексей Алексеевич (1896-1960) - поэт, автор пяти поэтических сборников, изданных в Китае. Окончил кадетский корпус в Омске, поступил в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию. В 1922 г. эмигрировал в Харбин, где создал литературно-художественное объединение «Чураевка». В августе 1945 г. арестован вместе с А.И. Несмеловым, получил десять лет лагерей. Последние годы жизни провел в Новосибирске, преподавая пение в одной из школ города.
- ⁶Грызов Алексей Григорьевич - полковник Сибирского казачьего войска. отец А.Ачаира.
- ⁷Кауфман Евгений Самойлович - харбинский издатель, директор-распорядитель издательства «Заря». Редактировал и издавал газеты «Рупор» и «Заря»; журналы «Рубеж», «Ласточка» и др. В августе 1945 г. арестован, направлен в ГУЛАГ, после освобождения проживал в Свердловской области. Умер в нач. 1970-х гг.
- ⁸Щербаков Михаил Васильевич - поэт и прозаик, создатель литературного объединения «Восток», издатель альманахов «Врата» и «Понедельник». Долгое время проживал в Шанхае, много путешествовал по Азии. Покончил жизнь самоубийством во Франции в сер. 1950-х гг.
- ⁹Иванов Всеволод Никанорович (1889-1971) - прозаик, поэт, журналист. Издавал «Вечернюю газету» во Владивостоке, печатался во многих других дальневосточных изданиях. Эмигрировал в Китай, где выпустил несколько книг. После 1945 г. вернулся на Родину, проживал в Хабаровске, продолжая занятия литературным творчеством. Более подробно см.: Белая армия. Белое дело. - 1997. - №3. - С.126-144.
- ¹⁰Журин Александр - переводчик Бодлера, в 1915 г. издал в Москве сборник «Радостный круг», из Владивостока эмигрировал в Японию.
- Грот Елена Петровна (1891-1968) - поэтесса. В годы Гражданской войны приехала во Владивосток из Америки вместе с мужем, командированным в армию адмирала А.В.Колчака, в нач. 1921 г. вернулась в США.
- ¹¹Братья Меркуловы играли значительную роль в экономической и политической жизни Приморья. Николай Дионисьевич прошел путь от плотника и матроса до капитана и судовладельца. На свои средства он выучил в Петербургском университете брата Спиридона, ставшего присяжным поверенным, а в 1921 г. - председателем Временного Приамурского правительства. Позднее братья эмигрировали.
- Дитерихс Михаил Константинович (1874-1937) - профессиональный военный, генерал-лейтенант. В армии А.В.Колчака командовал корпусом, фронтом, был военным министром правительства. В августе 1922 г. избран Правителем Земского Приамурского края. Позднее эмигрировал в Китай. Более подробно см.: Белая армия. Белое дело. - 1997. - №4. - С.99-118.
- ¹²Галич (наст. фамилия Гончаренко) Георгий Иванович (1877-1940) - профессиональный военный, поэт и прозаик. Автор более дюжины книг. В 1920-е гг. эмигрировал в Европу и большую часть жизни провел в Латвии.
- ¹³Март (наст. фамилия Матвеев) Венедикт Николаевич (1897-1937) - поэт. Активно печатался на Дальнем Востоке, в Харбине и, по возвращении из недолгой эмиграции, в СССР. Репрессирован и расстрелян.
- ¹⁴Ещин Леонид - поэт. В 1921 г. во Владивостоке вышел сборник его стихов. Позднее эмигрировал и умер в Харбине в 1930 г.

Примечания Н.И.Дмитриева.

ПРИПОДНИМАЯ ЗАНАВЕС ИЗ ТОНКОГО КИТАЙСКОГО ШЕЛКА... (ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОГО РЕПАТРИАНТА).

Эти «про мемории» я писал исключительно для себя, для своей семьи, для своих потомков. Для себя, ибо память человеческая со временем покрывается пеплом забвения, стираются имена, лица, события, даты. Для своей семьи, ибо вся моя семья, созданная здесь, в Екатеринбурге, за границей не была и тех моих родных, знакомых и друзей в лучшем случае знает крайне поверхностно и отрывочно. Для своих потомков, ибо каждый должен знать свой род и места, откуда он произошел. Все это тоже Родина.

Конечно, многие статистические и исторические сведения я выправил по разным справочникам, ибо сам никогда дневников не вел. Однако сама жизнь того далекого мальчика из сложной и многонациональной семьи передана мною так, как она отпечаталась в той моей детской и юношеской памяти. Так, как я ее видел, воспринимал, переживал.

Эту часть своей жизни я отдаю сейчас последующим поколениям на добрую память.

* * *

МЛАДЕНЧЕСТВО - ХАРБИН

В середине октября 1917 г., за две недели до большевистского переворота, дедушкина семья прибыла в Харбин. У деда были благие намерения - вернуться в Грецию через Китай и там заняться коммерцией. У 33-летнего предприимчивого человека голова была полна идей, но и пороков тоже. Он не знал, что ему больше не суждено увидеть родную Элладу, кроме как с корабля при долгом пути из Китая в Южную Америку.

Харбин того времени состоял из семи районов, каждый из которых имел свое лицо. У реки Сунгари (точнее Суньхуацинь), правом притоке Амура, лежала Пристань с речным портом и коммерческим центром, где располагались наиболее престижные банки, театры, кафе. Новый Город был выстроен на холме к югу от пристани и отделялся от нее линией КВЖД. В этом районе находились широкие улицы: Большой проспект, Новоторговая и проспект Сунгари. Тут расположились иностранные консульства и клуб КВЖД. К востоку от Пристани лежал восьмой участок - смесь фабрик, заводов и железнодорожных веток. Еще дальше был китайский квартал Фудзянь. К юго-востоку от Пристани находились Старый Город и Модягоу, которые имели облик русских провинциальных городков. Наконец, к юго-западу от Пристани располагалась Нахаловка - место обитания бедноты.

Из 250 000 русских, ушедших с Белыми войсками на Дальний Восток, большинство осело в Китае, в том числе 155 000 человек в Маньчжурии. Население Харбина в 1922 г. составляло 485 000 жителей, из них 120 000 были россиянами.

Наша жизнь текла размеренно медленно. Конечно, управляла всем хозяйством бабушка. Дядя работал в престижной страховой компании «Интернейшенел сейвингс сосаити». Инициалы этой фирмы красовались на очень крупных щитах рекламы. Чем там занимался дядя, я не знаю, но денег приносил достаточно. Мы не терпели нехватки в пище, одежде, развлечениях, а каждое лето выезжали на дачу в Затонск, на левом берегу Сунгари.

Счастье родителей оказалось недолгим: в октябре 1931 г., когда мне шел третий год, они разошлись. Забегая вперед, скажу, что мама вышла потом замуж за Б.А. Румянцева, который был очень престижным адвокатом и импозантным мужчиной, носившим даже корсеты и румянившим лицо. Он был выпускником Казанского университета и прапор-

Харбин, Новый город. Центральный магазин И.Я. Чурина на углу Большого проспекта и Новгородней улицы.

возглавил там районную коллегия адвокатов, но прожил недолго и в 1959 г. умер от разрыва сердца. Там он и похоронен: в этом забытом богом поселке, от которого до ближайшей железнодорожной станции целых десять километров.

В Харбине я прожил всего 7 лет и, следовательно, все мое дошкольное время прошло там. Я себя помню с очень раннего возраста, но эти воспоминания, вполне естественно, фрагментарны и отрывочны. От города в памяти остался его русский облик. Правда японцы сделали его современным каменным городом на европейский манер, но в мое детство это был типичный русский провинциальный город с деревянными избами, каменными лабазами и кирпичными лавками, с извозчиками и даже городовыми. Город был наводнен русскими. На его улицах можно было встретить остатки всех разгромленных Белых армий, осколки русского чиновничества и купечества. Тут были и дутовцы, и деникинцы, и калединцы, и каппелевцы, и колчаковцы, и унгерновцы, и конечно семеновцы. На улицах города можно было увидеть генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса, атамана Григория Михайловича Семенова, главу русских фашистов Константина Владимировича Родзаевского, и всеильного начальника КВЖД генерала Дмитрия Леонидовича Хорвата, имевшего импозантный генеральский вид. Злые языки говорили, что на деньгах, выпущенных им для внутренних расчетов железной дороги, в парах мчащегося на рисунке купюр паровоза было изображено лицо красавицы-дочери. Человеческая фантазия всегда ищет чего-то необычного и, самое главное, находит это необычное.

Кстати, с одним из тех, кого тогда можно было встретить на улицах города из верхушки Русской фашистской партии - Борисом Румянцевым (однофамилец отчима автора. - ред.), я был знаком и вместе с ним приехал на Родину. Из Находки я отправился на Урал, а он - в один из филиалов ГУЛАГа.

Здесь, на улицах Харбина, при полном параде ходили бывшие генералы, полковники, штабс-капитаны, прапорщики и рядовые русской армии, многочисленные атташе разных экзотических стран, самозванные китайские генерал-губернаторы с маузером на боку, низкорослые и очкастые японские советники в штатском, которые через несколько лет надели форму с поперечными погонами и с длинной самурайской саблей под мышкой. На улицах города красовались вывески на русском языке. Сами улицы носили русские имена, а над городом блестили маковки церквей и восьмиконечные православные кресты. Здесь по-прежнему обращались «ваше благородие» и «ваше превосходительство». Здесь был как бы сколок Российской империи, где время остановилось Октябрьским переворотом.

Хорошо помню набережную Сунгари и высокий утес на левом крутом берегу. На самом верху утеса стоял ослепительно белый павильон «Яхт-клуба». Там по праздникам играла музыка и веселились богатеи. Ниже по течению панораму набережной пересекал железнодорожный мост, перед которым находилось лучшее дачное место - Затон. Здесь мы отдыхали несколько сезонов подряд, и это всегда было большим и светлым праздником.

щиком Сибирской армии генерала М.В. Ханжина. Это он, одним из последних покидал в 1919 г. Екатеринбург и, когда спустя полвека он приехал наведаться в этот город, то показывал по каким улицам отступала его часть.

Он стал жить с мамой, хотя официально закрепил брак лишь в 1943 году. В 1932 г. у них родилась дочь Галина, с которой и по сей день мы дружим. Супруги Румянцевы приехали в СССР в 1955 г. и были определены в поселок Комсомолец в Западном Казахстане. Борис Анатольевич

Харбин. Иверский храм (1908 г.) на Офицерской улице. Жители города знали его как Военный (Гарнизонный) храм, в котором был похоронен генерал В.О.Каппель.

Харбин имел все язвы современного мира, разбавленные китайской экзотикой. На моей памяти в городе начались похищения, в которых обвиняли китайских разбойников-хунхузов. Обычно выслеживался кто-нибудь из местных богатеев. Его похищали, а затем грязный и оборванный китаец открыто приходил к семье и требовал выкуп. По-моему, первым из этой череды похищений был аптекарь Кауфман. Из наиболее известных похищений меня поразило дело талантливого пианиста Семена Каспе -

сына богатого еврейского ювелира, гражданина Франции. Хунхузы потребовали большой выкуп, и семья Каспе категорически отказалась платить. Тогда на протяжении нескольких недель в адрес отца Каспе высылались отрезанные уши и пальцы похищенного, пока, наконец, не нашли сам труп. Насколько я помню, виновные обнаружены не были, хотя кое-кого арестовали, но вскоре отпустили. Подробно об этом деле я прочитал спустя полвека в книге Джона Дж. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945».

Еще одно почти легендарное имя из преступного мира волновало наши детские умы. Это некий Корнилов, который был матерым и безжалостным убийцей и грабителем, наводившим ужас на харбинцев. Его несколько раз арестовывали, но он буквально фантастически убежал каждый раз из-под стражи. Маленькие дети лишь при упоминании фамилии Корнилова сразу утихали.

Ярким воспоминанием осталось наводнение летом 1932 года. Сунгари вышла из берегов и залила район Пристани. Меня разбудили глухой ночью и срочно перевезли к деду. По улицам к радости ребятишек перемещались на лодках.

Здесь, в Харбине, у нас был широкий круг знакомств, главным образом среди русских. Но из всех них запомнилась лишь фамилия Лидочки Косныревой - молодой, красивой девушки, в которую я, карапуз, был втайне влюблен. Мама говорила, что рядом с нами жили Бриннеры, и их сын Юрка бегал по нашему двору. Поди знай, что это будущий знаменитый артист Юл Бриннер. Там же, где-то около нас, жил и будущий диверсант Иван Мищенко, зять генерала Кислицына, герой повести В.О.Богомолова «Момент истины». Моя мать, прочитав повесть, сразу его опознала. В одной из гимназий преподавал отец Сторожев, тот самый, что служил молебны Романовым в доме Ипатьева в Екатеринбурге.

Еще одно яркое воспоминание харбинского детства - прослушивание радио из Иркутска, что считалось делом рискованным. Можно было прослыть красным. Но новости и музыкальные программы слушали регулярно. Особо часто тогда на иркутской волне передавали арию «Карамболина, Карамболетта» из «Фиалки Монмартра». Я ее и пел всюю в детстве, привлеченный загадочной непонятностью этих нерусских слов.

Запомнилось появление японцев. Это случилось 5 февраля 1932 г. Город как-то сразу помрачнел и стал печальным. В нем разместились части Квантунской армии и еще с дюжину военных подразделений, а улицы наводнили военные в разных формах и званиях. Затем провозгласили марионеточную империю Маньчжоу-Го во главе с последним отпрыском маньчжурской династии императором Пу-И. Его приезд в город был обставлен строгостями: ставни и окна велели закрыть и не подходить к ним под страхом стрельбы. А он, император, в каком-то несуразном черном костюме с золотыми позументами и большим плюмажем на кепи, торжественно проехал под усиленной охраной в длинной как торпеда машине.

Харбин. Главная улица Пристани - Китайская. На переднем плане справа дом Каспе, в котором размещались ювелирный магазин, гостиница, ресторан и кинотеатр «Модерн».

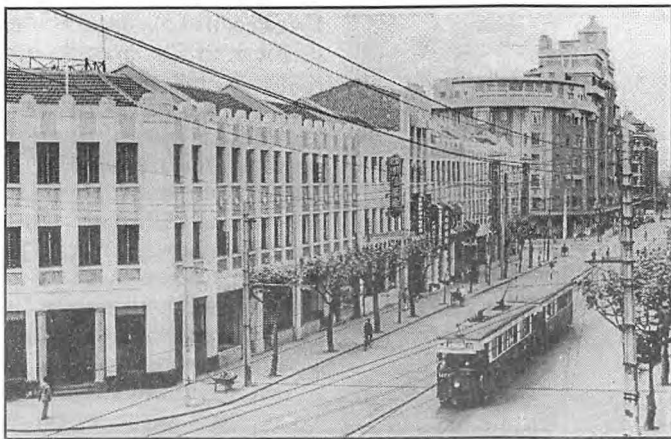
С приходом японцев начался исход европейцев. После 1932 г. русских осталось 55 000 человек. Люди стали уезжать на юг, за море, за океан, лишь бы подальше от войны. Мы проскочили в 1936 г. через Мукден и Дайрен (Дальний) одними из последних. Началась японо-китайская война, и пути сообщения захлопнулись. От этого путешествия в памяти остались роскошные купейные вагоны с вставной кроватью между верхними полками и прощальные ленточки, протянувшиеся от парохода до пристани. Традиция чисто европейская, но распространенная на

всем Дальнем Востоке: разноцветные серпантины бросают и провожающие, и отъезжающие. По мере того, как корабль удаляется от пристани, бумажки натягиваются и рвутся. Так, с хвостом лент, мы и начали бороздить Корейский залив, а затем Желтое море. Само же это путешествие на корабле совершенно выпало из памяти, и лишь набережная Шанхай Банд врезалась как счастливый конец плавания и заголовок новой главы бытия.

ШАНХАЙ - ВАВИЛОН ВОСТОКА

Когда наша семья приехала в 1936 г. в Шанхай, расположенный в провинции Цзянсу, это был 6,5-миллионный город, разместившийся на площади около 900 кв. километров. Город управлялся с 1843 г. международным муниципалитетом, во главе которого стояли англичане и французы. На гербе города было изображено двенадцать знамен разных держав, претендовавших на управление им. Вокруг этих знамен шла надпись на латыни, переводимая как «Множество правительств в одном». Вся центральная часть города была разделена между англичанами и французами. Западная часть считалась международным settlementом, а Чапей и Путун до ноября 1937 г. были китайскими, после чего они были захвачены японцами. Таким образом, все было поделено и учтено. Граница концессий шла по улице маршала Фоша, переходившей в ее восточной части в авеню Эдуарда VII. Все, что было к югу, принадлежало французам, а все, что было к северу, англичанам. И там, и там стоял свой контингент войск, причем у французов наиболее экзотическими были зуавы, а у англичан «хайландеры» - шотландские стрелки в клетчатых юбках. Ежегодные военные парады на ипподроме «Рейс корс» были зрелищем импозантным и красочным.

Центральной улицей французской концессии была авеню Жоффр, переименованная в 1944 г. в Тянь-шань лу. Это была парадная торговая улица, сплошь занятая магазинами, ресторанами и кинотеатрами. Чего тут только не было? От роскошного ресторана «Дидис» до третьеразрядной забегаловки с громким именем «Ренессанс». От огромного гастрономического магазина «Ван шинг» до малюсенькой лавочки, торговавшей китайскими сладостями. От фешенебельного кинотеатра «Катей» до занюханного кинозала «Париж». Здесь торговали подлинными бриллиантами и бижутерией, похожей на бриллианты, орденами и пуговицами, мехами и значками, мебелью и автомашинами. Зеркальные витрины обувного магазина «Батя» соседствовали с красно-бело-синими полосками цилиндров парикмахерской, а массивные решетки никому неизвестного страхового общества - с пыльными окнами слесарной мастерской. Импозантные магазины чередовались с мейнлыми лавочками.

Шанхай. Авеню Жоффри около авеню Дюбаиль.

По тротуарам шел сплошной поток людей, а на проезжей части - такой же поток машин, тикш, трамваев, автобусов. Среди всего этого содома, от которого кружилась голова, как хитроумные дрессировщики ходили важные полицейские во французской форме. Они умели управляться с этим потоком с истинным мастерством, и толпа им подчинялась. Это были виртуозы свистка, полицейской дубинки и решительного жеста. Тут, среди толпы, можно было увидеть и бывшего русского

генерала (но уже не в форме), и оборванного опий-курильщика китайца, и японского жандарма в черной форме, и развязного американца, жевавшего свою вечную резинку, и негра, и индуса, и мексиканца, и турка в феске. Можно было поклясться, что где-то тут ходят древние ассирийцы и вымершие шумеры. Весь мир выплескивался на авеню Жоффри. Однако такой, по-парижски шумной, эта магистраль, тянувшаяся с запада на восток, была лишь на протяжении 10-12 кварталов. За этими пределами вертеп кончался и разливался по боковым улочкам. На западе авеню Жоффри была тишейшей улицей, где располагались частные особняки и престижный жилой комплекс «Гровенор меньшионс». И магазины тут были элитными: хрусталь и меха, антиквариат и деликатесы. Рядом с этими магазинами здесь примостилось испанское консульство с большим портретом генерала Франко на стене вестибюля, который хорошо просматривался с улицы. В восточной части авеню Жоффри без всякой границы переходила в китайский город, где домики лепились один к одному и где жило столько же народу, сколько во всем остальном городе. Европейцы сюда заходили редко, а китайцам оттуда выход не рекомендовался.

Еще несколько широтных магистралей пересекали французскую концессию: рю Лафайетт, рю Курбе, рут Валлон, рю Ратар.

Меридионально шли менее значимые улицы, но каждая из них имела свою достопримечательность. На рут Пишон был огромный сад и здание еврейского клуба общества «Мешмерес хойлим», а также особняк президента марионеточного правительства Китая при японцах Ван Цинвэя. На рю Тенан де ла Тур не было башен, как об этом извещало название, а кишела она невероятным количеством китайских харчевен. На рю дю руа Альбер располагалась известная кондитерская «Крафт», а на углу рю Пер Робер и рут адмирал Курбе - аристократический французский клуб.

На французской концессии в конце рут Валлон находился очень уютный парк, который назывался «Французским». В нем можно было хорошо провести время в любой месяц года. На авеню Дюбаиль размещалось чуть ли не единственное высшее учебное заведение города - университет «Аврора», попасть в который было трудновато. Но вот средних учебных заведений было предостаточно. Для французов имелись Колледж Сен Жанн д'Арк и Французский колледж, для американцев - Американская школа на авеню Хейг, для немцев - Кайзер Вильгельм шюле, а для русских, кроме той, в которой учился я и о которой речь пойдет ниже, были Коммерческое и Реальное училища. Еще не один десяток такого рода заведений был разбросан по всему городу.

Английская концессия занимала северную часть города, и главной ее улицей была Бабблинг Уелл роуд (улица Бурлящего колодца). Там действительно в западной части находился низкий и грязный колодец, который давно уже не бурлил. Это была самая длинная улица города. Она начиналась у загородной улицы Ханджао, доходила до ипподрома, меняла свое название на Нанкин роуд и выливалась на набережную - блестящий Банд. Он был лицом города. Это первое, что видели приезжавшие в Шанхай. Фотографии Банда обошли весь мир. Здесь находились Банк Китая и Центральный резерв-

ный банк, здесь прорезали небо «Катей-отель» и «Палас-отель», блистал колоннами самый крупный колониальный банк в мире - Гонконг-Шанхайский банк. У портала этого банка лежали два величественных бронзовых льва. Хвост одного из них был натерт до блеска от сотен тысяч прикосновений рук - считалось, что это приносит счастье. Здесь, на Банде, находилось здание «Лионского кредита» и транспортной фирмы «Мессажер маритим». В общем, крупнейшие банковские, транспортные, торговые фирмы считали престижным иметь на этой улице свои конторы. Тут же располагались французское и английское консульства - хозяева города. В южной части Банды был установлен большой бронзовый ангел на высоком постаменте в память окончания Первой мировой войны, и 11 ноября каждого года здесь проходили торжества. В 1943 г. ангела сняли японцы и переплавили. Постамент оставался пустым вплоть до моего отъезда.

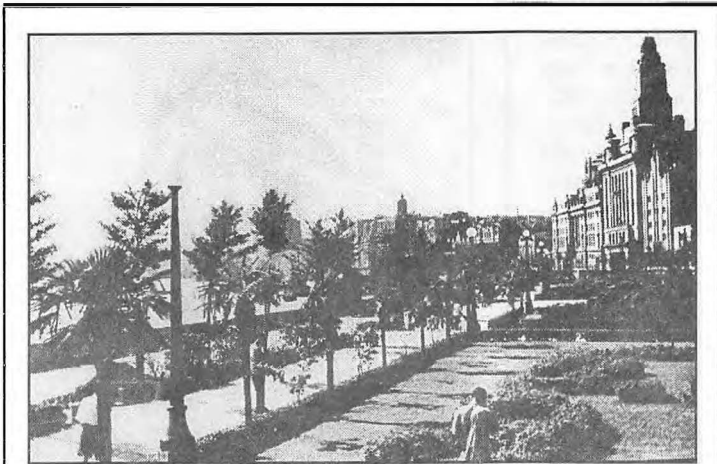
На английской концессии находились самые крупные универсальные магазины «Винг он» и «Уайтуэй». Там можно было купить все, начиная от булавки и кончая автомобилем. Там можно было ходить часами и ни разу не повторить маршрут. Там было до замирания сердца интересно в отделе игрушек. Галерея «Уайтуэй» завершалась большими, во всю стену, зеркалами, и это создавало иллюзию бесконечности толпы. Зеркала не были отгорожены, и не проходило недели, чтобы кто-то не попал под эти чары и не разбивал зеркала лбом. Дежурившая здесь всегда бригада стекольщиков мгновенно вставляла новое и убирала мусор. Это тоже был элемент рекламы, ибо об этом событии писали все газеты, и толпы любопытных мчались в магазин, чтобы посмотреть, ну и заодно купить что-то. В магазине, кроме того, имелись эскалаторы, на которых мы любили кататься, особенно на тех этажах, где были игрушки. Для нас это был мир сказки.

Около магазина «Винг он» находился центр проституции - район Та-ска, где представительницы древнейшей профессии целыми полками осаждали прохожих и буквально ловили клиентов за руки. В самом центре английской концессии находился ипподром «Рейс корс». Там были не только забеги лошадей, но и спортивные праздники и военные парады. Так, 12 мая 1937 г. в честь коронации Георга VI на ипподроме состоялся такой эффектный парад, что я и по сей день вспоминаю о нем с восхищением. Что и говорить, военные умеют пускать пыль в глаза, начиная с тамбур-мажора сводного оркестра хайлендеров, который лихо подбрасывал свой жезл метра на три, а потом также ловко в такт его ловил, а барабанщики в это время по очереди вращали свои палочки, привязанные петлями к запястьям, и кончая необычными для русского глаза строевыми артикулами и держанием винтовок на плече плашмя. У французского военного оркестра тоже кстати был свой трюк - там трубачи в какие-то паузы ловко вращали в своих руках рожки.

В северной части английскую концессию пересекала речка под названием «Сучоу крик», вечно заставленная бесчисленными джонками, в которых жило много тысяч китайцев «речного народа». Они промышляли рыбой, перевозкой людей и грузов, воровством, и вся их жизнь проходила на воде. На ней они рождались, подрастали, составляли семьи, рожали детей, старели и умирали. Если вы видели грузчиков на Банде, которые с криком «хей хо!» тащили на коромысле тяжелые мешки, знайте - это наверняка «речной народ». Севернее этой речки начинался район, прозванный «Бродвеем». На берегу Сучоу крик стояло здание почты и таможни, в которых в годы Второй мировой войны при японцах была политическая тюрьма. В районе Бродвея можно было жить годами, не выезжая в центр города.

Шанхай. Английская концессия. Парк-отель на Бабблинг уелл роуд. На переднем плане Рейс корс. Справа здание Христианского Союза молодых людей.

Шанхай. Северная оконечность Банда. Знаменитый парк у устья Сучоу крика, у входа в который висела надпись: «Собакам и китайцам вход воспрещен». Справа - башня Банка Китая.

У самого устья Сучоу крика, где он впадал в реку Вампу (точнее - Хуанпу), и где смыкался Бродвей с Бандом, находилось советское консульство. В народе его часто называли «Замком на Вампу», ибо Шанхай стоит на реке этого имени примерно в 12 километрах от места ее впадения в реку Янцзы (точнее Янцзыцзян). Здесь же у моста через Сучоу крик находился тот самый парк, на воротах которого висело знаменитое объявление: «Собакам и китайцам вход воспрещен». Нет наверное учебника истории, где бы не ссылались на этот запрет.

В западной части английской концессии располагался еще один крупный парк города - Джессфильд парк. Он был менее ухожен, чем французский, но зато там был зверинец, который манил нас, ребят, своей экзотикой.

В городе имелось несколько небоскребов. Самый большой из них «Бродвей меншионс» насчитывал 36 этажей и находился у самого Сучоу крика. Вторым по величине был «Катей меншионс», а затем шли 16-ти и 12-тиэтажники, каждый из которых имел свое имя. Один из них был «Маджестик-отель», другой «Эмпайр», третий «Парк-отель».

В городе было два железнодорожных вокзала: Северный и Южный. Однако за все мое пребывание в Китае, я не удосужился их посетить - не было нужды. Вблизи города находилось два аэродрома: военно-гражданский Кианг Ван и чисто военный Лун Хуа.

Гордостью города был порт. Свыше 250 морских пристаней протянулись на многие километры вдоль берегов Вампу. На фарватер реки могли входить большие пароходы. Почти всю войну напротив Банда стоял красавец итальянский лайнер «Конте Верде» компании «Ллойд Трестино». В тревожные дни Халхин-гола, напротив советского консульства выстраивались японские корабли во главе с крейсером «Идзумо». В послевоенные годы на рейде стояли корабли 6-го американского флота, в том числе несколько маленьких авиаматок всего на 7 самолетов («бэби флайт-топ»).

Сфера обслуживания жителей была разнообразной и оперативной. Например, рас-сылный из прачечной сам приезжал за бельем на велосипеде, сам привозил его назад ослепительно чистым, тщательно выглаженным и, если надо, заштопанным. Никаких квитанций и пересчетов никогда не было, но ни разу ни одна вещь не пропала. Просто забирали кучу грязного белья и привозили «класс А-1», как говорили китайцы. Можно было не проверять - все вещи были на месте и без всяких там меток. Как они разбирались, я и до сего дня понять не могу.

В парикмахерской ни разу меня не спросили, как стричь. Стригли молча и именно так, как я хотел. Как им это удавалось, я тоже не знаю.

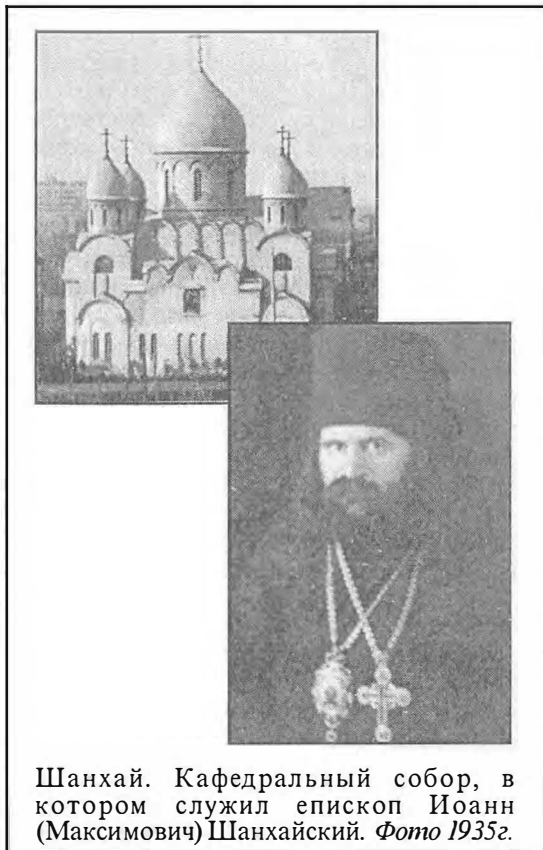
Если сегодня чего-то в магазине не было, и вы указали на это продавцу, то будьте уверены - завтра требуемое обязательно будет. Иногда продавцы шли на уловку. Вы спросили то, чего нет, тогда один продавец занимался с вами по остальному заказу, а в это время лавочный мальчишка или другой продавец мчался в соседний магазин и покупал спрашиваемое вами. К концу вашего заказа все затребованное бывало уже на месте. Широко использовалась система кредитов, лишь бы вы посещали эту лавку, а не соседнюю. Заборные книжки были очень популярными все предвоенные годы, а старший продавец знал в лицо всех покупателей околотка. Можно было взять в аренду любую вещь, причем она всегда была исправной и работала. Очень популярной в Шанхае являлась аренда велосипедов на выходные дни.

Не было такой религии, которая не была бы представлена в Шанхае. Импозантные католические соборы поражали своими средневековыми очертаниями, стрельчатыми окнами и витражами, башенками и коньками. Один из них завершал перспективу авеню Петен, другой являлся украшением авеню Дюбаиль. Имелось и несколько католических монастырей, из которых самым известным был женский монастырь в районе Зикавей. Там монашки славились своим шитьем. Были англиканские церкви, протестантские кирхи, буддистские и ламаистские храмы и кумирни. Адвентисты седьмого дня имели свое помещение, а баптисты - свою молельню.

Широко была представлена православная религия. Головным храмом считался собор святой Богородицы на углу рут Поль Анри и рут Тенан де ла Тур. Он был выстроен в канонических русских традициях московской школы с пятью главками, тремя нефами, лопатками и закомарами. Освятили его перед самой войной, чему я был свидетелем. Здесь проходили самые торжественные службы. Очень красивой и изящной была ажурная Николаевская церковь на рю Массне, чуть ли не напротив французской тюрьмы. Она считалась военной церковью, и ее всегда посещали участники Гражданской войны. Там висели знамена, какие-то полковые знаки и еще много интересного. Было еще несколько мелких церквушек, у каждой из которых имелся свой приход. Так, например, церковь, устроенная в жилом доме на рю Лафайетт, называлась «У старушек». В ней неистовствовал ярый антикоммунист отец Матвей Медведев. Я не помню, чтобы был мужской монастырь, но женский со своей собственной церковью находился на авеню дю руа Альбер. Во главе этого монастыря стояла красивая игуменья Ариадна, которая сумела организовать дивный хор, привлекавший многих почитателей пения. Церковному совету подчинялось и несколько благотворительных учреждений, в том числе приют имени святого Тихона Задонского.

До 1946 г. главой православной церкви Шанхая был архиепископ Иоанн (Максимович). Он подчинялся Пекинской епархии, во главе которой стоял архиепископ Виктор. С окончанием войны владыка Виктор побывал в Шанхае, и с того времени начался раскол. Владыка Виктор признал московского патриарха и впоследствии уехал в Союз. Позже я видел его фотографию в «Православном календаре» в качестве митрополита Краснодарского и Кубанского. Владыка Иоанн, наоборот, признал Русский зарубежный синод, уехал в Европу, а затем в США, где последние годы своей жизни являлся архиепископом Западно-Американским и Сан-Францисским. Умер он в 1966 г. и по разрешению городских властей похоронен в крипте православного собора Пресвятой Богородицы всех скорбящих радостей в Сан-Франциско. В 1994 г. он был признан святым.

Пресса Шанхая была представлена полусотней газет на разных языках и на всякий вкус. Старейшими и наиболее массовыми изданиями являлись английские газеты «Норт Чайна дейли ньюс», «Чайна стар» и «Чайна пресс». Один экземпляр первой из названных газет я видел от мая 1864 г. - следовательно, она была ветераном. В этих газетах сотрудничали значительные журналистские силы, но все полосы были построены по американскому типу: сначала сенсации, а потом все остальное. На такой-то странице был спорт, на такой-то искусство, на такой-то биржевые сводки. Здесь работали и русские, например, очень талантливый карикатурист Са-

Шанхай. Кафедральный собор, в котором служил епископ Иоанн (Максимович) Шанхайский. Фото 1935г.

пожников, подписывавшийся «Са-па-жу». Его рисунки были блистательными, но кончил он трагически, на улице, без куска хлеба, после порции опиума.

Из основных русских газет следует назвать «Зарю» (белоземгрантской ориентации) и «Нашу жизнь» (просоветской направленности). Третья газета - «Новости дня» - была, пожалуй, самой популярной и в основном выступала за Советский Союз, однако ее редактор Василий Чиликин не брезговал бульварным материалом и обыкновенной «уткой». В общем газета была нечиста на язык.

Много выходило китайских газет, из которых самой известной являлась «Шанхай жибао».

Город был окружен пригородами. К северу от Сучоу крик находились Чапей и Баошань, ниже по реке - Хонкью, а на правом берегу Вампу, напротив гавани - Путун. К югу от французской концессии располагались Нантао, Люкавей и Зикавей. Наконец к западу находилась излюбленная зона отдыха - Ханджао.

Памятников в Шанхае было маловато. Кроме уже описанного мною ангела на Банде, имелся памятник Роберту Харту перед зданием основанной им таможни и еще два-три памятника, о которых и говорить не стоит. Однако один памятник являлся особым. В 1937 г. на деньги русских в тихом районе французской концессии на торце рут Пишон в день столетия смерти был открыт памятник А.С.Пушкину. Его автор - русский скульптор Подгурский. На фигурном гранитном постаменте стоял бронзовый бюст поэта. В годы Второй мировой войны японцы ночью сняли его и отправили на переплавку. После войны на частные пожертвования установили новый бюст, но теперь уже на самом верху постаumenta. Говорят, что в годы культурной революции его тоже снимали, но сейчас он опять на месте.

Много памятников было на кладбищах, причем совершенно забытым людям. Так, на кладбище Лю Кавей стоял импозантный памятник с цепями, ядрами и пушками какому-то французскому адмиралу, погибшему в последней трети XIX в. при завоевании Кохинхина и Аннама (боюсь ошибиться, но мне кажется, что его имя - Курбе, и он отличился бомбардировкой Тонкина в 1883 г.). Роскошный памятник с мозаикой был воздвигнут корнету Бахтину, убитому в 1927 г. при попытке проникнуть в советское консульство. Проходя по рядам могил, можно было увидеть надгробия знатнейших фамилий императорской России. Все эти камергеры, гофмейстеры, генерал-адъютанты, действительные и тайные советники, полковники и есаулы нашли здесь свое последнее пристанище, здесь они ушли в небытие. Сейчас на месте кладбища китайцы разбили сквер, где вечно бодрые пенсионеры обсуждают международные события, и в обнимку гуляют молодые.

Политических и всяких прочих «независимых» организаций было предостаточно. Кратко коснусь лишь тех, которые имели отношение к нам, русским. Основной организацией, пытавшейся объединить россиян в Шанхае, был Русский эмигрантский комитет, находившийся под опекой то англичан, то французов, то японцев, то, наконец, американцев. До августа 1940 г. комитетом управлял один из бывших работников царского консульства, но он был застрелен с благословения японцев, что описано в романе Натальи Ильиной «Возвращение». На смену пришел полковник Булгаков - мрачная личность, жившая под охраной японских жандармов на рю Пер Робер. Комитет претендовал на представительство интересов всех эмигрантов и очень сурово расправлялся с инакомыслящими. Последние могли потерять работу, им могли отказать в жилье, пособии и во всем том, что их поддерживало, в крайнем случае их избивали дюжие молодчики. Были среди пострадавших от комитета и те, которые не выдерживали и кончали счеты с жизнью. Периодически комитет устраивал вечера, концерты, митинги, кружечный сбор на улицах для пополнения средств. Главная резиденция комитета находилась на английской концессии, на Мультмейн роуд, которая была северным продолжением рю кардинал Мерсье. На здании комитета всегда развивался трехцветный флаг, тот, который сейчас висит на всех официальных зданиях нашей страны. Влияние комитета после окончания Второй мировой войны резко пошло на спад.

Более воинственной организацией являлся филиал Русского Обще-Воинского союза (РОВС), главная контора которого находилась в Париже и которую в свое время возглавляли неизвестные генералы А.П.Кутепов и Е.К.Миллер. В Шанхае долгое время РОВСом управлял генерал-лейтенант М.К.Дитерихс, умерший в 1937 г. и похороненный, кстати сказать, на том самом кладбище Лю Кавей, о котором я уже писал. В мою бытность в союзе заправляла делами целая рота седовласых полковников и подполковников. При РОВСе имелись Офицерское собрание и Союз русских инвалидов. После-

дним командовал вечно злой низкорослый полковник, фамилию которого я запомнил, хотя бывал у него неоднократно. Он требовал, чтобы к нему обращались по званию, вот фамилия и выпала из памяти. Мои частые посещения главной квартиры союза на углу рут Валлон и рю кардинал Мерсье были вызваны тем, что здесь находился крохотный музей военных реликвий и довольно приличная библиотека старых книг, абонементом которой я долго пользовался. Да и сам музей привлекал меня военными формами и оружием. Союз даже выпускал какую-то газету и брошюры исторического характера, где разбирались военные действия русской армии. На вечерах, устраиваемых союзом, ставились фрагменты классических пьес русской драматургии или живые картины по стихотворениям А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова. Присутствовавшие дружно пели песни времен Гражданской войны. Помню, например, что особо часто затягивали песню, у которой периодически повторялся следующий припев:

«Свои гордые крылья расправит
Герб российский - двуглавый орел!»

Он, так-таки, расправил свои крылья, этот русский орел, но спустя полвека!

Основной детской организацией Белого движения были бой-скауты, хотя среди них находились и девочки. Я был членом этой организации в течение четырех лет на самом низшем ее уровне - в разряде «медвежат». «Медвежата», собственно, были еще не скаутами, а кандидатами в них. Они проходили самые примитивные испытания и после этого получали право носить голубой галстук. Следующая по старшинству ступень давала право на темно-синий галстук, но это тоже было еще преддверием полноценного скаута. Удостоившись звания скаута, ребята получали право носить оранжевый галстук. Тут тоже было три градации. Наконец, высшим рангом являлся скаутмастер, носивший зеленый галстук. В мою бытность скаутмастеров насчитывалось три-четыре, но старшим из них был Георгий Васильевич Радецкий-Микулич, уехавший позже в США.

Скауты носили форму цвета хаки. Галстуки продевались через металлическое кольцо с изображением лилии. Затем галстук прошнуровывался белым шнуром, который выводился на плечо в виде аксельбанта. На рукаве помещались матерчатые круглые знаки тех специальностей, которые освоил их носитель. В этой области были свои гении, имевшие до 30 знаков. Пояс тоже был форменный с лилией на пряжке и многочисленными карабинами. На них висели скатанные особым образом веревки и нож. Я не помню, чтобы кто-то из нас носил широкополые шляпы, принятые для скаутов Европы и Америки.

Скауту полагалось быть верующим, и за этим строго следили. Надо было поститься, говеть и проходить причастие. Затем скаут должен был знать «Боже, царя храни!», основные молитвы, историю движения, родословную династии Романовых и многое другое. Мы обучались борьбе джиу-джитсу и боксу, строевому шагу и песне, гимнастике, артикулам воинского устава. Правда песни в основном были Первой мировой и Гражданской войн, но были и «Скажи-ка, дядя, ведь недаром» и «Как ныне собирается вещей Олег». Они отлично пелись под строевой шаг. Пели и... «Шагай вперед молодецкое племя», предварительно выбросив из нее все «советские» слова.

В штаб-квартире шанхайских бой-скаутов на рю Лафайетт, а затем на рю кардинал Мерсье, висел портрет Великого князя Кирилла Владимировича и отдельные военные реликвии Первой мировой, среди которых меня всегда гипнотизировала немецкая каска

Шанхай. Набережная Банд. В центре здание с остроконечной крышей - Чайна-отель. Справа от него - Центральный банк Китая и здание Палас-отеля.

с пикой наверху. На другой стене располагался портрет основателя движения бой-скаутов английского генерала Баден-Пауэлла. В штабе принимались все главные решения, осуществлялись прием и исключение из скаутов.

Летом скауты выезжали за город в Милдред кемп - огромный участок ухоженной земли, где имелись и кусты, и лесок, и речка, и луга, и таинственные тропочки. Не было только мусора. Там стояли мы палаточным городком, варили пищу на костре, ловили рыбу и играли в военизированные игры, разделившись на «красных» и «белых». Впрочем эти игры проводились и в самом городе на тихих улицах юго-запада.

Скауты дружили с организацией гитлерюгенда, которая была при немецкой Кайзер Вильгельм шюле. В 1941-42 годах скаутов неоднократно водили туда смотреть немецкую кинохронику о войне в России. Там нам показывали немецкий военный журнал «Сигнал», а на прощание угощали чаем. Взрослые немцы почти все ходили в форме: кто в армейском мундире, кто в партийном, а кто и в наводящем страх черном. Эти посещения не достигли своей цели, так как именно то, что нам показывали и рассказывали, у многих заставило заговорить струнки национальной гордости, после чего следовал вполне естественный отход от скаутизма.

В 1944 г. организация бой-скаутов практически распалась.

Основной, если можно так сказать, противоборствующей организацией был Союз советских граждан, в который входили не только те, кто имел советский паспорт, но и те, кто имел квитанцию о сдаче документов на гражданство (т.н. «квитподданные»). У этой организации был свой скромный клуб на авеню Фош, в котором еще с довоенного времени проходили вечера, лекции, собрания, утренники и киносеансы. Там находилась интересная библиотека со всеми советскими новинками, дешевое кафе. Именно в клубе я посмотрел в годы войны почти все шедшие в то время в Шанхае советские фильмы и прочитал огромное количество книг советских писателей. В других библиотеках их, как правило, не имелось. В 1945 г. силами общественности была арендована земля около авеню Хейг и методом «народной стройки» воздвигнут огромный стадион с крытым деревянным помещением - Советский спортивный клуб. Центр советской жизни в Шанхае переместился туда. Здесь проходили все самые значительные мероприятия советской колонии. По воскресным утрам играл оркестр Олега Лундстрема. Сюда приезжали представители советского посольства и консульства. Особенно запомнился приезд советского военного атташе генерал-майора Н.В.Рощина в полной генеральской форме да еще и с шашкой. Это буквально ошеломило старичков, и они чуть ли не щупали руками и на зуб столь похожий на старую форму мундир. С генералом приехал и молоденький старший лейтенант А.Г.Путилин, ростом в два метра, но его быстро наугощали спиртным, и он впал в прострацию.

Между этими двумя политическими крайностями в русской колонии была целая гамма организаций, обществ, групп и группок самого различного оттенка. Это и общество русских филателистов, умудрившихся выпустить уникальный памятный блок, вошедший во все мировые каталоги китайских марок; общество любителей музыки; совет попечителей домов призрения; союз монархистов; кружок ревнителей русской словесности; отделение Российской фашистской партии и т.д. Не счесть было обществ и среди прочих иностранных колоний города. У них были свои школы, клубы, церкви и т.п. Видное место, например, занимал Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) - американская молодежная организация с отличной материальной базой.

Город кичился своими миллионерами. Самым богатым считался арабский еврей Моллер. Он разбогател на скачках, и в парке его особняка стояла статуя первого скакуна, принесшего ему счастье. Этот особняк на авеню дю руа Альбер вблизи английской концессии представлял собой сказочное сооружение из башен, башенок, витражей, коньков, колонок, всяких галерей и переходов. Говорили, что давно цыганка предсказала Моллеру, что он умрет тогда, когда перестанет строить. И всю жизнь он строил, перестраивал, носил, опять воздвигал. Умер он действительно в какую-то паузу в своем созидании, и об этом долго судачили в городе.

Не менее знаменит был владелец десятков доходных домов Хардунг. Один из своих комплексов он назвал «Хардунг террас». Богатым был владелец автотранспортной конторы Марк Л.Муди, чья фамилия десятиметровыми буквами присутствовала на стенах многих зданий. Это была вершина пирамиды богачей Шанхая, а внизу мельтешили тысячи имен коммерсантов, чьи капиталы были мизерными, и штат чьих фирм порой со-

стоял всего из одного человека. Там пестрели такие имена, как владелец винного магазина Петреллис-Панайотис, меховщик Зискин, кондитер Крафт, владелец ресторана «Дидис» Ланюзель, владелец кинопрокатной фирмы Саядянц, слесарная мастерская Дюпюи, булочные братьев Чекалян, филателистическая торговля Романа и т.д. Имя им легион. Среди них брат и мой дед, выступавший то как брокер по продаже земельных участков, то как компаньон торговой фирмы «Ярцев и К^о», то как владелец кафе «Гермес».

В городе не проходило и дня, чтобы не было какой-нибудь сенсации. Без них шанхайцы просто не могли жить. То группа заключенных бежала из тюрьмы на Вард роуд, то полицейский застрелил свою невесту, застав ее в объятиях иностранца в Астрид террас, то была найдена зверски изуродованная пятилетняя девочка Туся Ясученко, и все улики падали на известного в городе волейболиста Глухова, то в огромном пожаре сгорела вся семья. Я не знаю точно, но уверен, что каждую минуту в городе происходило преступление, и не истекало часа, чтобы не было смертельного исхода. Сообщения об этих событиях пестрели в газетах и в конце концов приедались. Мы уже не удивлялись тому, что китайцу, выглянувшему из окна троллейбуса, снесло голову, или тому, что сумасшедший в голом виде с вершины Дюбаиль аппартаментс в течение целого часа, как сеятель, разбрасывал купюры по 10 юаней, создав на авеню Жоффри неимоверную давку, застопорившую все движение на много кварталов.

Особую категорию составляли уличные бродяги, причем их было две категории. Одни из них были при деле и либо продавали какую-то пустяковину, либо показывали фокусы или какое-то театральное действо. Особую популярностью пользовались фокусники. Они делали прямо-таки невероятные «чудеса». Например, излюбленным номером являлось «убийство» ребенка. Я его видел раз двадцать. Китаец долго ходил и причитал о том, что его маленькая дочь сильно провинилась и ей придется отрубить голову. Из своих пожитков он выволакивал плаху и, положив голову девочки на нее, прикрывал грязной тряпичей. Потом большим и ржавым секачем ударял по худенькой шейке. Оттуда буквально ручьем била кровь, и секач прочно сидел на своем месте. Китаец бегал вокруг жертвы и вновь причитал, теперь он раскаивался в содеянном. После того как, по его мнению, проходило положенное время, и в баночку на панели брошено достаточное количество монеток, он накрывал девочку большим, но не менее грязным покрывалом, вынимал секач, и спустя некоторое время «казненная» появлялась перед публикой целой и невредимой. Кроме того, фокусники глотали шпаги и огонь, кололи себя шпильками и протыкали ножами, затирали чашку в тротуар и выращивали на голом месте куст живых цветов. В общем они умели делать все.

Вторую категорию бродяг составляли больные нищие. Исключительное место среди них занимали европейцы, в основном русские. Просто просящих милостыню на улице было мало, концентрировались они около храмов и кладбищ. В большинстве это были безногие и безрукие инвалиды минувших войн и одинокие аккуратные старички и старушки. Но находились и опустившиеся люди, обычно наркоманы или алкоголики. Их знали наперечет. Была и категория сумасшедших, которых тоже знал весь город. Европейская беднота селилась в определенных дешевых районах, как например, в самом начале рут Валлон. Это место называлось «Нахаловкой», хотя здесь располагались вполне благопристойные маленькие домики. Однако, как бы низко не падал европеец, он все-таки селился на иностранной концессии. Если же он переходил на жительство в китайский город, то его вычеркивали из памяти все соплеменники, и он становился изгоем. Таким не подавали даже милостыню.

Над всей этой толпой людей в городе стоял мощный полицейский аппарат. На обеих концессиях была своя национальная полиция. На французской концессии - это рядовые китайцы и вьетнамцы (точнее аннамиты), отличавшиеся особым рвением. Сержанты были обычно русские, офицеры - французы или натурализовавшиеся русские. На английской концессии - рядовые китайцы и индусы, сержанты - русские и китайцы, офицеры - только англичане. Кроме того, в городе имелся специальный Русский волонтерский корпус, о котором стоит рассказать особо.

В конце 1922 г. начался исход Белой армии из Приморья. Часть войск ушла сушей в Харбин, а другая часть начала эвакуацию морем на 30 кораблях под общей командой контр-адмиралов Г.К.Старка и Безуара. На борту каравана находилось порядка 7000 человек. Часть конвоя остановилась в корейском порту Гензан, а 12 кораблей под командованием контр-адмирала Старка ушли в Шанхай. В начале ноября флотилия вошла

Контр-адмирал
Георгий Карлович Старк.

тельной силой в подавлении всяких беспорядков. В годы войны корпус был расформирован, а все полицейские функции перешли в руки китайцев.

Таков был город-гигант, город-вертеп, город-контрастов - Шанхай в годы моего детства.

в устье Янцзы, но власти города отказали ей в высадке беженцев. Нарушив запрет, Г.К.Старк высадил 3000 человек на берег и увел корабли в Манилу. Эти тысячи русских заложили новую колонию в городе. Однако вскоре пришел второй конвой под командованием контр-адмирала Безуара. Его пассажирами являлись казачьи войска генерала Ф.Л.Глебова при полной амуниции. Они прибыли в сентябре 1923 г., но им тоже не разрешили высаживаться. Генерал Глебов отдал приказ войти в устье реки Вампу и захватил карантинную станцию. Там он и стоял в течение трех лет военным лагерем. Власти города вспомнили о русских, когда к Шанхаю стали приближаться войска Гоминдана. Вот тогда и предложили генералу сформировать Русский волонтерский корпус для защиты города. С 21 января 1927 г. он стал отсчитывать свое существование. В мое время им командовал генерал Адамович, которого все боялись. Личный состав корпуса носил синюю форму, имел трехцветное знамя и был вооружен карабинами. Этот корпус являлся значительной охранной и кара-

МЫ - ШАНХАЙЦЫ

Прибыв в Шанхай, мы поселились в Груши террас, а затем переехали в Лафайетт террас в самом центре французской концессии. Меня сразу определили в школу, и мы зажили обычной шанхайской жизнью. Наша квартира была трехэтажной, причем мы занимали два нижних этажа, а третий сдавали в наем. Дядя работал в разных фирмах. Об одной из них следует рассказать особо. Это была контора доктора Муто Нардоне. Я не знаю, занимались ли в ней медицинской практикой, ибо никогда не видел там больных пациентов. Взамен, в крохотном помещении вечно теснилось много разных дельцов. Политическая и коммерческая деятельность поглощала все время итальянского доктора. Но и это было не все. Дяде пришлось по настоятельной рекомендации вступить в Итальянскую фашистскую партию, надеть черную рубашку с таким же галстуком и получать распоряжения от секретаря местной партиячейки Риджио. По его поручению дядя ездил куда-то во внутренние районы Китая и кому-то от кого-то передавал партию оружия. В общем контора была с большим душком.

Лафайетт террас, в котором мы теперь жили, был типичен для такого рода комплексов доходных домов. Он состоял примерно из 50 трехэтажных квартир, в которых проживало много китайцев и русских. На фасадную сторону выходил с десятков магазинных помещений, где размещались продуктовая лавка, две аптеки (одна из них принадлежала провизору Фришману), хозяйственный магазин и еще какие-то лавки, которые не сохранила память. В центре жилого массива проходила широкая проезжая дорога, от которой влево и вправо шли тупики. Вот на этих тупиках и стояло по 5-6 квартир, соединенных в ряд. Здесь мы жили годами, и почти все знали друг друга. Так на площадке в конце терраса в маленьком служебном домике размещалась семья дворника Полякова - бывшего колчаковского солдата. Недалеко от нее три этажа занимала семья известных уральских горных деятелей XIX- нач. XX веков Барбот-де-Марни. Вблизи въезда в террас жил мой дед со своей новой женой и ее престарелыми родителями - жеманной Анной Аполлонов-

ной, вечно читавшей романы Шпильгагена, и Григорием Сергеевичем - провизором, который фабрил свои усы фиксауаром. Рядом с ними проживала диктор русской программы французского радио Шанхая Варвара Иовлева. Большинство русских детей терраса играло вместе, да еще к ним приходила куча друзей. Поэтому во дворе почти всегда мельтешило много ребятишек, игравших в искони русские и совсем нерусские игры. Здесь мы прожили до 1939 г., и здесь мы прочитали в газетах жирными буквами напечатанное слово «Война» в сентябре того же года. Дядя к этому времени устроился на более престижную работу, управляющим фешенебельного ресторана «Дидис», на витринах которого была выведена монограмма названия заведения. Материально наше состояние заметно улучшилось, и мы, после небольших перипетий со сменой жилья, устроились на рут Пишон, 64. Там я прожил с небольшими перерывами вплоть до моего отъезда на Родину.

Хотя террас, в который мы переехали и не имел названия, но построен он был аналогично. Правда размеры его были меньше, чем у Лафайетт террас. Здесь находилось всего штук 30 трехэтажных квартир, причем один ряд из них выстроился по рут Пишон, а другой - по рю Лафайетт. Магазинов в нижних этажах не было. По рут Пишон с террасом соседствовали маленькая меняльная лавочка и небольшие домики. По рю Лафайетт напротив терраса стоял особняк бельгийского консульства и жилой массив «Гровенор меншионс». На углу терраса находилась автозаправочная станция фирмы «Шелл».

Наша квартира была типичной для доходных домов Шанхая. Мы занимали нижнюю комнату примерно в 25 кв. метров с небольшим садиком метров в десять, где рос дикий виноград и был насыпан мягкий речной песочек. Окна выходили во внутрь терраса и, следовательно, уличный шум нас не тревожил. На первом же этаже, но с окнами на рю Лафайетт находилась небольшая кухня с газом и горячей водой, а также маленький внутренний дворик в 7-8 кв. метров, где было две кладовочки. Между первым и вторым этажами располагалась маленькая комната в 12-16 кв. метров, выходившая окнами, так же как и кухня, на рю Лафайетт. Такая же комнатка была и между вторым и третьим этажами. В нижней проживала Любовь Ивановна Дельмиссиер - экстравагантная женщина, тщательно следившая за своей красотой. В свои «за сорок» она выглядела 25-летней. Ее занятия были туманными, а доходы значительными. В шанхайской жаре она вечно ходила в таком неглиже, что приходилось смущенно отводить в сторону глаза. Около ее комнаты в коридоре висел телефон, по которому она постоянно названивала доброй половине города. Она мне приходилась какой-то сводной теткой, но я никак не мог докопаться до сути родства. Сама она была русской, но вдовой очень богатого итальянского афериста Дельмиссиера. Очевидно от него остались приличные капиталы, которых ей хватало более, чем на вольготную жизнь. Впоследствии она приняла католичество и добилась гражданства Ватикана, закончив свой жизненный путь в этом экзотическом государстве. Местные прелаты наверное до сих пор вспоминают ее.

В верхней комнатке жила тетя Поля Полякова - молодая, совершенно бесцветная, но очень добрая девушка, работавшая в филателистическом магазине «Романс». В большой комнате на втором этаже проживала семья, как у нас говорится, «ответственных квартиросъемщиков» Трубниковых. Формально их было три человека: Олег Федорович, Тамара Михайловна и дочь Мила, но у них всегда гостила многочисленная родня, и казалось, что там живет не менее десяти человек. Семья была хлебосольной и без выпивки с закуской за стол не садилась. На третьем этаже размещалась семья Бредовых, при-

Генерал Федор Львович Глебов, Войсковой атаман Сибирского казачьего войска.

чем глава ее был сыном генерала Бредова и стоял на крайних фашистских позициях. Его жена, тихая и спокойная Зинаида Михайловна являлась родной сестрой хозяйке. Вот в таком составе мы прожили почти десятилетие. Судьба раскидала жителей этого дома по всему свету.

Здесь, в нашей большой комнате мы жили вдвоем: бабушка, дядя и я. Бабушка, конечно, занималась домашним хозяйством и была главой всему. Она любила вспоминать Петербург, о котором могла говорить часами. Красочно и детально описывала парады на Марсовом поле, прохождение императорской гвардии. Десятки раз она говорила, как видела Николая II и всю его свиту. В рассказах о парадах меня всегда поражал тот фрагмент, в котором она описывала, как масса кавалерии вдруг поворачивала на публику и галопом мчалась на испуганных людей. Буквально в нескольких шагах от визжавшей толпы вся эта орда вдруг останавливалась как вкопанная. Я, честно говоря, не очень верил этому эпизоду и считал, что бабушка тут немного сочиняет. Каково же было мое удивление, когда лет через тридцать я прочитал об этом в альбоме, посвященном трехсотлетию царствования Дома Романовых, где даже имелся рисунок этой безудержной скачки.

Всегда с ужасом бабушка вспоминала Февральскую революцию. Она была политически неискушенной и никак не могла понять почему вызванные с фронта войска в 1917 г. «надели красные банты и продали Батюшку-царя»? Она считала это подлостью, и никто не мог ее разубедить в обратном. Когда же заговаривали о большевиках и, не дай Бог, говорили что-то хорошее о них, то у бабушки всегда был один стандартный вопрос, который я слышал за нашу совместную жизнь несчетное количество раз: «А зачем они царя расстреляли?». На этом бабушка завершала все дискуссии по данному вопросу. Кто тогда знал, что спустя полвека я буду иметь прямое отношение к находке останков Романовых вблизи Екатеринбурга?

Возвращаясь к Февральской революции, бабушка не могла без слез рассказывать, как ловили по чердакам, а затем убивали околоточных. Для нее это было самое страшное воспоминание о марте 1917 г. Она, наверное, многих из этих полицейских знала по имени-отчеству, ибо говорила об их семьях, и вероятно они жили где-то по соседству. Для бабушки такая вот расправа без суда и следствия оставалась большой несправедливостью.

Примерно в 1938 г. меня определили в церковные прислужники. В свободное от учебы время я должен был прислуживать при богослужениях. На меня надели стихарь, и я стал постигать церковные премудрости в Святобогородицком соборе - главном православном храме Шанхая, построенном по проекту Я.Л.Лихоноса. Глава причта - епископ Иоанн - был человеком аскетическим, фанатически преданным делу церкви. Он жил тут же, на подворье, в длинном сводчатом помещении, выкрашенном в белый цвет. Справа, в нише, где висели иконы, стоял огромный стол с бумагами и книгами - здесь владыка работал. Слева, за перегородкой, стояла жесткая походная кровать, застланная грубым серым одеялом, и небольшой шкаф. Больше ничего в огромной комнате не было, и это подчеркивало аскетизм. Владыка Иоанн говорил очень тихо, как бы потусторонним голосом, но твердо и решительно. Весь причт он держал в ежовых рукавицах, и достаточно было только одного его взгляда, чтобы разговоры во время службы мгновенно смолкали.

Я не могу объяснить почему, но этот человек находил много времени на беседы со мной. Наряду с глубокой верой, он всегда призывал к гражданской честности и открытости. Эти беседы глубоко запали в мою душу, и я честно старался выполнять его советы, хотя это не всегда мне удавалось. В 1993 г. протоиерей Василий Потапов из Вашингтона, узнав, что я когда-то общался с владыкой, прислал на молитвенную память его портрет и частичку мантии. Это одна из самых чтимых реликвий нашей семьи. В июле 1994 г. владыку канонизировали, и мне удалось за несколько дней до этого события приложить к его мощам.

Среди подчиненных владыки находилось немало любопытных людей. Наиболее уважаемый - ветхий и хромой архимандрит Мефодий. Он был настолько немощен и стар, что во время службы не мог стоять и сидел на особом кресле сбоку перед алтарем. Батюшка Илья Вень был китайцем, и когда вел богослужение, многие невольно улыбались его произношению. В 1997 г. ему исполнился 101 год. Отец Сергей Рождественский отличался черным родимым пятном на лице, службу вел четко и ясно, что даже ребенок мог понять каждое его слово. Это выгодно отличало его от других. Отец Николай Протопопов был добродушным, и его лицо всегда излучало такую гамму добра и любви, что становилось радостно на душе.

Службы проходили торжественно и по всем канонам. Церковь обслуживал блестящий любительский хор, в результате чего каждая служба превращалась в праздничное действие. Один раз я присутствовал при пострижении в монахи, и мрачный ритуал этого обряда оставил тяжелое впечатление.

Мои обязанности в церкви были просты. Где надо - выйти с подсвечником, где следовало - поднести книгу, а где надлежало - вынести хоругвь или принять посох. На все это указывали мне старшие, и много думать здесь не приходилось, просто надо было запоминать порядок. Прослужил я в церкви чуть больше двух лет. Отнюдь не божественное отношение к службе некоторых младших служителей оттолкнуло меня от нее. Так, в алтаре распивали церковный кагор, бранились далеко не цензурными словами, а порой устраивали и потасовки. После этого я стал верить в Бога дома, по-своему, и в церковь ходил лишь в крайнем случае.

Судьба сложилась так, что в мае 1993 г. мне пришлось прислуживать на импровизированной панихиде по Романовым архиепископу Вашингтонскому Василию (Родзянко) на месте снесенного Ипатьевского дома. С трудом вспоминал я свои функции полувековой давности, но владыка остался доволен и, благословляя меня сказал: «Мы с Вами оба ученики праведника Иоанна». Мне была приятна такая похвала. Он действительно учился у епископа Иоанна лет на десять раньше моей службы в Шанхае.

НАША ШКОЛА

Школьные занятия начинались 15 сентября, но обстоятельства сложились так, что меня определили на учение несколько позже этого срока, когда уроки уже шли полным ходом.

Наша школа располагалась на короткой, тихой и спокойной рут Реми, где стояли средней руки особняки, мелкие лавчонки и китайские фанзы. Высокий серый каменный забор окружал территорию размером примерно 250 на 250 метров. С одной стороны, забор соприкасался с затененным особняком, где вечно торчала то китайская, то японская охрана, и в годы войны жил мэр города. С другой стороны, к школе примыкало целое стадо китайских фанз с вечно голыми ребятишками и постоянным чадом кунжутного масла. И вправо, и влево путь нам был категорически запрещен, и в тех случаях, когда туда залетал футбольный мяч, вернуть его назад было целой проблемой: слева сразу появлялась вооруженная охрана, а справа китайские ребятишки требовали выкуп. Позади школы простирался большой пустырь с поверхностными китайскими захоронениями. На нем мы мерялись силами и выясняли, кто какой по порядку силач класса.

У металлических ворот главного входа находилась маленькая дверца и сразу, слева от нее, квартира дворника по прозвищу «Воробышек». Этот дворник был легендарной личностью и находился при деле все мое время обучения. Так как он был татарин, то мы постоянно дразнили его «свиным ухом». Длинная сутулая фигура с метлой и в белом фартуке постоянно маячила около ворот, и проскочить мимо нее в учебные часы не было никакой возможности.

На заднем дворе находились еще одни ворота, хозяйственные, для подвоза угля и продуктов, но мы умудрялись через них убежать с уроков, особенно в годы войны. Сбегая, мы проводили зимнее время в кинотеатрах, а летом купались в Вампу около аэродрома Лун Хуа.

Справа от главных ворот был небольшой навес, где помещались стойки для велосипедов, а на остальной площади родители ждали своих чад на длинных скамейках и кормили их легким завтраком в большие перемены.

Огромный двор был практически лишен растительности, и его в году 1937-ом засыпали шлаком, о который мы рвали регулярно свою обувь в кратчайшие сроки. Однажды мой одноклассник Витя Витковский на спор сумел за день довести новые американские ботинки до полного развала. Слева и справа во дворе размещались большие, на каменных столбах, навесы для построения классами. Тут же размещались уборные для учеников. Прямо у входа располагались также две песочницы и беседки из кустов.

Четырехэтажное здание школы было весьма удобным. Большие, светлые классы со сплошными окнами вмещали до 50 человек за индивидуальными партами. Иногда их в угоду времени сдвигали попарно, а потом опять разводили в одиночные ряды.

Шанхай. Здание школы Реми.

С краев здания школы были большие закругленные трехэтажные выступы. В одном из них располагалась учительская, куда нам вход был категорически воспрещен. Над учительской находился самый младший класс, а третий этаж выступа занимал класс пения и рисования. Крыша выступа служила для спортивных игр. В двух этажах другого выступа находились детский сад и ясли, питомцы которых постепенно переходили в школу. Третий этаж этого пристроя служил квартирой директору школы, к которой вход шел изнутри здания.

Такова была внешне муниципальная французская школа святого Реми. Этого святого, я готов поклясться, никто из учеников не знал, но он действительно существовал в конце V - нач. VI веков, являлся архиепископом Реймским и даже крестил короля Хлодвига в 496 г. в христианство.

В главном вестибюле здания на каменной доске накладными металлическими буквами был набран на французском языке текст примерно следующего содержания: «Общество помощи русским семьям при Генеральном консульстве Французской республики в Шанхае основало школу Реми для русским детей». Эта надпись не препятствовала обучению в школе детям трех десятков национальностей. Попечитель этого общества, директор Французского колледжа мосье Гробуа иногда посещал школу и завораживал нас своим деревянным протезом кисти руки, потерянной под Верденом. Это не мешало ему, кстати сказать, изумительно играть на скрипке.

Обучение шло по французской программе 12 лет, причем нумерация классов велась в обратном порядке: начиналась с двенадцатого, а первый был выпускным. Я не помню, чтобы кто-то учился в последних двух, но формально они были, о чем свидетельствовали накладные цифры на дверях классов четвертого этажа. В конечном итоге я дополз только до четвертого.

Уроки с самого начала одновременно шли на трех языках. Русский язык, литература, география и история преподавались на русском языке. Хотя мы обучались по новому правописанию, но география рассматривалась для России в границах 1913 г. На этом же году обрывалась история (знаменитый учебник С.Платонова), а литература заканчивалась Львом Толстым. Английская литература, всемирные география и история, естественно, шли на английском. Все остальные предметы изучались на французском. В 1944-1945 учебном году нам добавили и китайский язык.

Занятия начинались в восемь утра. После четырех часовых уроков была большая перемена с обедом. Во второй половине дня проводилось еще два часовых урока. После этого следовала большая перемена на полчаса, а затем полуторачасовая подготовка на следующий день. В общем все время было занято. В неделю занимались пять дней, с выходными в четверг и воскресенье. Это было очень разумно и, с одной стороны, разбивало монотонность пятидневки, а с другой, не давало расхолаживаться за два дня.

Сбежать с занятий было чем-то немыслимым, и никто даже представить себе не мог, как это можно манкировать школой. Лишь к концу войны возжи дисциплины ослабли, и мы стали сбегать через те самые хозяйственные ворота. По-французски это называлось «делать кустарную школу». «Кустарить» мы удирали в основном в теплое время, и заветным местом, куда прибывали чуть ли не целыми классами, был пляж на Лю Кавей. Там мы вволю купались и загорали, рассказывая друг другу байки. Но была там и западня. Примерно в 1943 г. вблизи пляжа сел на мель малый грузовой корабль и опасно наклонился на левый борт. Его пытались снять с мели и даже экскаваторами делали подкоп, благо было там мелководье - по шею. Но об этих подкопах не все знали. Вот туда я как-то и угодил летом 1944 г. Если бы не мой одноклассник Костя Казаков, который плавал

как рыба, то так бы и остался этот год второй цифрой дат моей жизни.

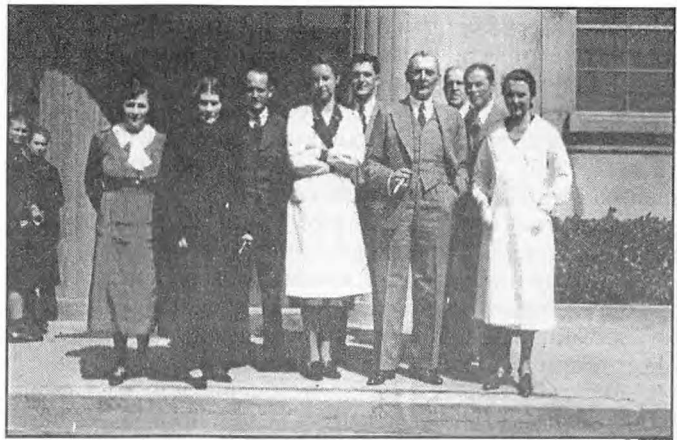
Обедали мы в школе. В самом центре первого этажа находился большой зал, который называли актовым. Там действительно проходили торжественные акты по случаю окончания учебного года с вручением книжных подарков и дипломов, бывали интересные лекции, кино и даже разыгрывались пьесы. В будни это была столовая, вмещавшая в себя одновременно всю школу. Сидели за длинными столами по 20 человек во главе с одним из старшеклассников, отвечавшим за порядок. Он

являлся нашим судьей, но и защитником тоже. Мальчики сидели на одной половине, девочки - на другой, и раздача еды шла на принципах самообслуживания дежурным по столу. Еда была вкусной, а хлеб всегда свежим - за горбушку вечно шло соперничество. Эти обеды входили в стоимость обучения и были довольно дешевыми.

Педагогический персонал школы был весьма пестрым и многонациональным. Директором школы до 1944 г. являлся француз Шарль Николе, который любил прибавлять к своей фамилии дворянскую приставку «де Шоле». Старички-эмигранты говорили, что до 1917 г. он был рядовым преподавателем французского языка в Иркутском кадетском корпусе и не имел никаких аристократических довесков к фамилии. В школе он сам не преподавал и лишь изредка, подменяя заболевшего учителя, интересно рассказывал о французском языке и истории. В остальном он появлялся перед учениками в качестве карающего ангела, причем больно и умело хлестал учеников по щекам. Все его страшно боялись: для наведения порядка достаточно было лишь упомянуть имя директора, и даже отъявленные озорники унимались. Вызов в кабинет директора был преддверием исключения и применялся в исключительных случаях.

Вице-директором являлся сорокалетний французский гражданин русского происхождения - Владимир Владимирович Корнилов. Он вел всю черновую работу, вызывал учеников оптом и в розницу. В его кабинете всегда по углам отстаивало 2-3 ученика. Иных даже привязывали к трубам отопления. Корнилов был суровым человеком и раздавал наказания щедро. Если директор по-русски выговаривал страшно коверкая лишь одно слово «мужик», то Корнилов по-французски говорил редко и больше с «нижегородским» акцентом - ему хватало русских слов. Я его встретил как-то ранней осенью 1947 г. на трамвайной остановке, и мы долго разговаривали о жизни. Он сообщил, что готовится к отъезду во Францию. Когда он узнал, что я собираюсь на Родину, то мне показалось, что в его глазах мелькнула безысходная тоска загнанного человека. Впервые мне стало искренне жаль этого несгибаемого поборника дисциплины. У него была красавица жена с роскошными черными волосами, которые она элегантно укладывала на темени и сразу становилась похожей на статую, сошедшую с пьедестала в Афинском Акрополе.

Французский язык в 12-м классе вела жена директора мадам Николе. Она была русской и дома откликнулась на имя Нины Николаевны. Однако в классе она старалась говорить только по-французски, хотя произношение ее оставляло желать лучшего. В младших классах французский язык и литературу преподавала мадемуазель Журдан, не знавшая ни одного слова по-русски. Ее уроки были довольно серыми, но красота и женственность мадемуазель привлекали симпатию учеников. Вскоре ее сменила мадам Сеньявина, характер которой оставлял желать лучшего. Позднее она натурализовалась

Шанхай. Группа педагогов школы Реми. Слева направо: м-м Н.Н.Николе, м-м Дени-Блен, м-е Буше, м-м Шутова, м-е М.К.Клюге, директор Ш.Николе де Шоле, профессор В.В.Ламанский, м-е Белокоп, м-ль Журдан.

во Франции, и ее сын погиб в 1940 г. в составе французских войск в Джибути. Мадам Сеньявина всегда кричала, ругалась, и мы ее не любили. С 7-го класса французский язык и литературу повела мадам Шутова, уроки которой проходили при абсолютной тишине, однако и спрашивала она строго. Мадам Шутова свой предмет любила, всегда рассказывала интересно и увлекательно.

Английский язык преподавали несколько учителей, из которых наиболее яркой была мадам Пастер - жена известного в городе дантиста. Предмет она знала сносно и к преподаванию относилась добросовестно.

Русский язык в младших классах вела мадам Косенко, а в старших классах нам посчастливилось услышать профессора Владимира Владимировича Ламанского, который поистине блестяще знал предмет. Он был совершенно неуравновешенным человеком. Шум в классе его мгновенно выводил из себя, и он начинал топтать ногами и кричать. Но души он был необыкновенной и сумел многим из нас привить любовь к Родине. Умер профессор в 1943 г. и при последнем моем посещении на прощание сказал: «Не забывайте про Россию, молодой человек, это ваш дом, и вы должны любой ценой уехать туда». Много лет спустя мне подсказали заглянуть в знаменитую энциклопедию Брокгауза и Ефрона и, к моему огромному удивлению, в третьем дополнительном томе на странице 56 я увидел: «Ламанский (Владимир Владимирович) - геолог. Родился в 1874 г. В 1896 г. по окончании курса на естественном факультете Санкт-Петербург. университета был оставлен при кафедре геологии, а через два года, в 1898 г. был назначен сверхштатным хранителем геологического кабинета Санкт-Петербург. университета. В 1902 г. выдержал магистерский экзамен и был командирован министерством финансов за границу. Затем занял место доцента по общему землеведению в Санкт-Петербург. политехническом институте». Далее приведен длинный список его работ. Этот том энциклопедии вышел в Санкт-Петербурге в 1906 г., а он уже удосужился туда попасть! Я был буквально потрясен прочитанным.

Китайский язык и связанные с ним дисциплины (фонетику, правописание, историю и географию) ввели осенью 1944 г., когда мы были уже на выходе из школы. Накануне нас всех собрали в актовом зале и сообщили, что со следующего дня руководство школы переходит в руки китайской администрации, и представили нового директора Кин Синчана. А еще через несколько дней в класс вошел средних лет китаец в очках, сел за преподавательский стол и, вынув из кармана русскую газету, стал читать вслух на ломанном русском языке. Мы молча, с изумлением на лицах, внимали. Прочитав какую-то пустяшную заметку, он повернулся к нам и с улыбкой сказал: «Вот, видите, я читаю по-русски. Я научу вас читать китайские газеты». И затем в течение всей оставшейся учебы нам вдалбливали совершенно непостижимые знания. Газет мы не научились читать, но со словарем, а это тоже наука, могли осилить несложный текст, да и около сотни иероглифов осталось у нас в памяти.

Поэтому в целом для нас проблем с языками не существовало. Все свободно изъяснялись на трех языках и разговорном китайском впридачу. Это впоследствии мне очень помогло и, в принципе, я понимаю и читаю (порой и без словаря) почти все европейские тексты, за исключением греческого и языков финно-угорской группы. Мои попытки освоить венгерский завершились тремя словами, а греческий - пятью. С немецким тоже не все ладно, хотя бабушка говорила и писала на нем свободно. Где-то в 1941 или 1942 г. меня даже определили к одной частной учительнице - тете Жене, которая состояла в гитлерюгенде и вечно ходила в коричневой форме с портупеей и свастикой на руке. Она провела со мной около десятка занятий, но все было бесполезно. Сейчас, хотя я более-менее свободно читаю специализированную литературу по искусству и понимаю медленный разговор, собственное лопотание оставляет желать лучшего. Правда в Германии, Австрии и даже Швейцарии меня понимали правильно и даже пытались вести диалог, но я в число освоенных немецкий язык не включаю. Все остальные европейские языки я в принципе читаю, понимаю, но, как собака, не говорю.

Был еще набор разномастных преподавателей. Химию и физику вел мосье Клюге, географию и историю - мосье Робенро, арифметику и мораль (был такой предмет!) - мосье Буше, математику и геометрию - мосье Белокос. Половина из учителей русского языка не знала, и это в значительной степени способствовало нашему усвоению французского.

Из этого перечня я хотел бы выделить Михаила Константиновича Клюге (как я узнал через полвека, он писал свою фамилию «Клуге»). Ему в ту пору было 25-27 лет, и он являлся сыном Георгиевского кавалера, офицера Генерального штаба. В свое время он

обучался во Французском колледже Шанхая, где директорствовал тот самый Гробуа с деревянной кистью. Последний и выдвинул Клюге в нашу школу. У нас работала и мачеха Клюге, а его брат Константин был известным в городе художником. В 1992 г. он выпустил книгу на русском языке «Соль Земли», где описано много интересных деталей мытарств русских в Китае, а на одной из фотографий изображен наш преподаватель Михаил Клюге.

Физической культурой руководил бывший Белый офицер Василий Львович Фризовский. Говорили, что он был в чине полковника, но я думаю, что он вообще не был военным, ибо в его петлице всегда красовался френч-знак ордена св. Станислава, который давался за гражданскую службу. Возможно, что он служил либо в полиции, либо в жандармерии. Командовал он лихо, и фельдфебельские усы придавали импозантный вид его маленькой, кругленькой фигурке. Пока ребята ходили строем и выделяли артикулы с деревянными винтовками, девочки занимались вышиванием.

Рисование преподавал господин Сейфулин, член РОВСа и Союза русских инвалидов. В его петлице красовался веночек, проткнутый мечом - знак участника Ледового похода генерала Л.Г.Корнилова, а на левой стороне груди - офицерский Георгиевский крест. Он служил в знаменитом Текинском полку и умел красочно рассказывать о Гражданской войне и героических делах Лавра Георгиевича, которого он боготворил.

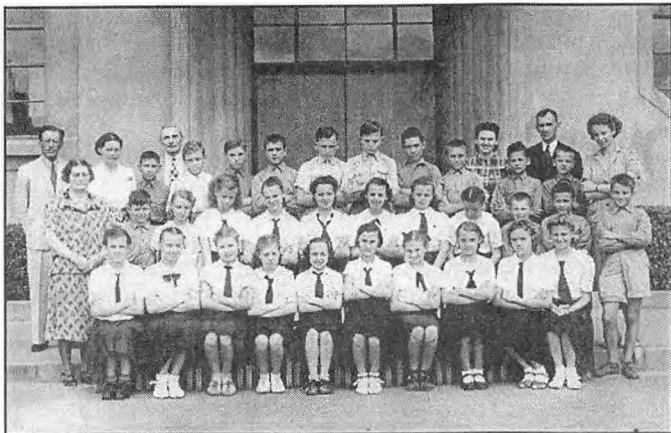
Уроки пения вела чрезвычайно толстая мадам Теляковская, а аккомпанировала ей очень тонкая мадам Стельницкая. Они как бы дополняли друг друга. Состав песен, которые мы разучивали, был весьма своеобразен. Прежде всего, это «Марсельеза» - официальный гимн Франции. Мы знали на зубок все три куплета. Много было французских песен как детских, так и народных («При свете луны...», «На авиньонском мосту...», «Мальбрук в поход собрался...» и т.д.). Были и чисто конъюнктурные песни из репертуара французской армии периода Второй мировой войны, включая и песни, восхвалявшие Петена. Английских песен было очень мало. Русский репертуар обуславливался вкусом мадам Теляковской. Любимой ее песней являлась «Слышен звон бубенцов издалека». Конечно пели военные песни Белой армии и «Взвейтесь, соколы, орлами». Как это ни странно, но все попытки разучить с нами «Боже, царя храни!» окончились провалом и после долгих мучений на нас махнули рукой. Иногда песни были из репертуара А.Вяльцевой и В.Паниной.

Наконец был Закон Божий. Он шел дополнительным уроком раз в неделю, а то и в две. Оставались только те ученики, чьи родители заявили о православном вероисповедании. Священник, приходя на занятие, произносил: «Иноверцы, изыдите», и примерно треть класса уходила. За десять лет сменилось немало священников, но наиболее запомнились отец Сергей и отец Матвей. Первый - своей мягкостью, а второй - своим неистовством. Его излюбленной фразой была: «Большевизм смердит, ибо это труп!». Нам тогда казалось это вульгарным антикоммунизмом, но спустя полвека, я понял, что он был прав.

Кроме преподавателей, проводивших занятия в школе, существовал институт классных дам и инспекторов. За редким исключением они были злыми и грубыми. У младших классной дамой являлась шестидесятилетняя, молодящаяся француженка мадам Дони-Блен. Она знала из русского языка немногим больше, чем директор. Кроме традиционного «мужик», что у нее выражало высшую степень презрения, она знала «хам» и как венец всего - «сволочь». Все это произносилось на французский манер с ударением на последнем слоге и ввиду того, что у французов нет буквы «ч», то звучало «сволотш». Мадам Дони-Блен была известна еще и как мастер истязания. Ее любимым наказанием являлось битие металлической линейкой по ладоням рук. Кроме всего она преподавала девочкам вышивание.

В средних классах дамой была мадам Ходасевич, чей сын являлся известным в городе наркоманом. Это горе наложило на нее определенный отпечаток: вечно нахмуренная, мужеподобная, с коротко подстриженными волосами и поджатыми губами. Она обладала невероятной физической силой, ее подзатыльники были весомыми. Однако излюбленным наказанием была для нее постанова в угол. Она могла поставить в угол, да еще на колени, весь класс и не на один час, а сама спокойно вязать за столом. К счастью, до гороха она не додумалась, но я до сих пор долго не могу стоять на коленях, настолько намаялся по углам при мадам Ходасевич.

У старших классными инспекторами являлись Николай Ильич Рейман и господин Вишневский. Первый, добрый по душе, был слабохарактерным человеком, не имевшим никакого педагогического таланта, еще и «закладывавшим за воротничок». Однако то,

Шанхай. Школа Реми. Ежегодная традиционная фотография класса. Во втором ряду слева - м-м Дони-Блен. В третьем ряду слева - классный инспектор Вишневский, м-м Полякова, директор Ш. Николе де Шоле, справа - м-м Пастер, вице-директор В.В.Корнилов, м-м Шутова. Автор воспоминаний - крайний справа в третьем ряду. *Фото 1941 г.*

что ученики его единственного назвали по имени и отчеству, указывало на их уважение. Второй из инспекторов был настолько стар, что еле тащился по школе, за что и получил кличку «Старик». Он носил пенсне со шнурком, и его облик уже потом мне очень напоминал образ Кисы Воробьянинова. Когда в году 1944-ом я с ним познакомился ближе, то понял, что он был трагично одиноким человеком.

Иерархию помыкавших нами завершали школьные сторожа. Их насчитывалось человек шесть-восемь, и с учащимися они соприкасались лишь в коридоре. Изгнанный из класса ученик уводился ими к вице-директору и там помещался

в очередь на расправу. Сторожа проводили и очень редко применявшуюся порку. Старший из сторожей - Белкин, имел большой колокол как символ своей власти, хотя в школе применялась система электрических звонков. К сожалению, этот импозантный старик сильно выпивал. Все сторожа носили специальные ливреи сиренево-коричневого цвета с какими-то генеральскими позументами.

Для всех школьников форма была обязательна. Летом носили рубахи цвета хаки с отложным воротничком и короткие штанишки. Только в старших классах нам разрешали одевать брюки. Зимой - черную гимнастерку и брюки. Голову венчала соответственно сезону черная или цвета хаки фуражка, причем в жаркое время на нее надевался еще белый чехол на тулью. Кокарда состояла из двух листочков, посредине которых красовались буквы «ER» от начальных букв названия школы. Такой же герб имелся и на пряжке пояса. Шинелей у нас не было, хотя в некоторых других школах они существовали. Форма девочек была более традиционной и совпадала с формой советских школьниц пятидесятых годов. Никаких колец и сережек им не полагалось.

Интересна была система оценок. В школе практиковалась двадцатибалльная система. Лучшая оценка равнялась двадцати, худшая - пяти. Менее пяти ставили редко, ибо это означало «весьма плохо». Практиковался и нуль, даже оценка «два нуля». Она не была бессмысленной, так как успеваемость в школе определялась по среднему баллу. Его выводили из суммы всех отметок, разделенной на их количество. Полученный результат выстраивался по убывающей, после чего устанавливалось место ученика в классе каждые две недели. Следовательно, лишний нуль отодвигал ученика на низшее место. К своим местам ученики относились очень ревниво и старались остаться хотя бы в первой половине этого ранжира. Я постоянно болтался по всему ряду цифр, но помню когда я вырывался в первую пятерку (было и такое!), то дома устраивался целый праздник. Но, не дай Бог, быть сорок вторым. Такое тоже случалось.

Система обучения была схоластичной. По каждому уроку заставляли заучивать резыме, которое требовалось знать слово в слово. Естественно, что перед этим во французских учебниках заменяли слово «мы» на «французы». Учебники все выдавались из школьной библиотеки, и они подлежали возврату в конце года. Там же получали и художественную литературу, особенно французскую. Часто на дом задавалось переписывание целого параграфа из учебника, да еще не один раз. Излюбленным наказанием у мосье Буше было переписать 50 или 100 раз фразу «Я не буду шуметь на уроке» или «Я не буду больше разговаривать на уроке».

Вообще система наказаний была разветвленной. Переписывание являлось низшим звеном этой системы. На уроках ставили в угол просто и на колени. Автор этих строк целый месяц сидел в углу на парте. Изгнание из класса, как правило, вело за собой так называемый «белый карцер». Провинившийся приходил в воскресенье и в течение трех-четырех, а то и пяти часов переписывал какой-нибудь учебник. Имелся и «черный карцер», который применялся сравнительно редко. Ученика просто сажали в темный класс на несколько часов. Ежедневно в «белом карцере» отсиживало человек 20-25, в «черный карцер», пожалуй, за учебный год попадало не более десятка. Порка была чрезвычайно редким событием, и экзекуция проводилась в маленькой комнатухе при гардеробной. За десять лет, что я провел в школе, такая мера применялась раза три и в присутствии родителей.

Исключение из школы имело несколько градаций. Исключали на три дня, неделю, месяц. Лишь после этих ступеней изгоняли насовсем и с «волчьим» билетом в придачу. Это обставлялось очень пышно, по особому ритуалу. Все ученики выстраивались в каре во дворе, и лишь в сторону ворот оставался небольшой проход. Директор торжественно вызывал исключаемого, оглашал приказ, снимал кокарду и пряжку ремня, после чего бывший ученик уныло брел к воротам. Исключали также и без этого театра, втихую.

Учебный год длился до 15 мая, и завершающим считался день сжигания старых тетрадей - почти ритуальное действо школяров. Оно осуществлялось под бдительным оком классных инспекторов во дворе школы. Директор делал вид, что он не замечает большого костра, и молча наблюдал за действием из-за опущенных портьер своего кабинета. Каникул в течение учебного года в нашем понимании не было. Взамен гуляли две недели на Рождество, начиная с 24 декабря, и около десяти дней на православную Пасху. На все французские праздники объявлялся выходной, а в День Перемирия - всей школой ходили на кладбище французских солдат, и там было торжественное католическое богослужение и прохождение войск. Кроме этого выходными считались все православные двенадцатые праздники.

Весной 1946 г. в школе Реми состоялся последний выпуск. Русские - основной контингент школы, разъезжались. Люди, приехавшие позже из коммунистического Китая, говорили мне, что теперь в нашей школе находится женская гимназия.

ПУТЬ НА РОДИНУ

Вопрос об открытии границ Советского Союза витал в воздухе сразу после разгрома Квантунской армии. Для нас, русских, восстановление базы в Порт-Артуре и безоговорочная капитуляция японской армии, подписанная на борту линкора «Миссури» в Токійской бухте, означали осуществление мечты об отъезде. Тысячи и тысячи русских, начиная с бывших военных, покинувших свою землю с оружием в руках, и кончая молодыми юнцами, никогда не выдавшими русских берез, мечтали поехать в Россию.

Советское консульство в Шанхае молчало, а слухи ходили самые невероятные. Сталились и эмигрантские газеты и радио. Диктор последнего Унтербергер прямо из кожи лез вон, доказывая бессмысленность возвращения. К сожалению, во многом он оказался прав, но мы тогда этого не знали. Определенная прослойка людей не выдержала психологической обработки и забрала свои заявления о советском гражданстве назад и, следовательно, закрыла себе путь к возвращению.

Летом 1946 г., наконец, открыли выезд из города. Люди потянулись в те страны, куда пускали, а таких было очень немного. Уехала в Союз первая партия русских - это были детдомовцы советской колонии. Все им завидовали, хотя мало кто осознавал, что они едут на Родину в очень тяжелое послевоенное время, и уровень жизни в Шанхае для основной массы русских был на несколько порядков выше, чем у достаточно обеспеченных в СССР. Но тяга домой в эти послевоенные годы была неудержимой. Советского консула Халина буквально осаждали желающие уехать, а помещение консульства в любой рабочий день было битком забито народом.

В начале 1947 г. начали выдачу паспортов тем, кто возбуждал ходатайство. Этим сразу их положение стабилизировалось. Вместо беспаспортных они стали полноправными гражданами Советского Союза с «молоткастым и серпастым» паспортом. За всеми стояла могучая держава, победившая фашизм. Достаточно было сказать китайскому чинов-

нику «су лин» (советский), и все препятствия сразу снимались. Опубликованный в московских газетах указ о репатриации дошел до нас через несколько дней, но уже из сообщения по радио мы знали о его содержании. Состоялся грандиозный митинг на нашем стадионе, куда прибыли представители советского посольства. Наступили жаркие дни для сотрудников консульства СССР, и вряд ли бы они справились своевременно, если бы не помощь общественности. Составление многочисленных документов, оформление багажа и все прочее помогали делать наиболее опытные из отъезжающих.

Получение разрешения на въезд в Союз проходило довольно быстро. Молодые получали его сразу. Однако люди старшего поколения, особенно те, кто родился в XIX веке или первых годах XX века, проходили тщательную проверку, и были случаи отказа. Среди последних находились особо скомпрометировавшие себя в годы Гражданской войны или в годы эмиграции. Таких было немного, но и среди этих старичков находились люди, искренне желавшие вернуться домой. Многие из тех, кому отказали в 1947 г. приехали позже, в последнюю волну репатриации из Китая в середине 1950-х годов. К 1990 г. в Харбине осталось всего 13 русских, а в Шанхае - один!!

Я уже упоминал, что первая волна репатриантов имела место в 1946 г. Тогда на Родину вывезли несколько сот детей-сирот. Поэтому можно говорить, что эта волна была ничтожной. Вторая волна 1947 г. была, пожалуй, одной из самых значительных. Пять крупных партий отбыло в течение июля-декабря этого года. В каждой из них насчитывалось свыше полутора тысяч человек. Таким образом, в 1947 г. только из Шанхая на Родину выехало около 8000 человек. Опубликованные цифры очень противоречивы. В одних источниках указывается, что на 25 000 иностранцев Шанхая было всего 15 000, а по другим сведениям 19 000 русских. Публиковались цифры, что в 1947 г. уехало всего 3000 человек. Думаю, что цифра 8000 более соответствует действительности, ибо только в нашей пятой партии находилось около 1500 репатриантов.

Возвращение на Родину проходило водным путем, и за первой партией прибыл комфортабельный пассажирский пароход «Ильич». Общественность сама грузила кранами вещи, играл оркестр, лились слезы, семьи прощались друг с другом и многие из них навсегда. Но в целом проводы проходили, я бы сказал, помпезно. Письма, пришедшие от уехавших первой партией, были бодрыми и жизнерадостными, несмотря на то, что большинство из них даже и в общих чертах не представляло, какие трудности переживает их Родина, и как им сытым, одетым и благополучным, не привыкшим к ограничениям, трудно придется дома. Позже некоторые не выдержали этого переселения.

За пятой группой, в которой должен был ехать я, пришел грузовой пароход «Н.В.Гоголь», плохо приспособленный для перевозки людей, которые должны были провести на нем восемь дней. Мы этого не заметили и радостно вступили на качающуюся палубу - ведь это был ключок нашей родной земли. Бывшие белогвардейцы мрачно шутили: «Гоголь» прибыл за «мертвыми душами». Но мы загрузились. Это был понедельник, 30 ноября 1947 года.

Корабль медленно отчалил, оставив оборванные цветные ленты серпантина, и двинулся к устью Вампу. Выходной маяк устья Янцзы мы прошли уже в сумерках, но отдельные энтузиасты долго провожали нас на катерах, расцвеченных флажками и фонарями. «Гоголь» вошел в Восточно-Китайское море, и началось плавание в безбрежных водах. Море было зеркально гладким. На корабле обнаружили несколько «зайцев», в том числе женщину, уехавшую от своей семьи с любимым человеком.

В Корейский пролив мы вошли в яркий солнечный день и повернули в его юго-западную часть - пролив Крузенштерна, более известный как Цусимский пролив. Слева угрюмо, несмотря на солнце, маячил в далеком тумане остров Цусима, а справа по курсу, где-то на горизонте едва проступали очертания острова Ики, и это уже была Япония. По корабельному радио сообщили, что мы проходим историческое место трагического Цусимского сражения. Под музыку «Варяга» мы молча смотрели на свинцово-серые волны, поглотившие русскую эскадру адмирала Рождественского.

Японское море встретило нас штормом и холодом. Температура падала прямо на глазах, а волны увеличивались час от часа. Началась носовая качка, и наш углый корабль буквально зарывался в воду. По мере приближения к Родине наше состояние все ухудшалось, и почти все поголовно лежали пластом в трюмах, страдая от морской болезни. Качка выворачивала нас, и свет становился не мил.

Когда «Гоголь» вошел в территориальные воды СССР, многие из экипажа, бывшие

до того момента в штатском, надели форму НКВД и фуражки с синим верхом. К сожалению, изменился и тон разговора. Это подействовало как холодный душ, однако общая радость возвращения не омрачалась. Корабль держал курс на порт Находка.

Мыс Поворотный встретил нас снегом и морозом. Было 8 декабря 1947 г. Хотя, вероятно, холод не превышал минус десяти градусов, но нам, жителям юга, совершенно неприспособленным к нему, он показался сорокаградусным. Откуда нам было знать, что через полтора месяца Петропавловск-Казакстанский встретит многих из нас температурой минус пятьдесят три градуса!

Земля приняла нас сурово-холодно. Не было ни оркестров, ни многословных речей. Нас кратко поприветствовали, посадили в грузовые машины и переправили в большой и неуютный переселенческий лагерь, с пустыми сторожевыми вышками, где еще оставались репатрианты предыдущей группы. Они нас просветили о премудростях и тонкостях местной жизни и первыми анекдотами о нашей судьбе. Багаж разгрузили в большой металлический пакгауз, и каждый вечер мы там дежурили по 10-20 человек. Это отнюдь не мешало вору регулярно проникать в помещение и с завидным постоянством и системой вскрывать наши вещи. Кражи совершались регулярно раз в три дня. Мне было беспокоиться особо нечего: мои маленькие три чемодана были заполнены самым необходимым бельем и книгами. Но были репатрианты, у которых числилось за сотню мест. Находка была забита заключенными, которые ходили под конвоем злейших овчарок, и японскими военнопленными, все время что-то копавшими, строившими и разгружавшими. Казалось, что штатского населения в этом городе и не было.

Пограничные и таможенные формальности прошли быстро. Вещи просматривались бегло и поверхностно. Из многих мест багажа были изъяты буквально единичные вещи, в основном литература. «Зайцев» и еще несколько человек увезли под конвоем во Владивосток, и мы больше их не видели. Затем специальная комиссия распределила нас по местам жительства и работы. Географически это были в основном Урал и Северный Казахстан. Мне кажется, что самой западной границей, куда в то время допускались репатрианты, была Казань. 10 января 1948 г. нас погрузили в теплушки типа «40 человек или 8 лошадей». Мы поместились по 24 человека. Нам выдали ржавой селедки, черного хлеба, несколько банок американских консервов, сахара из расчета на неделю. Все это мы съели за два дня. Поезд тронулся по длинному и бесконечному Транссибирскому пути на место нашего нового поселения. Семнадцать дней двигался я к своему конечному пункту, провись, проносившись и чуть ли не завшивев.

27 января 1948 г. наш поезд торжественно проехал по виадуку, переброшенному через проспект Ленина города Свердловска, и остановился на пятом пути его главного вокзала. Было 10 часов вечера. Зарубежные скитания для меня закончились. Я приехал домой, на свою Родину, навсегда. Об этом я никогда ни секунды не сожалел.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В романе Анатоля Франса «Кренкебиль» есть интересный эпизод. Один историк, посаженный в английскую тюрьму, был свидетелем тому, как во дворе поссорились два заключенных. На следующий день он рассказал о происшедшем своему товарищу, который видел это событие из другой камеры, и был поражен, как сильно разнятся их наблюдения. Ученый подумал, что, если допускаются ошибки в том, что случилось вчера и виделось собственными глазами, то как трудно восстановить ход событий многолетней давности. И ученый сжег свой труд по истории, который писал в камере.

Так и описанное мною тоже субъективно. Кого-то я забыл, наверное что-то перепутал, какие-то события пропустил, а какие-то факты извратил. Все может быть - память человеческая несовершенна. Поэтому я прошу пощады у моих давнишних соплеменников по Китаю, если я кого-то невольно обидел. Мне лишь хотелось, чтобы следующие поколения знали, что случилось со всеми нами. Кто это им расскажет после того, как нас не станет? Это тоже наше русское прошлое, и мы не должны забывать о нем.

Екатеринбург, 1995 г.

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

В Санкт-Петербурге в издательстве местного университета вышла в свет книга В.Г.Бор-тневского «Загадка смерти генерала Врангеля: неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов». В монографии на основе не известных ранее архивных источников рассматривается самоотверженная деятельность Главнокомандующего Русской армии и Председателя Русского Обще-Воинского союза, генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля по сплочению сил русской эмиграции в борьбе с большевистской диктатурой, высказываются соображения об истинных причинах преждевременной кончины Белого вождя. В обширном приложении публикуются, в значительной степени впервые, приказы и распоряжения генерала, написанные во время пребывания на чужбине.

* * *

В Рыбинске в издательстве «Рыбинское подворье» издана книга-альбом «Крестный путь Русской армии генерала Врангеля: из семейного архива Апраксиных-Котляревских» (составитель и автор предисловия П.Г.Паламарчук). Благодаря усилиям Марии Николаевны Апраксиной, Владимира Николаевича Котляревского и автора-составителя из эмиграции на Родину вернулся уникальный семейный архив, запечатлевший хождение по мукам Русской армии генерала Врангеля и судьбу хранителей Белого архива из Брюсселя. Сбылось пророчество П.Н.Врангеля: «Бог не оставит нас. Россия не забудет». Книга содержит воспоминания участников и очевидцев страшных времен Гражданской войны, многочисленные фотоснимки (в большинстве любительские), запечатлевшие вождей и героев Белого движения, события Гражданской войны, прощание с Родиной, жизнь на чужбине. Приводится послужной список Главнокомандующего Русской армии генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля.

* * *

В Москве издательским центром Института российской истории РАН выпущена монография Г.В.Мелихова «Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.)». Книга является первой в отечественной и мировой историографии работой о жизни и деятельности российских эмигрантов в какой-либо отдельно взятой стране. Автор, известный русский востоковед, на широкой документальной базе рассматривает формирование и становление дальневосточной Белой эмиграции, ее политические, общественные, благотворительные и научные организации, статус эмигранта в Китае, отношение к проблеме Китайско-Восточной железной дороги. В книге раскрыты некоторые черты жизненного пути адмирала А.В.Колчака, генерала Д.Л.Хорвата, атамана Г.М.Семенова, инженера Б.В.Остроумова и многих других, что позволяет лучше представить себе этих людей в той конкретной обстановке и, возможно, глубже понять мотивы и движущие силы, руководившие их действиями и поступками.

* * *

В Москве на заседании специализированного совета по историческим наукам при Военном университете Ю.П.Дорониным успешно защищена кандидатская диссертация на тему «Воздушный флот Белых армий России в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.)». Автореферат диссертации свидетельствует, что проведенное исследование позволило сделать автору ряд принципиальных выводов. 1. В годы Гражданской войны в составе Белых армий были созданы боеспособные части воздушного флота, которые в основном отвечали условиям вооруженной борьбы с частями Красной армии. За основу организа-

жав дала средства для упорной, длительной борьбы против красных, но всех надежд и желаний не оправдала. 3. Белая авиация существовала обособленными фронтами и была совершенно изолирована друг от друга, попытки наладить совместную работу никаких серьезных результатов не принесли. Имел место лишь стихийный или вынужденный обмен летным и техническим составом. Автор вводит в научный оборот многие доселе практически забытые имена русских авиаторов.

* * *

В Волгограде в издательстве местной академии государственной службы вышла в свет монография **В.Д.Зиминой «Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны»**. В данном издании (объемом 28,2 печ. листа) рассматриваются малоизученные проблемы стратегии и тактики, форм и методов борьбы Белого движения за возрождение единой и Великой России. Автором предприняты попытки типологии антибольшевистских политических режимов времени Гражданской войны с точки зрения анализа их государственного и институционального строительства и социально-экономической политики. Особое внимание уделено процессам, связанным с их трансформацией, анализируются причины их крушения. В книге привлекает скрупулезный сбор и анализ многочисленных зарубежных (в основном эмигрантских) и отечественных историографических источников, некоторые из которых впервые вводятся в широкий научный оборот. **Монография легла в основу докторской диссертации, успешно защищенной автором на заседании диссертационного совета при Российском государственном гуманитарном университете (г.Москва) в марте 1998 г.**

* * *

В Санкт-Петербурге редакцией альманаха «Цитадель» выпущены **воспоминания контр-адмирала Г.К.Старка «Моя жизнь»**. Бывший командующий Камской речной военной флотилией белых, командир дивизии стрелков (морской пехоты) в армии А.В.Колчака, Сибирской военной флотилии Георгий Карлович Старк написал мемуары для своего сына Бориса в 1943 г. в оккупированной нацистами Франции. Оказавшись после Гражданской войны в эмиграции без средств к существованию, контр-адмирал разделил участь многих попавших на чужбину русских кадровых офицеров и был вынужден стать таксистом. Его нелегкая работа позволяла свести концы с концами и даже помогать семье друга адмирала А.В.Развозова, погибшего в тюремной больнице красного Петрограда. Воспоминания завершаются концом 1916 г., кануном трагических для России революционных потрясений, и свидетельствуют о чести и достоинстве, высоком профессионализме, горячем патриотизме русских морских офицеров, многие из которых приняли участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Книга помогает понять характер, внутренний смысл поступков самого контр-адмирала. Воспоминания публикуются впервые, тиражом 1000 экземпляров, и уже стали библиографической редкостью.

* * *

В Санкт-Петербурге в издательстве «Нестор» вышел в свет **энциклопедический справочник «Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917-1923 гг.)**, составленный доктором технических наук **В.В.Клавингом**. Несколько десятилетий автор по крупицам собирал сведения о военных и политических деятелях, боровшихся против советской власти. Издание подготовлено на основе материалов отечественной и зарубежной периодической печати и широкого круга иных источников, проиллюстрировано многочисленными рисунками художника **Н.И.Шарф**, выполненными по уникальным фотографиям. К сожалению, приходится констатировать неполноту представленных персоналий и имеющие место неточности. Тем не менее это не снижает общей несомненной ценности справочника.

* * *

Совместными усилиями издательств «Олимп» (г.Москва) и «Русич» (г.Смоленск) выпущена книга московского историка **В.Л.Телицына «Нестор Махно»**. В предисловии автор отметил, что «в советский период официальная пропаганда и историческая наука приложили немалые усилия, чтобы сформировать отталкивающий образ пособника контрреволюции и белых генералов, бандита-неврастеника, ужасного монстра и демона революции. А крестьянская молва противопоставляла почти легендарный образ героя - защитника народа, наделенного и необыкновенным умом, и особого рода хитростью, и, конечно, справедливостью... Вокруг его имени до сих пор нагромождено множество мифов и трудно объяснимых фактов. Бесспорно одно - это человек-легенда». Благодаря обширности использованных архивных материалов, свидетельств и воспоминаний современников, книга помогает пролить свет на загадочную фигуру Нестора Ивановича Махно, на его искания «третьего пути» в бурном море революции и Гражданской войны в России.

* * *

В Москве в издательстве «Посев» вышла книга избранных статей известного политического деятеля русского Зарубежья **В.Д.Поремского, озаглавленная «Стратегия антибольшевистской эмиграции»**. Многие из работ, представленных в сборнике, несомненно привлекут пристальное внимание заинтересованного читателя. Для наших единомышленников мы прежде всего выделим написанную в 1954 г. статью «Политическая миссия российской эмиграции», в которой автор анализирует численность первоначальных эмигрантских потоков, их состав, дальнейшие демографические изменения, рассматривает проблемы эмиграции как военной силы, носительницы и хранительницы культурных ценностей, ее политическое кредо, ищет и находит (на взгляд автора) ответ на вопрос о причинах отсутствия единства в среде российского Зарубежья.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

АБИНЯКИН Роман Михайлович, аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета, автор ряда публикаций по истории Добровольческой армии.

ДОРОНИН Юрий Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Качинского высшего военного авиационного училища летчиков (г.Волгоград), занимается историей воздушного флота Белых армий в годы Гражданской войны, автор ряда статей и докладов на научных конференциях.

ЕРШОВ Виталий Федорович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (г.Москва), изучает историю российской военной эмиграции, автор ряда научных работ и коллективных монографий.

ЗАЙЦЕВ Георгий Борисович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музееведения Уральского государственного университета (г.Екатеринбург), автор многих научных работ, исследователь истории жизни и деятельности последнего Российского императора Николая II и его семьи, эмигрант-репатриант.

МОЛЧАНОВ Эдуард Прокопьевич, журналист, ответственный секретарь объединенной редакции научных журналов РАН (г.Екатеринбург), исследователь творчества А.И.Несмелова.

НЕСМЕЛОВ Арсений Иванович, офицер русской армии, журналист, редактор, сотрудник и автор эмигрантских изданий «Рубеж», «Заря», «Луч Азии», самобытный русский поэт первой трети двадцатого века.

ТАСКАЕВ Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар), автор более 50 научных публикаций.

ФОМИН Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, заместитель председателя диссертационного совета по Отечественной истории Московского автомобильно-дорожного института (Технического университета), занимается изучением истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, дальневосточного казачества, русской эмиграции в Китае, автор более 80 научных публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	3
-------------------	---

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Абинякин Р.М. К предыстории Белого движения: «Добровольческая революционная армия» 1917 года.....	5
Доронин Ю.П. Авиация Всевеликого войска Донского и Белой Кубани в Гражданской войне.....	11

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Фомин В.Н. Л.Г.Корнилов: жизнь и судьба кумира русского офицерства.....	20
---	----

НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Список офицеров и солдат Белой армии в Коми крае, награжденных боевыми орденами и медалями. Список гражданских лиц в Коми крае, награжденных за помощь Белой армии боевыми орденами и медалями.	
Публикация Таскаева М.В.	38
«Павшие гвардейцы»: мартиролог офицеров гвардейской пехоты, погибших в рядах Добровольческой армии в 1917-1919 гг.	
Публикация Абинякина Р.М.	46
Розыск	49

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

Ершов В.Ф. Деятельность генерала А.А. фон Лампе по созданию «Белого архива» Российского военного Зарубежья 1920-30-х годов и публикации материалов по истории Белого движения	51
Молчанов Э.П. Поэтический рубеж Арсения Несмелова: «Несгибаемые души не снижают свой полет...».....	65
Несмелов А.И. Стихи. Переписка. Воспоминания.	70

МЕМУАРЫ

Зайцев Г.Б. Приподнимая занавес из тонкого китайского шелка... (воспоминания русского репатрианта).....	90
Хроника	114
Несколько слов об авторах	117

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО.
Исторический научно-популярный альманах № 5.

Ответственный редактор Дмитриева Т.В.
Компьютерная верстка Смирнов С.В.
Художник Сакнынь Ю.П.
Дизайн Пряхина Н.Н.

Подписано в печать 5.11.98. Формат бум. 70x108 1/16. Бумага книжно-
журнальная. Офсет. Усл. печ. листов 16,0. Тираж 800 экз. Заказ № 9.
«Издательство УМЦ УПИ». 620002, г.Екатеринбург, ул.Мира, 17, оф. 223.

